

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

на правах рукописи

ШАФРАНОВА ОЛЬГА ИВАНОВНА

**ОБРАЗОВАНИЕ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИН
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX -
НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Специальность 07.00.02
Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель: доктор
исторических наук, профессор
Кудрявцев А.А.

Ставрополь, 2004.

Содержание

Введение	3
Глава 1. Социально-правовое положение женщин в России во второй половине XIX - начале XX в.	
§1. «Женский вопрос» и «женское движение» в России во второй половине XIX - начале XX вв.	40
§2. Особенности положения женщин Северного Кавказа: горянки, казачки, крестьянки, женщины кочевых народов	69
Глава 2. Женское образование на Северном Кавказе во второй половине XIX - начале XX вв.	
§1. Развитие начального образования	91
§2. Средние женские учебные заведения региона	112
§3. Специальные и профессиональные образовательные учреждения для женщин на Северном Кавказе	128
Глава 3. Социальная активность и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX - начале XX в.	
§1. Дамские общества и кружки на Северном Кавказе во второй половине XIX- начале XX вв.	152
§2. Деятельность женских северокавказских монастырей и общин	172
§3. Профессиональные занятия женщин на Северном Кавказе	191
Заключение	215
Примечания	222
Список источников и литературы	258
Приложения	310

Введение

Актуальность. Актуальность темы исследования определяется, прежде всего, необходимостью осмысления положения женщин в условиях социально-экономических противоречий современного мира, весьма сходных с эпохой становления в России буржуазного строя. Либеральные преобразования российского общества в конце XIX - начале XX вв. вызвали волну общественно-педагогического движения, в результате чего женщины получили право на образование, что, в свою очередь, привело к повышению их роли в духовной жизни страны, активизации их общественной, профессиональной и культурной деятельности.

Характерной особенностью исторического развития России конца 80-х - начала 90-х гг. XX в. является резкая интенсификация социальных трансформаций. К их числу относятся и изменившиеся представления о роли и статусе мужчин и женщин в обществе, когда образы «женственности» и «мужественности», созданные в предшествующий период, вступили в противоречие с новыми реалиями жизни, засвидетельствовавшими, что сильнее всего кризис идентичности сказывается на женщине, как наименее социально и культурно защищенном субъекте современных процессов модернизации. Это явилось одной из причин обращения российских ученых к «женской» теме, открытия центров гендерных исследований в Москве, Санкт-Петербурге и других городах, а также проведения научных конференций по обозначенной тематике¹.

В подобных исследованиях российских ученых рассматриваются понятия «гендер» и «гендерные исследования». Гендерный подход к исследованию предполагает учет многовариативного влияния фактора пола, а пол как категория состоит как бы из двух компонентов: пола биологического (sex) и пола социального (gender). Ученые пришли к выводу о том, что гендерные исследования предполагают изучение мужчин и женщин, что само по себе не исключает их раздельного изучения, а гендерная история - это история взаимоотношений и взаимодействий мужчин и женщин. За короткий срок теоретические гендерные разработки и

исследования Н.Л. Пушкаревой, Л.П. Репиной, Е.А. Здравомысловой, С.В. Полениной, И.С. Кона, Н.М. Римашевской, Е.Р. Ярской - Смирновой, М.Л. Бутовской и др. заняли определенное место в российской науке. Из области научных изысканий они перешли в учебники для высших учебных заведений и стали предметом обучения³.

В Северо-Кавказском регионе развитие гендерных исследований находится на стадии становления. В последнее время появились работы, посвященные различным аспектам данной проблематики или учитывающих гендерный фактор⁴.

Объектом исследования является история женщин Северного Кавказа во второй половине XIX - начале XX в.

Предметом исследования выступает общественная деятельность женщин её формы и проявления, проблемы женского образования и роль женщин в общественной жизни региона в пореформенный период.

Географические рамки диссертационного исследования ограничены территорией Северного Кавказа. В 60-е г. XIX в. был осуществлен ряд административных преобразований в районах Северного Кавказа. После пленения Шамиля была упразднена Кавказская линия. Территория Левого фланга была преобразована в Терскую область, а земли Правого фланга - в Кубанскую область. Согласно указу Александра II от 1860 г. «все пространство, находящееся к северу от главного хребта Кавказских гор и заключающее в себе две области: Терскую и Кубанскую, так и Ставропольскую губернию именовать впредь Северным Кавказом»⁵. На всем протяжении изучаемого периода неоднократно проводились административные изменения: в 1866 г. г. Моздок, в 1867 г. - Кизляр, в 1868 г. г. Георгиевск, в 1874 г. Пятигорск и другие курортные города, станицы Ессентукская, Кисловодская, Горячеводская были переданы из Ставропольской губернии - в Терскую область⁶. Тем не менее, указанные территории все это время не выходили за рамки понятия «Северный Кавказ», что позволяет изучить их как единое целое.

Хронологические рамки диссертации охватывают период со второй половины XIX в. - 1917 г. XX в. Начальная точка исследования обусловлена тем, что под влиянием буржуазных преобразований 60-х гг. XIX в. в России наблюдается общественный подъем, возникает множество социальных групп, борющихся за увеличение своих прав. Под влиянием такого настроения в обществе дает о себе знать и «женское движение». Именно с 60-х гг. XIX в. государством и обществом проводится большая работа по изменению положения женщины, открывается множество учебных заведений, в корне трансформируется отношение к женщине как к социальному объекту. На протяжении изучаемого времени на высоком научном уровне ведутся дискуссии о правомерности и целесообразности участия женщин в социальных процессах. Научно доказываются теории женской биологической и социальной природы. На рубеже XIX-XX вв. рассматриваемые в данной работе процессы получили наибольшее распространение: появились специализированные женские издания, сами женщины становились активными преобразовательницами жизни, вторгаясь в сферы профессиональной медицины, издательской деятельности, искусства, сферы - ранее закрытой для них. Именно в этот период происходило коренное изменение гендерного традиционализма в общественном сознании, о чем свидетельствуют публичные выступления и научные труды общественных деятелей, философов, историков. Все это в известной степени повлияло и на положение женщины на северном Кавказе. Верхний хронологический предел исследования определяется 1917 г., так как после революции наступила новая историческая эпоха, создается новое государство, коренным образом отличавшееся от существовавшей ранее системы. Советское государство полностью реорганизовало систему народного образования, начинались коренные преобразования во всех областях общественной и политической сферах, стало строиться совершенно иное общество.

Историография проблемы. Историография проблемы обширна, для удобства рассмотрения её целесообразно систематизировать в две большие группы: общероссийскую и региональную.

В первую группу вошли работы, опубликованные с конца XVIII-начала XIX в. по настоящее время.

Накопление материала о положении женщины в российском обществе было начато историками еще в конце XVIII - начале XIX в. Н. М. Карамзин первым призвал создать «галерею портретов россиянок, знаменитых в истории или достойных сей участи». Повесть исторического характера Н. М. Карамзина о новгородской боярыне XV в. Марфе Борецкой, была первой работой, пробудившей интерес к биографиям выдающихся женщин русского

7

средневековья .

Начало XIX столетия в России было отмечено подъемом национально-патриотического самосознания в годы Отечественной войны 1812 г. В прямой связи с ними и с оформившимся в 1820-1850-е г. славянофильским направлением возник интерес к истории повседневности средневековой России. Историки-славянофилы публиковали в журналах подборки историко-этнографических и фольклорных материалов, описывая место женщин в свадебных, крестильных, похоронных церемониях, их положение в древнерусских и современных им крестьянских семьях . В середине XIX в. исследователи повседневности и нравов средневековья И. Е. Забелин и А. Терещенко сделали попытки «вписать» женщин в материальный быт допетровской эпохи (X - XVII вв.)⁹. В 1830-1850-е гг. исследователи либерального направления-«западники», стали анализировать уголовно-правовые и материально-правовые нормы, сопоставляли имущественный статус, дееспособность женщин в допетровскую эпоху (X-XVII вв.) и в XVIII в. Сравнивая эти два периода они показали разительность перемен, совершенных в эпоху

«европеизации». Многие исследователи-правоведы отмечали «правовую защищенность» русских женщин в средневековой России, их право на обладание собственной частью (выделом) в общесемейном имуществе, получение ее в случае развода¹⁰. Одновременно, в изучаемый период стали появляться и научные публикации, авторы которых анализировали место женского вопроса в системе современных им юридических знаний и в публицистике¹¹. Большую работу по изучению правового положения женщин в российском законодательстве XIX в. провели правоведы В.П. Безобразов, В.В. Быховский, И. Васильев, Л.Я. Гуревич, А.Г. Гоцберг, А.О. Домоховский, П.

12

Жид, П.М. Лебединский, В.И. Синайский, В. Ривс .

Исследуя российское законодательство в его историческом развитии, авторы склонны к тому, что женщина в правовом отношении явно дискриминирована в отличие от мужчины. При чем в большей степени это касалось замужней женщины. Так, В.П. Безобразов в работе «О правах женщины» подробно рассматривает 10-й том Свода законов Российской империи, касаемых прав женщин в России изучаемого периода. Он отмечает, что: «...первые же статьи действующего Свода Законов представляют буквальное повторение старинного закона Екатерининских времен, который в свою очередь носит на себе явные следы византийских воззрений и взглядов Домостроя»¹³.

В трудах таких этнографов второй половины XIX в. как А. П. Щапов, И. Харламов, А. Я. Ефименко была открыта «особость» статуса женщины в русской многопоколенной крестьянской семье, со строгой дифференциацией ролей, прав и обязанностей¹⁴. На рубеже XIX и XX вв. появились труды женщин - исследовательниц по этому вопросу. Вслед за лидерами российского женского движения Н. Корсини, М. Богдановой, Н. Сусловой, Е. О. Лихачева, М. Дитрих и Е. Щепкина попытались дать научное объяснение женского неравноправия. Истоки незавидной женской

доли в России они видели в «утверждении патриархальных начал», влиянии православия и распространении византийской литературы. Они первыми отметили, что затворничество русских женщин в XVI-XVII вв. коснулось только «узкого слоя знати», увидели в этом периоде не только негативные характеристики, но и начало осознания «ценности женской личности» главным образом в семье¹⁵. Несомненный интерес представляли и попытки некоторых исследовательниц, которые были одновременно участницами женского движения, борьбы за политические, избирательные права сопоставить «женскую историю» России и Запада, сравнить методы достижения целей, объяснить специфику исторической ситуации в России. Вышеупомянутая Е. Щепкина, а также М. В. Кечерджи-Шаповалова подчеркнули традиционность психологии коллективизма, значимость «самопомощи» как самостоятельного направления деятельности первых женских организаций на русской почве¹⁶. Начало XX в. вписало новую страницу в «женскую историю» России. Участницы Первого Всероссийского женского съезда (1908 г.) старались дать объективную оценку правовому и общественному статусу женщин различных социальных слоев в конце XIX -начале XX в., их деятельности на различных поприщах, определить

17

перспективы борьбы за равноправие .

Тема любви, сексуальности, брака и семьи характерна для русской литературы, публицистики, эстетики, философии и теологии конца XIX - начала XX в. О любви писали философы и теологи, такие как Н.А. Бердяев,

1
8

И.А. Ильин, Н.О. Лосский, В.В. Розанов, В.С. Соловьев, Ф. А. Степун . В это время проблема взаимоотношений мужчины и женщины постепенно перестает сводиться исключительно к социальному аспекту. Одновременно все более осознается, что так называемый «женский вопрос» не является исключительно женским: это вопрос взаимоотношения полов, и как

таковой он в равной мере затрагивает и женщину и мужчину. Вопрос о поле и любви не может быть сведен только лишь к проблеме социального освобождения женщины¹⁹. По словам Бердяева «это мучительный вопрос для каждого существа; для всех людей он также безмерно важен, как вопрос о поддержании жизни и о смерти»²⁰. Под проблемой женской эмансипации или социального освобождения женщин Бердяев понимал не вопрос эмансипации как таковой -это вопрос более глубокий - «метафизический», то есть затрагивающий глубинные основы бытия каждого человека. По его мнению, проблема женской эмансипации составляет одну из частей или граней более общей и

фундаментальной проблемы взаимоотношения полов, любви и сексуальности .

Основной проблемой в решении «женского вопроса» в России такие исследователи как Н. Зинченко, П. Пашков, М. Катков, Е. Дюринг считали

22

нерешенную проблему женского образования . По утверждению Н. Зинченко, «В сравнении с шумной агитацией женских прав в Англии и Америке, в России почти не существовало «женского вопроса», так как центр тяжести этого вопроса для русской женщины лежит не в её гражданских и политических правах, а прежде всего в правах женщины на образование. Вопрос о женском образовании в России есть совершенно самостоятельный вопрос, не зависящий от успеха вопроса эмансипации. Решение вопроса о женском образовании есть

23

решение женского вопроса вообще» . Некоторые журналисты делали попытки обобщения итогов развития женского движения (за 10-15 лет), борьбы

2
4

россиянок за доступ к высшему образованию и работе на благо науки .

Таким образом, сторонники этого направления, на наш взгляд, несколько упрощенно и поверхностно понимая причины возникновения женской социальной активности, видели решение «женского вопроса» в России в решении проблем женского образования.

Историки В. Михневич, Д. Мордовцев, В. Шульгин, С. Шашков. А. Чудинов пытались создать целостный тип русской женщины различных эпох,

25

подчеркивая её интеллектуальное влияние на общество . Эти исследователи пытались показать картину положения женщины в процессе социальной истории России. «Изучая положение женщин в России от первого появления славян в истории до нашего времени, мы замечаем, что судьба женщины у нас видоизменялась три раза. В языческом быту славян и руссов мы находим, что все сферы жизни открыты женщине, она пользуется свободой в первобытном, еще не устоявшемся обществе. С принятием христианства из Византии начинается мало помалу разлучение полов: женщина постепенно исключается из мужского общества. Это исключение продолжалось до Петра Великого. Петр снова соединяет в общежитии оба пола, возвращает женщине её место, права и значение в обществе; её свободу в новых формах, очищенных, не похожих на прежние, полудикие проявления» - пишет В. Шульгин в своем историческом

26

исследовании .

Немалое значение для настоящего исследования представляют работы русских педагогов XIX столетия - теоретиков и практиков женского образования К.Е. Ельницкого, В.Д. Сиповского, В.Я. Стюнина, К.Д.

27

Ушинского . Наиболее ценным в исследованиях данных авторов является концепция женского образования в России, с практической направленностью на педагогическую деятельность.

Особый пласт историографии составляют труды по истории становления образования в России, в том числе и женского. В 90-х гг. XIX в. - начале 1900-х гг. вышли работы, посвященные частным проблемам народного образования современной авторам эпохи. По сути, их работы не являются историческими, так как обращены к проблемам организации образовательной системы. К таким работам следует отнести, прежде всего, труды В. Василевича, В.П. Вахтерова,

28

К. Мягковой, А. Оленина, Ф. Самарина, С.В. Рождественского, Н.В. Чехова . Авторы этих книг дали анализ работы учительских съездов, показали положение педагогов, привели сведения о состоянии земских начальных народных училищ, осветили деятельность Министерства народного просвещения и содержание процесса развития образования в России на протяжении длительного исторического периода. В каждой из этих книг представлен, как правило, один из аспектов многоплановой деятельности учительства.

В. Василевич дал обстоятельный анализ работы I Всероссийского съезда представителей учительских обществ взаимопомощи, состоявшегося в конце декабря 1902 г. - начале 1903 г. Наиболее интересным моментом в его исследовании является оценка значения проблем, поднятых на съезде учителями. Автор привел также перечень имен активных деятелей общественно-педагогического движения.

В. П. Вахтеров рассмотрел проблему обеспечения внешкольного образования народа, особо важный вопрос для России того периода, когда остро чувствовалась нехватка школ и учителей. Автор показал перспективы развития внешкольного образования и роль учителей в этой деятельности.

В небольшой книге К. Мягковой показано тяжелое положение народных учителей на примере целого ряда фактов. А. Олениным и Ф. Самариним обобщен разнообразный статистический материал о состоянии земских начальных училищ Московской губернии в 1892/93 уч. г. Он

представляет особый интерес, так как земские школы были важным звеном в системе начального образования и опыт их работы использовался другими педагогами.

В книге С. В. Рождественского сделан исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения за 100 лет - с 1802 по 1903 гг. В обзоре определены различные направления деятельности министерства по развитию народного образования, перечислены типы школ, очерчен профессиональный статус учителя.

Н. В. Чехов осветил развитие народного образования в России с 60-х гг. XIX в. до начала XX в. В исследовании этого известного деятеля народного образования содержится значительный фактический материал, который позволяет проследить постепенное формирование сложной школьной структуры, увидеть особенности правового и материального положения учителей, работавших в школах, принадлежавших к разным ведомствам.

С установлением Советской власти начинается новый период истории России, вместе с ним приходит совершенно иное направление в общественных науках, что отразилось на видении изучаемых вопросов. Особенность советской историографии состоит в том, что почти вся она базировалась на марксистско-ленинском учении о классах и классовой борьбе. Односторонний подход к решению научных проблем существенно ограничил результаты многих исследований. Методологической основой большинства работ, посвященных «женской проблеме», народному образованию и учительству

явились произведения В.И. Ленина .

Ленин в своих статьях нередко обращал внимание на развитие школы и положение учителя до революций 1917 г. и на его место в Советской России. В ряде работ и выступлений послеоктябрьского периода он

рассмотрел различные направления политики Министерства народного просвещения, материальное и правовое положение учителей в России.

Не смотря на то, что после революции «женский вопрос» в России был объявлен решенным, «женская тема» не исчезла со страниц первых послереволюционных изданий. «Решение женского вопроса», «освобождение женщины от рабского домашнего труда в условиях строительства социализма», история участия женщин в освободительном и революционном движении - все

3
0

эти проблемы были определены в работах послереволюционных лет . В 20-е гг. в журналах появлялись статьи, доказывавшие значимость участия женщин в

31

революции и гражданской войне . Затем стал обобщаться опыт работы женсоветов и женотделов, созданных в первые послереволюционные годы, процесс ликвидации неграмотности среди женщин, вопрос о праве женщин на

32

гражданский брак, свободный развод и аборт . Огромное место в исследовании «женского вопроса» стали занимать ставшие к тому времени модными социологические анализы типа «Женский труд в СССР» или «Безработица

33

среди женщин и борьба с нею» . В лавине публикаций 20-х гг., посвященных «раскрепощению» женщины в Советской России, практически не было написано исторических исследований по «женской истории» досоветского времени, за исключением исследований М. Аронсон и С. Рейсер о литературных салонах и кружках 1830-х гг. Авторам удалось показать, что после неудачного восстания декабристов, в условиях запрета на создание политических организаций, умные и образованные хозяйки литературных салонов выступали объединяющими центрами, в которых «зарождалась, воспитывалась и созревала русская мысль»³⁴. В целом, в

работах второй половины 30-х гг. появилось настойчивое противопоставление «ужасного прошлого» русских женщин и их «прекрасного настоящего». «Рабская забитость» женщин при капитализме противопоставлялась свободному труду на социалистическом производстве. При этом докапиталистическая эпоха в «истории женщин» России рисовалась и вовсе периодом полного бесправия, невежества и темноты. В первые десятилетия советской власти вышло несколько работ, посвященных развитию просвещения и образования в России в конце XIX - начале XX в. Особое внимание в них было уделено участию учительства в революционном движении и политике царского правительства в области народного просвещения. В последующие годы изучение проблем, связанных с историей учительства и школы в России, шло в том же направлении. Определенный интерес при этом представляют исследования И.Л. Цветкова, Н.А. Малиновского, Н.А. Константинова, А.Г. Рашина, Л.К. Ерманна,

35

А. Ониани и др.

Для советского периода историографии женского вопроса характерен приоритет изучения роли женщин в общественном движении, участие их в революционных событиях 1905-1907 гг. и 1917-го г. Со второй половины 20-х гг. до начала 90-х вышло множество трудов, посвященных указанной проблематике - это работы С. Цедербаум, Ф.Л. Зырянова, В.Ф. Латкина, И.П. Осадчева, А.А. Пунчика, Н.Ф. Юркина³⁶.

Кроме того, выходило множество изданий энциклопедического характера, рассказывающих о женщинах, участвовавших в революционном

37

движении. Особый интерес, связанный с периодом хрущевской «оттепели» начала 60-х гг. XX в., проявился в те годы интерес к «шестидесятницам» века минувшего. В различных научных сборниках и журналах появилась масса статей, касавшихся «женской истории» 60-х гг. XIX в.: «женской

эмансипации», борьбы «шестидесятниц» за равенство . В это же время были написаны биографии первых русских деятельниц науки - президента двух

академий Е. Р. Дашковой, врача В. А. Кашеваровой-Рудневой, химика Ю. В.

39

Лермонтовой и др. .

История женского образования в России в середине XIX в., в том числе первых высших женских курсов Бестужевских (открыты в 1878 г.), нашла отражение в монографии Э. П. Федосовой⁴⁰. В ней не только был собран и обобщен огромный фактический материал, связанный с конкретными биографиями «бестужевок», но и проанализирована тактика взаимодействия женских обществ с правительственными учреждениями, органами самоуправления, демократически настроенной профессурой. Многие из направлений исследования женского вопроса в России XIX в., намеченных Э. П. Федосовой, были раскрыты Г. А. Тишкиным. Г. А. Тишкин, а также Л. П. Богословская показали, как литературные образы и произведения («Что делать?» Чернышевского) побудили современниц к созданию первых женских

41

коммун и издательств .

История русских женщин менее интенсивно исследовалась в 70-е начале 80 г. XX в. Отдельные вопросы «женской истории» рассматривались лишь попутно с рассмотрением эволюции форм семьи и особенностей распределения семейных ролей в традиционной русской семье⁴². Тема «женской повседневности» анализировалась в исследованиях по истории городского быта и культурной жизни русского города XIII- XVIII в⁴³.

К концу 1980-х г. период накопления фактических знаний сменился периодом их синтеза, вылившегося в процесс создания концепций,

объясняющих общее и особенное в «истории русских женщин». В это время появилось множество статей, авторы которых опровергали общепризнанные постулаты об униженности и бесправии, пассивности и необразованности

женщин досоциалистической эпохи .

Изменение политического курса в связи с падением советской системы скорее благоприятным образом отразилось на исследованиях в области общественных наук. В нашей стране именно период начала 90-х XX в. можно считать временем становления гендерной истории. Возникшие центры гендерных исследований начали разработку новых методик и методологии изучения «женщин»⁴⁵. Появилось множество исследований по различным общественным наукам, в том числе и историческим, исследующим широкое поле деятельности женщин в семье, обществе, в науке, культуре и т.д. В работах 90-х гг. XX в. решались вопросы социально-психологической направленности, исследовались понятия возможности и альтернативности реализации гендерного потенциала.

Последнее десятилетие изменило отношение к «женской истории» во всем мире. В Западной Европе и Америке проблемы изучения женщин стали рассматриваться еще в середине 70-х гг., когда наиболее радикальные исследователи поставили вопрос о том, что все предшествующие исторические сочинения были написаны под углом «мужского видения мира», в котором главными ценностями были «мужские дела» - политика, военное дело, управление государством. Они даже читали слово «history» как «his-story» (т. е. «его история», «история Мужчины»), предлагая переписать прошлое и создать теперь «herstory» (т. е. «ее историю», «историю Женщины»)⁴⁶.

Американские ученые внесли в мировую историографию понятие «статус женщины», положив его в основу разработки целостной теории. Они предложили различные критерии оценки статуса женщины:

экономические (величина трудового вклада женщины в семейную и общественную экономику, престижность женского труда, его вознаграждаемость), политические (отношение к участию женщин в общественно-политической жизни, «формальные» и «неформальные» общественно-политические роли, их ценностность), социальные (определение основной сферы женской жизнедеятельности, степень «персональной автономности женщины», структура родственной группы и возможность авторитарности, особенности распределения семейных ролей), идеологические (социокультурные представления о различиях полов, символы, ритуалы, религиозные установки, «двойной стандарт» поведения и морали) и др.

Не меньший вклад в теорию истории женщин внесли в последнюю четверть века и французские историки, первыми предложившие повернуть историю «лицом к Человеку», отойти от анализа социально-экономической сферы и сосредоточиться на анализе духовного мира, менталитета, истории частной жизни людей ушедших эпох. Представители «школы Анналов» первыми стали углубляться в историю умонастроений, выявлять эволюцию содержания привычных понятий - любви, стыда, дружбы, страха. Они стояли у истоков создания новых направлений в истории - «история детства», «история сексуальности», «история старости», каждое из которых было тесно связано с

феминологией .

Германская историография последней четверти века внесла свою лепту разработкой проблем «повседневности», повседневного быта (а роль в нем женщин во все эпохи была очень значительной) - под новым, не этнографическим, а социально-историческим углом зрения⁴⁹. Новые подходы к изучению «женской истории» в России с конца 1980-х гг. стали использоваться и российскими историками. В это время появилось большое

количество репринтных изданий - публикаций исторических портретов выдающихся русских правительниц (Екатерины I, Екатерины Великой), беллетризованных сочинений М. И. Семевского, а также книг и статей научно-популярного характера⁵⁰.

Разработкой «женской темы» стали заниматься социологи⁵¹, психологи и сексологи⁵², философы⁵³. Ученые смежных с историей гуманитарных наук, используя свои методы анализа, свой понятийный аппарат, доказали многогранность и междисциплинарность не только «женской темы» как таковой, но и проблемы «женщины в русской истории». Большую роль в привлечении к ней внимания сыграли в конце 80-х - начале 90-х гг. и публикации источников - воспоминаний и писем русских женщин, фотоальбомов, раскрывающих их судьбы, новых статистических данных, а также тематических подборок фольклорных материалов⁵⁴.

Объектом внимания российских историков в первую очередь стали проблемы социального положения русских женщин допетровской России. Этот период (X-XVII вв.) исследован сравнительно полно в монографиях Н. Л. Пушкаревой и М. К. Цатуровой. В работах этих авторов изучен социально-правовой и семейный статус древнерусских женщин, особенности их быта, манеры одеваться и вести себя в семье и обществе⁵⁵.

XVIII век и проблемы трансформации в статусе женщин всех слоев после вступления России на путь европеизации оказались исследованными слабее, нежели допетровский период. Этих сюжетов касались, как правило, литературоведы и авторы предисловий к публикациям мемуаров россиянок, живших в «просвещенный век»⁵⁶. Наиболее ярким исследованием образа жизни представительниц «образованного сословия» в конце XVIII - начале XIX в. стали главы «Женский мир» и «Женское образование» в исследовании Ю. М. Лотмана «Беседы о русской культуре». Работа Ю. М. Лотмана касалась внешней стороны жизни представительниц российской элиты. Аналогичную попытку предпринял в те же годы А. Ф. Белоусов в

очерке «Институтка», построенном на анализе многочисленных мемуаров воспитанниц Смольного

57

института разных лет (1780-х - 1900-х гг.) . Беллетризированные эссе о жизни русского двора и «любовном быте» русских императриц и их фрейлин были написаны непрофессиональными историками⁵⁸.

Судьбы и повседневный быт представительниц других сословий императорской России - мещанского, купеческого сословий, рабочих людей первых мануфактур - оставались за рамками исследований российских историков. Работы духовных лиц о православном женском монашестве, увидевшие свет благодаря обеспечению фактической свободы совести в начале 90-х гг. XX в., не были исследовательскими и носили скорее просветительский характер⁵⁹.

Благодаря этнографам оказался проанализированным семейный быт и имущественно правовой статус русских крестьянок XVIII столетия, особенности распределения семейных ролей и имущества между старшими и младшими женщинами в многопоколенной и сложной по составу семье .

Социальная активность женщин, по сложившейся традиции, рассматривалась в рамках принятых стереотипов, т. е. прямого участия представительниц «слабого пола» в общественной жизни, их «борьбы за равенство прав». Нельзя не отметить новых подходов к теме самореализации женщин в условиях действия ограничительных социальных норм, например, первых исследований по истории женской благотворительности в России⁶¹. Основная масса публикаций начала 90-х годов была посвящена истории женского вопроса и женскому движению середины XIX — начала XX в.⁶² Среди наиболее полных и обобщающих работ на эту тему следует выделить монографию Э. А. Павлюченко «Женщины в русском освободительном движении», целью которой было показать процесс становления женских организаций и смену приоритетов в целях борьбы за равноправие - «от Марии Волконской до Веры Фигнер».

Периодизация российского женского движения, данная Э. А. Павлюченко⁶³, совпала с известным ленинским «хронометрированием» общих этапов освободительной борьбы. Период до 1895 г. (т. е. до начала «пролетарского этапа» - по Ленину), по мнению автора, следует считать «этапом становления» женского движения, 1895-1905 гг. - годами борьбы за избирательное право, последующий период до 1917 г. - этапом включения женщин в революционную деятельность. В работе О. А. Хасбулатовой эта периодизация принята также за основу, хотя второй рубеж (после 1895 г.) характеризуется как этап «внутренней дифференциации и политизации женского движения», которые завершились, с ее точки зрения, к 1907 г. Последнее десятилетие названо ею «этапом формирования массового движения с разветвленной инфраструктурой... , когда оформилось пролетарское

64

течение» .

По-новому сегодня решаются проблемы женской истории и в этнографии. Для этого периода характерна постановка вопроса, ставя в центр исследования женщину, как социальный объект, и ее отношение к другим сферам деятельности. Исследуется ее чувственность, ментальность, сексуальность и т. д.

Пересматривается историография предыдущих лет, изучается женское движение середины XIX в., но не с позиции участия отдельных женщин в революционных событиях начала века. Исследуются социальные и иные причины возникновения движения, выявляется феномен русского феминизма. Здесь примечательны работы Айвазовой С., Бредниковой Е., Рябова О.В., Вертинской И, Семенова А⁶⁵. Появляются исследования, изучающие вопросы женского образования в России второй половины XIX-начала XX в. Научный интерес в этой области касается и становления среднего женского образования. Многие авторы исследуют историю появления первых средних учебных заведений в России⁶⁶.

Е. А. Андреева в работе «Епархиальные женские училища в России» дала историческую и педагогическую концепцию женского образования в епархиальных училищах XIX - начала XX вв. Исследователь воссоздает полную историческую картину становления женского среднего церковного образования, раскрывает его цели и задачи. Автор подчеркивает, что в условиях изменявшегося общества цели образования в этих учебных заведениях изменялись. Так, если в 40-е гг. XIX в. в уставе первого епархиального женского училища говорилось, что цель образования «состояла в том, чтобы девицам духовного звания дать воспитание вполне соответствующее двоякому назначению: а) быть достойными супругами служителям алтаря Господня, на коих лежит священная обязанность - назидание прихожан в вере и нравственности ... , б) быть попечительными матерями, которые возвращали бы детей своих в правила благочестия и добронравия, умели бы развивать в них способности и сообщить им все нужные первоначальные знания, и могли бы приготовить сыновей к вступлению в училища и наблюдать за употреблением ими вакантного времени»⁶⁷. В 60-х гг. XIX в. постепенно целью учебной деятельности становилось не только воспитание будущих жен для священников, но и школьных учительниц, для чего в 1860 г. в учебную программу заведений вводился новый предмет - педагогика⁶⁸. В 90-х гг. XX в. некоторые исследователи обращаются и к вопросам изучения женского профессионального образования⁶⁹.

Анализ общероссийской историографии по гендерной проблематике показал, что была проделана огромная работа по изучению отдельных аспектов женской истории в разные исторические эпохи. Однако, остается множество проблем, оставшихся за рамками исследований. В частности недостаточно изучена система женского образования в полном объеме, нет общей картины становления женского образования в изучаемый период. Недостаточно изученными являются проблемы касающиеся истории становления и деятельности женских монастырей в России. Практически

отсутствуют исследования посвященные деятельности женских общественных организаций и их социальной роли в досоветский период России. За рамками научных исследований остались проблемы женской профессиональной деятельности.

Вторую группу представляют работы, региональной направленности, исследовавшие проблемы истории Северного Кавказа, в которых так или иначе отражены вопросы, связанные с «женской историей». Надо отметить, что тематика исследований второй половины XIX - начала XX вв. не носила, комплексного исследования по гендерной проблематике на Северном Кавказе. Этот край в этнографическом, географическом, социально-историческом, культурном отношениях, представлял огромный интерес для всех просвещенных людей, волею судеб оказавшихся на Северном Кавказе. Вопрос женской истории интересовал авторов очерков наряду с другими проблемами социальной истории Северного Кавказа.

Вопросы, освещающие социально-правовое положение северокавказских женщин, так или иначе, отражены в работах, посвященных изучению северокавказского региона в общеисторическом, этнографическом, статистическом отношениях. Большой вклад в изучение народов и социальных групп Ставрополя внесли такие краеведы как председатель губернского статистического комитета И. В. Бентковский и секретарь комитета Г.Н. Прозрителев. Ими собран и опубликован большой материал по колонизации края, истории народов проживавших на территории Ставропольской

70

губернии . Большой вклад в изучение Кубанской области и Черноморского

71

войска внесли такие историки как Е.Д.Фелицын, Ф.А. Щербина, И.Д. Попко . Исследуя историю кубанского казачества, эти авторы затрагивали все сферы общественной и семейной жизни жителей Кубани. Довольно эмоционально, что, однако, не умаляет значения указанных трудов, они

описывали, и положение женщины-казачки того времени. «... Старик все большею частью были калеками и больными от ран и многотрудной службы, дети малы, молодежи недостаточно - и вся тяжесть мирной жизни ложилась на женщин. Казачка той поры представляла своего рода идеал человека, не падавшего духом под самыми жестокими ударами сурового казачьего рока. С вечною тревогою в сердце за жизнь мужа, детей, братьев, служивших на линии, она, казачка, творила собственно экономический быт, вела хозяйство, покоила стариков, руководила подростками, воспитывала детей и вообще заботилась об устройении того уютного уголка, который рисовался радужными и светлыми

72

красками в мыслях казака среди военных бурь и треволнений» . В работе Е.Д. Фелицына находим сведения о начале развития учебных заведений, в том числе и женских. И.Д. Попко в работе «Черноморские казаки» подробно останавливается на проблеме необходимости постановки воспитания и образования «девиц» казачьего происхождения. Автор поддерживал проект учреждения в Черноморском войске Мариинского женского учебного заведения. Он привел слова императора, прозвучавшие в «Отношении Военного министра к Главнокомандующему Кавказским корпусом» от 6 августа 1850 года за № 678, с которыми автор полностью согласен: «. воспитательное заведение должно иметь главнейшей целью образовать для края как бы рассадник благоразумно просвещенных жен, хозяек и в особенности матерей, которые, будучи первыми наставницами детей, поселили бы в юных сердцах чувства христианского смирения и благоговения к воле Господней, искреннюю приверженность к православной церкви и неограниченную преданность к престолу; приучили бы дочерей своих к

хозяйству, рукоделиям и порядку согласно с бытом и обычаями казаков» .

Вслед за этими исследованиями из книги в книгу стал переходить постулат об «исключительности и особенности»⁷⁴ казачки, по сравнению с женщинами других сословий. Казаки вообще любили противопоставлять себя всем и всему, что отразилось в научных и публицистических произведениях. Вероятно, это помешало с критической оценкой подойти к проблемам положения женщин в казачьих обществах. До сегодняшнего дня практически не исследованы вопросы правового положения казачки, степень ее участия в общественной жизни и т.д.

К досоветскому времени относится множество региональных работ, посвященных положению женщин у различных этнических групп Северного Кавказа, взаимоотношению между членами большой кавказской семьи, распределению трудовых ролей и обычаев, связанных с этим. В основном эти проблемы занимали этнографов, изучавших быт и жизнедеятельность горцев и переселенцев Северного Кавказа, публиковавших свои материалы в периодических изданиях того времени, в изданиях Русского географического общества и др.⁷⁵

Немалый фактический материал по вопросам положения женщин у кочующих народов содержится в работах Г. Ананьева, Г. Бентковского, С. Фарфаровского, И.Л. Щеглова, Ф.И. Воробьева, Я.П. Дубова⁷⁶. Исследуя вопросы семейной и общественной жизни кочевников Ставрополя, указанные исследователи отмечали, что из всех народов, обитавших на территории Северного Кавказа брачный возраст женщин у ногайцев и туркмен самый ранний - 12-13 лет. Они также отмечали, что у этих народов семейные отношения регулировались большей частью шариатом, чем обычным правом. В данных работах рассматривается положение женщин в зависимости от социальной роли (мать, жена, сноха, дочь), показана дифференцированность трудовой деятельности женщин и мужчин в семье.

Среди работ исторического профиля касательно исследуемого региона есть труды, посвященные истории становления и деятельности

отдельных женских учебных заведений. В работах Г. Бентковского, С. Канайтан, В.С

77

Сергиенко дан подробный анализ истории возникновения и деятельности женских гимназий в Ставрополе и Екатеринодаре. Они ценны своей информативностью. В очерках даны справки о выпусках разных лет, о преподавателях, работавших в этих учебных заведениях, а также приведены фамилии благотворителей, с помощью которых существовали и развивались женские гимназии.

Большую полемику о необходимости дать образование женщинам Терской области во второй половине XIX - начале XX в. развернули на страницах различных изданий того времени осетинские просветители и педагоги. В работах Г. Баева, К. Гатуева, К. Хетагурова, А. Гассиева, Х. Уруймагова, Г. Дзасохова, А. Цаликова можно почерпнуть сведения о трудности реализации проектов устройства женских учебных заведений и

78

истории их появления в Осетии и в целом в Терской области .

Несомненный интерес представляют очерки, посвященные истории создания некоторых женских монастырей⁷⁹. Авторы этих сочинений не ставили задачи исследования внутренней жизни обитателей, работы носят описательный характер, в очерках складывается довольно стройная картина появления первых женских монастырей в изучаемом регионе, где прослеживается общая тенденция их развития. На Северном Кавказе женских православных монастырей было не так уж много. Однако, они имели довольно значительное влияние на духовную жизнь региона.

Для советского периода характерны работы, несколько замалчивающие достижения царского правительства в области образования и просвещения. Так, в книге Г. Краснова «Ставрополь на Кавказе», изданной в 1953 г., читаем: «В 1868 г. для мужской гимназии было выстроено новое помещение. При гимназии имелся пансион, в котором бесплатно содержались дети чиновников и горских феодалов. Обучалось в

гимназии до 690 человек. Кроме гимназии, в городе к 1897 г. было 44 одноклассных и двухклассных учебных заведений, в которых обучалось 4788 учеников»⁸⁰. Причем, не указывалось то, что до революции в Ставрополе существовало еще 3 женские гимназии, епархиальное женское училище и профессиональные школы для девушек, воскресные школы грамоты для взрослых женщин.

Непреодолимое значение представляет собой огромный труд коллектива авторов «История народов Северного Кавказа» под редакцией А. Л.

81

Нарочницкого, изданный в 1988 г. Созданный 15 лет назад он остается востребованным и сегодня, поскольку в нем изучены вопросы по истории и культуре народов Северного Кавказа. В нем содержится солидный фактический материал, отражающий все сферы жизни народов Северного Кавказа, авторы попытались показать, каким образом проходил процесс становления гражданского общества в многонациональном регионе еще не так давно вошедшем в состав России. Здесь отражены проблемы политической истории, социально-экономической и культурной ситуации в регионе. Однако в нем так же очень слабо освещены проблемы женского образования.

Множество специальных работ написано в это время по развитию народного образования и просвещения народов Северного Кавказа. В них дана общая характеристика многих учебных заведений. Это работы Е.Н. Гонтаревой, И.П. Копачева, Г.Ш. Каймаразова, М.А. Кошева, А.Х. Пашаева, Х.М. Зангиева,

82

М. Тотоева, Х.С. Черджиева. Тогда преобладал постулат о том, что именно Советская власть «освободила» женщин Кавказа и дала им возможность получить образование и реализовать себя наравне с мужчиной. Этим объясняется факт замалчивания создания женских учебных заведений на Северном Кавказе в конце XIX - начале XX вв., не говорилось и о том, что

девушки, получившие образование, стремились устроиться на работу по специальности, трудились учительницами и врачами, переписчицами и телеграфными работницами. Специально не исследовался этот вопрос и в научных работах. Названия работ того времени говорят сами за себя: «Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья», «Раскрепощение женщины у народов Северного Кавказа за годы Советской власти», «Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа»⁸³.

Большую ценность представляют исследования историков - этнографов советского периода. Они активно изучали вопросы культуры и быта народов Северного Кавказа, где так или иначе отражены проблемы взаимоотношений полов, роли и статуса женщин в кавказских обществах.

Особенно следует отметить работы советских исследовательниц быта и семьи народов Северного Кавказа Я.С. Смирновой, Г.А. Сергеевой, С.Ш. Гаджиевой⁸⁴. В своих работах авторы подробно изучили семейные традиции народов Северного Кавказа, описывая систему взаимоотношений всех членов кавказской семьи, уходящую корнями в глубокую древность. Показали отличительные особенности поведения разных возрастных категорий женщин в семье и обществе. Значительный вклад в этом направлении внесли и другие этнографы, которые в своих статьях и монографиях, посвященных семье и семейному быту, хозяйству и общественному устройству жизни народов Кавказа, так или иначе, касались вопросов, связанных с положением женщины, её ролью и местом в этих структурах⁸⁵.

Надо отметить, что в советский период историографии практически не встречается исторических исследований по деятельности монастырей и женских монастырей, в частности. В советское время преследование религии отразилось, на исследованиях в области религии и роли церкви, изучения её духовной, моральной и социальной значимости.

В конце 90-х гг. XX - начале XXI вв. большая работа была проведена северокавказскими учеными гуманитариями по изучению социально-экономических, культурно-исторических, политических проблем. Разрабатываются острые противоречивые вопросы прошлого северокавказского региона. Проблемы, поднимающиеся в исследованиях, как ни в каком другом регионе, носят животрепещущий характер, поскольку перекликаются с современной политической ситуацией на Северном Кавказе. Работы общеисторического характера, так или иначе, отражают социальную сторону женской истории, поскольку в них изучаются все сферы деятельности людей предыдущих эпох. К таким произведениям необходимо отнести научное издание авторского коллектива «Край наш Ставрополье» и «История городов и сел Ставрополья»⁸⁶. В этих книгах изложены все основные исторические события Ставрополья в неразрывной связи с процессами, развивавшимися в стране, с позиций научной методологии и с учетом новых оценок и подходов. Наибольший интерес для исследуемой темы представляют главы посвященные изучению проблем пореформенного периода XIX в. - начала XX в. Здесь подробно освещены вопросы становления и развития края в социально-экономическом, культурно-историческом аспектах, изучены вопросы становления образования и социокультурной трансформации Ставрополья в общероссийскую культурную традицию.

Немалая работа по изучению и переосмыслению истории Ставропольского края была проведена авторами учебных пособий по краеведению А.И. Круговым и Г.А. Беликовым. В своих трудах авторы на основе опубликованных и архивных источников дали большой фактический материал по истории Ставрополья. Книга А.И. Кругова значительна тем, что в ней приведено большое количество фотодокументов и архивных материалов. Автор одним из первых приводит наиболее точную цифру количеству учебных заведений дореволюционного периода, впервые

в научный оборот были введены многие источники, касающиеся научной, культурной и

образовательной сфер жизни края⁸⁷.

Подобные работы вышли в этот период в Северной Осетии и на Кубани. В книге «Осетия и осетины» рассмотрен широкий круг проблем по этнографии и социально-политической истории Осетии со времени первых упоминаний об аланах и осетинах до современности. Книга носит ценный информативный материал и касается важных этнополитических проблем современности. В книге приводится этнографический материал взаимоотношения полов, им собран материал по истории становления просвещения и образования в Осетии, создания письменности, рассказывает об известных личностях Осетии, в том

числе, забытых в советский период. Например, уроженка Осетии известная балерина, эмигрировавшая после революции во Францию - Аврора Газданова, Мисс-Европа 1910 г. - Лейла Алдатова, дочь известного осетинского педагога -просветителя - учительница Анна Цаликова и др.

По истории Кубани также публикуются исследования, дающие обобщающий материал по всем сферам жизни населения Краснодарского края в его историческом и культурном пространстве. В книгах рассматриваются вопросы истории Кубани с древнейших времен до начала XX в. С позиций современной методологии изучаются животрепещущие вопросы социально-политической и культурно-просветительной жизни кубанцев XIX - начала XX

⁸⁹
вв. .

Развитию здравоохранения на Ставрополье посвящена монография Ованесова Б.Т. и Судацова Н.Д. «Здравоохранение Ставрополья в конце XVIII - XX вв.». Для исследуемой проблемы она интересна тем, что отражает проблемы появления в сфере профессиональной медицины

женского персонала. Кроме того, в книге отражена деятельность сестер милосердия

Ставрополя и местного отделения Российского общества Красного Креста, что

90

немаловажно .

Особый интерес представляют работы региональной исторической науки, проводящиеся непосредственно по гендерной проблематике. Здесь наблюдается общая тенденция изучения гендерных проблем истории Северного Кавказа с позиции изучения чувственной и духовной сфер национальных обществ. В этом плане примечательны работы Я. В. Чеснова и Ю.Ю. Карпова⁹¹.

Монография Карпова Ю.Ю. «Женское пространство в культуре народов Кавказа» является ценным научным исследованием, по-новому осветившим место и роль женщины в кавказских обществах. Эта книга является первым исследованием женской субкультуры в традиционной общественной практике народов Кавказа. В центре внимания находятся мировоззренческие основы жизнедеятельности социума, дающие возможность по-новому взглянуть на культурно-бытовые традиции населения региона, прямо и опосредованно связанные с женщиной и составляющими её «мир» явлениями. В монографии используется большое количество фольклорного материала, адатов и законов шариата, в своем исследовании автор также раскрывает особенности статуса кавказской женщины через семиотику.

Многие кавказоведы - юристы и этнографы 90-х XX гг.- начала 2000-х гг., ставят основную задачу - развеять миф об «угнетенности», «забитости» и «бесправии» горянок. С этим связано появление в последнее время, множества

92

научных статей по правовому положению северокавказских женщин .

Так, в работе Смирновой Я. С. и Першица А.И. предпринимается попытка переосмысления существовавшей до недавнего времени оценки только негативного влияния шариата на судьбу горянки . Несколько ранее подобное мнение было высказано А.И. Першицем и А.И. Мускаевым⁹⁴. Довольно эмоционально выглядит работа И. Узденовой, в которой автор апеллирует в большей степени к кавказскому этикету, а не к анализу правовых норм адатов и шариата. В этой небольшой брошюре исследователь сделала попытку отыскать истоки, позволившие в советское время сделать вывод о «рабском» положении женщины Кавказа. По её мнению это работа Ш. Ногмова, написанная в 40-х гг. XIX в. в которой есть такие строки: «У нас мужья считают жен совершенными рабынями. Им не только не позволено противоречить, но даже произносить жалобы. Рабство жен, без сомнения происходит от обычая платить за невест т.н. уасса, то есть калым»⁹⁵. Далее, продолжает И. Узденова: «... именно Ногмов с его «первыми сведениями о безрадостной жизни горянок стал обоснованием псевдотеории о «забитости» горянки, появившееся после революции»⁹⁶.

В монографии Л. Свечниковой исследуются нормы обычного права народов Северного Кавказа. Автором удачно определена мера влияния шариата, российского законодательства, народных обычаев и традиций на правовую систему северокавказских народов XIX в. Наряду с другими вопросами в работе исследуется наследственное, имущественное, личное и др.

97

правовое положение женщины Северного Кавказа .

Кавказоведами - этнографами продолжается работа по изучению места и роли женщины в семье и обществе, проблемы воспитания детей и роль матери

в этом процессе. Это работы Я. Смирновой, И.Л. Бабич, С.Ш. Гаджиевой .

Недостаточно изучено общественно-правовое положение кавказских крестьянок и казачек. Несомненный интерес в этой области представляет работа Т. А. Невской и С.А. Чекменева «Ставропольские крестьяне»⁹⁹. В этой книге авторы рассмотрели все аспекты жизнедеятельности крестьян Ставрополья, в том числе и общественно-правовое положение крестьянки в семье и обществе. В работе прослеживаются изменения и переплетения обычно-правовых норм, обычаев и традиций переселившихся крестьян из внутренних губерний России, Украины и Белоруссии на Северный Кавказ. О положении казачки написано также немного, следует отметить работу А.А. Магомедова, одну из глав автор посвящает институту казачьей семьи. В работе подчеркивается неоднозначность положения женщины в казачьем обществе: «Парадоксальная складывалась ситуация. С одной стороны, самостоятельность, уважение, достойное положение, заслуженно «заработанное» казачкой своей неустанной работой в хозяйстве, воспитанием детей, смелостью, готовностью выступать с мужем в поход. С другой (и это, пожалуй, так сказать, видимая сторона казачьей жизни), - бесправие, «отодвинутость» казачки (в разных возрастах по-разному) на вторые роли, невозможность участвовать с правом решающего голоса в принятии важных вопросов общественной значимости. В делах домашних жена имела немалый вес, но главой и вершителем семейных судеб был отец»¹⁰⁰. В недавно защищенной кандидатской диссертации Н.Б. Акоевой, посвященной проблеме повседневности Кубанского казачества, немного внимания уделено институту казачьей семьи досоветского периода¹⁰¹. Здесь за рамками исследования остались проблемы правового положения казачки и доля её участия в общественной жизни, в частности не исследованы, вопросы развода, права на развод казачки, а также сама его процедура.

К малоизученным проблемам следует отнести вопросы социальной активности женщин Северного Кавказа. Совсем недавно появились работы, отражающие деятельность дамских обществ, комитетов и кружков. В

современных периодических изданиях и публицистических очерках появились

102

публикации о деятельности отдельных женских кружков. Изучая проблемы благотворительности, такие авторы как Т.Е. Покотилова, Н.В. Вантеева, Л.Е.

103

Оспищева, Ю.В. Коробейников, Е.Ю. Любушкина, так или иначе, затрагивают вопросы участия женщин в благотворительном процессе.

На Ставрополье и Кубани делаются попытки обращения к легендарным личностям, незаслуженно забытым в советское время, среди них участницы I

Мировой войны, сестра милосердия, кавалер ордена св. Георгия Р.М. Иванова, «доброволец - казачка» Е. Чоба и др.¹⁰⁴

В 90-х гг. XX в. вышли работы, посвященные образованию и просвещению женщин Северного Кавказа в 90-е гг. XIX в. Диссертационные исследования С.Н. Чич и З.М. Кайтуковой стали первыми в новейшей региональной историографии исследуемого вопроса, которые дали историческую картину женского образования на Кубани и в Осетии в XIX в.¹⁰⁵

Статьи В. И. Стрелова рассказывают о первых женских средних учебных заведениях в Ставрополе - гимназии св. Александры и Ольгинской женской гимназии. В работах, написанных на основе опубликованных и неопубликованных источников, автором дан большой фактический материал о содержании образования и воспитании в этих учебных заведениях¹⁰⁶.

Необходимо отметить, что современная региональная историография характеризуется пересмотром подходов к проблемам народного образования в дореволюционный период. Авторами отбрасывается тезис о том, что только советская власть дала возможность детям из непривилегированных сословий получить начальное образование, хотя

правомерно подчеркивается, что циркуляр Александра III от 18 июня 1887 г. «О кухаркиных детях», запретивший принимать в гимназии и прогимназии детей из семей бедняков негативно сказался на уровне образованности населения Северного Кавказа¹⁰⁷.

Периодичность, с которой выходят работы, посвященные истории православия в изучаемом регионе, говорит о том, что эта проблема остается наиболее сложной и малоизученной. Одной из первых по истории русской православной церкви на Северном Кавказе, после долгого забвения этой темы, является работа, изданная в 1992 г. митрополитом Ставропольским и Бакинским Гедеоном (Докукиным) «История христианства на Северном

108

Кавказе до и после присоединения его к России». Исследуя роль русской православной церкви в деле распространения православия, культуры и просвещения большое внимание в ней уделяется изучению православных обителей Северного Кавказа. Библиографической редкостью стала не так давно вышедшая книга «Православная церковь на Кубани (конец XVIII - начало XX века)»¹⁰⁹. Коллектив составителей, во главе с А.А. Алексеевой, проделал большую работу по выявлению и подготовке к печати многочисленных документов по истории Православной Церкви на Кубани. В сборнике впервые опубликован большой комплекс архивных документов, который отражает основные стороны деятельности русской православной церкви на Кубани в конце XVIII - начала XX вв., раскрывает ее отношения с разными государственными и военными учреждениями, показывает значение церкви в просвещении и духовной жизни населения Кубани. Для исследуемой темы особый интерес представляет третий раздел, посвященный монастырям Кубани XIX в., в котором отражена культурная, хозяйственная, просветительная и благотворительная деятельность монастырей.

На фоне малочисленности научных исследований по истории женских монастырей на Северном Кавказе немалую ценность представляют

научно-популярные публикации и очерки о некоторых обителях Г.А. Беликова, П. Никитица, Е. Саркисовой, С.А. Раздольского, А.А. Киселева

110

Таким образом, региональная историография заявленной проблемы находится на начальном этапе изучения. Приведенные исследования лишь косвенно затрагивают проблемы женского образования и социальной активности женщин Северного Кавказа. Специальные исследования по женскому образованию только обозначают указанные проблемы и не дают полной картины эволюции женского образования в северокавказском регионе. Практически отсутствуют научные работы по истории женских общественных организаций, профессиональной деятельности. Достаточно фрагментарными являются сведения о женских северокавказских монастырях и их деятельности. Не показана и не оценена та роль, которую оказали женщины Северного Кавказа на культурно-образовательные процессы происходившие в обществе по второй половине XIX - начале XX вв.

Итак, анализ историографии проблемы позволяет сделать вывод о том, что предыдущие периоды исторической науки были накоплены значительные материалы по истории женщин, однако целостной картины его на территории Северного Кавказа нет. Это дало основание позволить решать заявленные проблемы.

Целью работы является комплексное исследование процессов эволюции женского образования и проблем активизации общественной (профессиональной, попечительно - благотворительной, культурной, религиозной) деятельности женщин Северного Кавказа во второй половине XIX - начале XX вв., на основе исторического анализа различных по характеру и содержанию источников и материалов. В рамках поставленной цели были намечены следующие задачи:

- охарактеризовать социально - политические условия зарождения женского общественного движения в России; показать правовое положение российских женщин в исследуемый период;
- выявить специфику правового и общественного положения женщин Северного Кавказа (горянок, женщин кочевых народов, казачек, русских крестьянок)
- рассмотреть специфику системы женского образования в России во второй половине XIX - начала XX вв;
- выявить особенности становления женского образования на Северном Кавказе;
- изучить основные направления профессиональной и общественной деятельности женщин Северного Кавказа;
- осветить повышение роли женских монастырей в северокавказском регионе;
- определить роль и место женских общественных организаций в социальной структуре северокавказского социума второй половине XIX - начала XX вв.

Источниковую базу диссертации с учетом содержания, назначения и вида источников целесообразно разделить на несколько групп. Первую группу образуют неопубликованные документы, из фондов государственных архивов и научных исследовательских центров России, в том числе Северного Кавказа. Это материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного исторического архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Ставропольского края (ГАСК), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), Центрального государственного архива Республики Северная Осетия - Алания (ЦГА РСО-А), Отдела рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (ОРФСОИГСИ), Североосетинского государственного объединенного музея истории, архитектуры и литературы

(СОГОМИЛ), Ставропольского государственного краеведческого музея им. Г. Н. Прозрителева и Г. М. Праве (СГКМ). По своей значимости и введенным в научный оборот документам ведущее место занимают фонды: 15 ГАСК (Дирекция народных училищ); 76 ГАСК (Ольгинская женская гимназия); 309 ГАСК (Ставропольская женская гимназия св. Александры); 77 ГАСК (Ставропольское Епархиальное женское училище); 125 ГАСК (Ставропольская 3-я женская гимназия); 126 ГАСК (Ставропольский учительский институт); 62

ГАСК (РОКК); 135 ГАСК (Духовная консистория); 454 ГАСК (Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска); 427 ГАСК (Попечитель Кавказского учебного округа); 470 ГАСК (Дирекция народных училищ Кубанской области); 469 ГАСК (Войсковая женская гимназия Кубанского казачьего войска); 495 ГАСК (1-я Екатеринодарская городская женская гимназия); 485 ГАСК (2-я Екатеринодарская городская женская гимназия); 560 ГАСК (3-я Екатеринодарская городская женская гимназия); 486 ГАСК (5-я Екатеринодарская городская женская гимназия); 12 ЦГА РСФСР-А (Канцелярия начальника Терской области); 123 ЦГА РСФСР-А (Дирекция Народных училищ

Терской области); 127 ЦГА РСФСР-А (Владикавказская Ольгинская женская гимназия); 128 ЦГА РСФСР-А (Владикавказская 2-я женская гимназия); 263 ЦГА РСФСР-А (Владикавказская второклассная женская школа). Эти документы позволяют проанализировать направления государственной политики в области развития женского образования, его региональные особенности, работу женских общественных организаций, профессиональную деятельность женщин Северного Кавказа.

В качестве исторических источников автором привлекаются фотографии с видами женских гимназий, с портретами учительниц и других женщин Северного Кавказа XIX - начала XX вв. Фотографии были выявлены в фондах

ЦГА РСО-А, СГКМ Ф. 39, СОКМ.

Вторую группу источников составляют мемуары и воспоминания очевидцев некоторых событий хранящиеся в фондах ОРФСОИГСИ¹¹¹, позволяющие проследить характер и настроения женщин изучаемой эпохи.

Третью группу образуют нормативно-правовые акты, официальные документы государственных органов власти и управления, характеризующие их политику в регулировании вопросов права, образования, служебной и общественной деятельности, в частности Свод Законов Российской империи (статьи, касающиеся упомянутых положений). К этой группе следует отнести подзаконные нормативные акты положения о женских гимназиях и

прогимназиях Министерства народного просвещения и дополнения к ним¹¹²,

уставы женских гимназий Ведомства Императрицы Марии¹¹³. Названные документы регламентировали управление и деятельность учебных заведений: условия приёма учениц, обязанности и полномочия начальника, попечителя, инспектора и надзирательниц гимназий, а также выборных органов -педагогического, хозяйственного и попечительского комитетов и проч. К этой же группе источников относятся распоряжения и постановления по Министерству народного просвещения¹¹⁴, определявшие различные функции управления и ход учебного процесса в женских учебных заведениях. Наиболее значимую часть этой группы источников составляют циркуляры по Кавказскому учебному округу, касающиеся вопросов обеспечения учебных заведений педагогическими кадрами, преобразований школ и гимназий, совершенствования учебно-воспитательного процесса¹¹⁵. К этой группе источников также следует отнести Уставы дамских обществ и кружков, уставы женских учебных заведений, регулировавшие деятельность изучаемых организаций¹¹⁶.

Четвертую группу источников составляют опубликованные статистические и справочно-информационные материалы. Это

статистические сборники и справочная литература по Северному Кавказу, Материалы первой

117

всеобщей переписи населения России 1897 г . Сборники статистических

118

сведений по Ставропольской губернии, Кубанской и Терской области . Упомянутые издания позволяют выявить социально-экономические, демографические особенности развития региона, проследить динамику численности, социального состава, вероисповедания, грамотности и образовательного уровня женского населения Северного Кавказа.

Статистические сведения по вопросам образования на Северном Кавказе¹¹⁹ позволяют выявить количество общих начальных и женских школ, в которых могли обучаться девочки¹²⁰. Статистические обзоры по средним учебным заведениям позволяют проследить степень открываемости новых

121

женских гимназий и прогимназий . К этой группе источников также можно отнести отчеты местных «Дамских обществ» - Дамские комитеты красного креста в Ставрополе, Пятигорске, Владикавказе, Екатеринодаре и других

122

населенных пунктах Северного Кавказа . Опубликованные и неопубликованные отчеты - источники, отличающиеся значительным разнообразием, богатым содержанием фактического материала по всем аспектам исследуемой проблемы.

К пятой группе источников следует отнести материалы периодики изучаемого периода. Это статьи и заметки краеведов, объявления о собраниях и деятельности обществ, материалы о монастырях и событиях происходивших в

123

женских учебных заведениях и др .

В последнее время широкой популярностью среди исследователей пользуются информационные ресурсы глобальной компьютерной сети

Интернет, которые применяют целый ряд сайтов в научных исследованиях посвященных гендерной и краеведческой проблематики¹²⁴.

Рассмотренные в совокупности указанные источники составили необходимую основу для решения исследовательских задач изучаемой проблемы.

В общей сложности автором изучено более 50 архивных и музейных фондов и более 100 опубликованных источников. Изученные архивные источники содержат в совокупности документальный, статистический материал, позволяющий провести научное исследование всесторонне.

Методологическая база исследования. Основой диссертационного исследования является принцип историзма, а также системный подход, позволяющий познать анализируемый объект как определенное множество элементов, взаимосвязь которых обуславливает целостные свойства этого множества. Усиление социальной активности женщин Северного Кавказа, выразившееся в создании женских обществ, появлении и развитии женских учебных заведений, усилении роли деятельности женских монастырей во взаимосвязи с процессом реализации Россией социально-экономических, социально-правовых и социокультурных целей (втягивание Северного Кавказа в общероссийский рынок, распространение общероссийских правовых норм, распространение сети государственных учебных заведений) мы рассматриваем как такого рода систему.

К числу основных методов исторического познания можно отнести историко-сравнительный, историко-генетический, историко-системный и

историко-типологический. Так, историко-сравнительный метод позволяет провести компаративный анализ исследуемых процессов и явлений (сравнение становления женского образования и социальной активности в центральной России и на Северном Кавказе, а также между тремя

изучаемыми областями (Ставрополья, Терек, Кубани); динамики роста мужских и женских учебных заведений, возможности реализации профессионального потенциала мужчинами и женщинами, выявить особенности становления и деятельности женских монастырей Северного Кавказа и центральной России. С помощью историко-генетического метода удалось проследить постепенное формирование образовательной сферы, как становления образования вообще и женского в частности; проследить формирование женских общественных организаций и женских монастырей. В результате использования историко-типологического метода стало возможным выявление характерных свойств, которые были присущи социальной активности женщин на Северном Кавказе.

Научная новизна работы определяется тем, что это одна из первых попыток исследования «женского вопроса» на Северном Кавказе. Впервые ставится вопрос не только об истории создания женских учебных заведений, но и о возможности практической реализации полученного образования женщинами. В этой связи, исследована профессиональная сфера, занимаемая женщинами Северного Кавказа второй половины XIX-начала XX вв. Исследователь вводит в научный оборот широкий круг документов из архивов Северного Кавказа, материалов периодической печати, статистики характеризующих разные аспекты исследуемой проблемы. Вопросы становления и развития женского образования рассматриваются в контексте повышения социальной активности женщин как результата образовательного процесса. Впервые предпринимается попытка сравнения положения женщин Северного Кавказа: горских народов, кочевников, казаков и русскоязычного крестьянства. Автором впервые был обозначен вопрос и собран фактический материал по истории создания и деятельности женских монастырей на Северном Кавказе, в связи с возрастанием статусности российской женщины.

Практическая значимость. Материалы диссертации могут быть использованы как в научных исследованиях по широкому кругу

проблем, так и в учебном процессе при чтении лекций, проведении спецкурсов в высших гуманитарных учебных заведениях, в процессе подготовки педагогов и социальных работников, а также при подготовке учебников и учебных пособий. Кроме того, возрождение и оживление женского движения в России после распада СССР, появление многочисленных женских ассоциаций и организаций, рост внимания к «женской теме» и «женской истории» - реалии сегодняшнего дня, поэтому результаты исследования могут стать практическим пособием и для женских общественных организаций.

Апробация исследования. Основные положения диссертации были изложены автором в выступлениях: на межрегиональных, региональных и университетских конференциях: «Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения» (г. Ставрополь, 1999); «Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа» (Ставрополь, 2000 - 2001 г), «Северный Кавказ: геополитика, история и культура» (Ставрополь, 2001 г.), Ставрополь - врата Кавказа: история, экономика, культура, политика. (Ставрополь, 10 сентября 2002); «Университетская наука - региону». Ставрополь, 2000-2003.

Основные положения диссертации изложены в 8 научных публикациях.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, приложения.

Глава I. Социально-правовое положение женщин в России во второй половине XIX - начале XX в.

§1. «Женский вопрос» и «женское движение» в России во второй половине XIX - начале XX вв.

Временем начала «женского движения» в России можно считать вторую половину XIX в. Однако, еще в начале XIX столетия женщины все больше стали интересоваться как отечественной, так и иностранной

литературой и даже писать, несмотря на клички философов, педанток и синих чулков, семинаристов в шали¹²⁶.

В этой связи в общественных науках весьма распространена проблема женской эмансипации. В XIX в. под «эмансипацией» понималось освобождение от

127

зависимости, подчиненности, полная свобода, воля» .

Авторы современного «Словаря иностранных слов» расширяют данное понятие: эмансипация (лат. emancipatio) - это освобождение еще и «от угнетения,

128

от предрассудков, отмена ограничений, уравнивание в правах» .

Само понятие пришло из Франции в начале XIX в. В России в указанный период чаще употреблялось такое понятие, как «женский вопрос», а «эмансипация» считалась рядовой проблемой среди других проблем «женского вопроса».

«Женский вопрос» по своей сути не является исключительно женским, поскольку он включает в себя не только и не столько эмансипацию, (освобождение, равноправие) женщин, а собственно, вопросы взаимоотношений мужчины и женщины, семьи и брака, охраны и защиты материнства и детства - то есть вопросы социального характера, которые затрагивают интересы в равной степени оба пола. По словам Бердяева - «это мучительный вопрос для каждого существа; для всех людей он также безмерно важен, как вопрос о поддержании жизни и о смерти»¹²⁹.

Проблема неравноправия, обеспечения прав женщины, преодоление ее зависимого положения, жидется на дискриминации прав. Своеобразие постановки этой проблемы в России по сравнению с постановкой его на Западе во многом обусловлено правовой системой России во второй половине XIX в. Если на Западе борьба женщин концентрировалась именно на юридическо-правовой стороне, на проблеме избирательных прав, то в России она с самого начала ставила перед собой задачу достижения

женского равноправия в полном объеме. Вопрос обеспечения равных с мужчиной избирательных прав не занимал в России значительного места. По словам П.Г. Мижужева, «вопрос о представлении русским женщинам политических прав не мог, как известно и возникнуть по той простой причине, что таковых прав не имело и мужское население России»¹³⁰.

С этим нельзя не согласиться, поскольку в России парламентаризм появился только в 1906 г., значительно позже, чем на Западе. Поэтому вопрос о политическом равноправии, избирательных правах представлял лишь малую и не самую главную часть всего объема проблемы женского вопроса в России.

Для сравнения приведем данные Шаповалова В.Ф. о решении этой проблемы в других странах: «Избирательные права женщин были представлены в США только в 1920 г., в Швейцарии в 60-х гг. XX в., в России же избирательные права женщинам были предусмотрены в 1914 г. на выборах в Государственную Думу, а в

131

1917 г. - на выборы в Учредительное собрание» .

Кроме того, I Государственная Дума была настроена весьма либерально по отношению к обеспечению прав и свобод женщине. На заседаниях было немало выступлений в поддержку женской эмансипации, депутаты из трудовой группы, партии народной свободы находили, что вопрос об уравнивании в правах женщин - вопрос большой государственной важности, что дума должна этот вопрос

132

разрешить и теперь же доложить об этом царю .

В результате, было решено выработать закон о полном уравнивании перед законом всех граждан без различия пола, сословия, национальности и религиозных убеждений. 8 июня 1906 г. было постановлено избрать комиссию из 33 членов для

133

выработки такого закона о всеобщем уравнивании .

Тем не менее, правовое положение женщины согласно российскому законодательству конца XIX в. явно уступало мужскому. По этому поводу среди юристов того времени шли дискуссии о правомерности подчинения женщины, писались исследования целью которых было выявить истоки дискриминации и степень подчиненности женщины в гражданском законодательстве.

Так, Безобразов В.П. в работе «О правах женщины» подробно рассмотрев 10-й том Свода законов Российской империи, касаемых прав женщин в России изучаемого периода. Он отмечал, что: «...первые же статьи действующего Свода Законов представляют буквальное повторение старинного закона Екатерининских времен, который в свою очередь носит на себе явные следы византийских воззрений и взглядов Домостроя»¹³⁴.

Как отмечали юристы начала XX в.: «Старая формула о прерогативах мужчины - «повелевать», женщины - «повиноваться», не удовлетворяет ныне и

135

современной юриспруденции» . «Старая формула» приводила к противоречию российского законодательства, когда замужняя женщина в имущественном отношении была свободна, в то же время в личном отношении подчинена мужу. По словам Синайского «Противоречие в положении русской женщины, свободной в имущественном отношении и в то же время подчиненной мужу в личном отношении, в значительной мере обязано своим происхождением в праве формальному творчеству русского законодателя в XIX в. Происхождение имущественной свободы русской замужней женщины стоит в тесной связи с резким разграничением в русской жизни родовых интересов семей мужа и жены, неблагоприятным развитием брачного договора и сильным влиянием начал поместной системы на частноправовую организацию имущественных

136

отношений» .

Так или иначе, права женщины в гражданском законодательстве были защищены следующим образом. Во первых, брак по российскому законодательству

137

мог совершаться только по взаимному согласию сторон . Однако, также запрещалось вступать в брак без дозволения родителей, опекунов или

138

попечителей . Более того, законом предусматривалось наказание за самовольное

139

вступление в брак лишением наследства . В литературе того времени имеется множество примеров, когда девушке искали жениха родители и практически насильно выдавали замуж. Тем не менее, иногда девушка все же могла подать в суд для признания брака недействительным¹⁴⁰. Во-вторых, в имущественном отношении жена была независима от мужа. Несколько статей гражданского права защищают права женщины в этом вопросе. Ст. 110 гласит: «Приданое жены, равно как имение, приобретенное ею или на её имя во время замужества, через куплю, дар, наследство или иным законным способом, признается её отдельной собственностью»¹⁴¹. В Ст.115 «Запрещается мужу распоряжаться имуществом

142

жены, или жене имуществом мужа, иначе, как по доверенности» . В третьих, выходя замуж, женщина могла повысить свой статус, перейти в высшее сословие. В Ст.100 говорится: «Муж сообщает жене своей, если она по роду принадлежит к состоянию низшему, все права и преимущества, сопряженные с его состоянием, чином и званием»¹⁴³. Эта же статья давала право женщине более высокого сословия выходя замуж за человека низшего сословия, оставаться в прежнем звании. Так, дворянка, выходя замуж за мещанина, оставалась дворянкой, но её дети и муж не переходили в дворянское сословие. В четвертых, женщина имела право стать инициатором развода: «Брак может быть расторгнут только формальным

духовным судом, по просьбе одного из супругов»¹⁴⁴. Однако, поскольку брак был церковным, церковь в принципе была против развода. Развод разрешалось инициировать только в трех случаях: 1) в случае доказанного прелюбодеяния другого супруга, или неспособности его к брачному сожитию; 2) в случае, когда другой супруг приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав и состояния, или к ссылке в Сибирь, с лишением всех особенных прав и преимуществ; 3) в случае безвестного отсутствия другого супруга¹⁴⁵. Отдельной статьей оговаривалось, что «самовольное расторжение брака без суда, по одному взаимному соглашению супругов ни в коем случае не допускается». То есть, развод не приветствовался церковью ни со стороны мужчины, ни со стороны женщины, более того, он запрещался без видимой причины.

Согласно закону, в личном отношении жена была подчинена мужу, как главе семьи, как своему господину. Принцип главенства мужа является традиционным в правовых традициях всех стран. Эта традиция имела древние корни, когда семья рассматривалась в качестве достояния мужчины, являлась его заслугой. Заводить семью мог мужчина способный прокормить и защитить своих детей и жену. По праву сильного муж был главой семьи, и такие правила семейной жизни всех устраивали. Под влиянием Византийской церковной традиции в отечественной церковной литературе в XV - XVI вв. настойчиво доказывалась «греховная природа» женщины, и в связи с этим обосновывалось главенство мужа в семье, как более чистого существа и мудрого господина, мужа-хозяина, призванного «воспитывать» жену¹⁴⁷. Такие произведения тем самым обосновывали принцип главенства мужа над женой и мужчины над женщиной. В XVIII в. в светской литературе появляются обоснования главенства мужа и отца как защитника и кормильца семьи: «Само собою понятно, что дети нуждаются в защите и прокормлении их отцом. Что же касается жены, то ей необходимы также защита и пропитание её мужем, ибо по природе она слабее мужчины, подвержена беременности и женским болезням. Если

жена по праву рождения детей получает власть над детьми и по поручению отца семейства представляет домашнее хозяйство, то есть посредственная власть, которая постоянно подчинена власти отца семейства. Этого требует природа вещей. Никогда не бывает, чтобы две одинаковые власти имели место в одном и том же правлении. Две одинаковые власти, в случае, если бы они выражали различные воли и намерения, портили бы все, потому что никакая сторона не была бы обязана уступить и склониться перед

148

другой» . По словам юриста Синайского такое «оправдание» необходимости главенства мужа как защитника и кормильца семьи господствовало во второй половине XVIII - XIX вв¹⁴⁹. Итак, несмотря на относительную свободу женщины в имущественном отношении, в личном жена полностью подчинена мужу. Статьи российского законодательства о семейном праве говорят, о том, что муж обязан защищать и содержать свою жену, а жена «обязана повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома»¹⁵⁰. Остальные статьи закона, касающиеся личных прав замужней женщины, как бы уточняют в каких именно случаях жена должна «повиноваться» мужу.

Согласно дореволюционному семейному праву наиболее уязвимой женщину делали статьи касающиеся прав супругов по отношению к детям. Хотя в законе и оговаривается, что «под родителями понимаются в законе отец и мать»¹⁵¹, «преимущественное право на воспитание детей принадлежало отцу, как главе

152

семейства» . Поэтому при разводе или других конфликтных ситуациях, право на воспитание детей оставалось за мужем.

Не равны были права женщины и мужчины в наследственном праве. Известное правило того времени гласило: «Сестры при братьях не наследницы». Женщина могла наследовать имущество только по прямой

линии или по завещанию. Она не вправе была наследовать имущество деда, дяди и тети, если у

153

нее был брат, и именно ему отдавалось преимущество в этом вопросе .

Российское законодательство XIX в. сделало попытку оградить женщину от физического насилия со стороны мужа, однако в качестве наказания, предусматривалось церковное покаяние со стороны виновного¹⁵⁴. Женщине просто не было смысла обращаться в суд, поскольку муж - тиран возвращался снова в дом, развод в таких случаях не допускался. И вообще считалось неприличным жаловаться на мужа кому бы то ни было, а тем более подавать на него в суд.

Подчиненность жены со стороны мужа проявлялась еще в нескольких статьях. Например, «Поскольку муж глава семьи, отдельный вид на жительство жене без согласия мужа не выдавался»¹⁵⁵. Следовательно, жена может уйти из дома без согласия мужа лишь на несколько часов». То есть, это означало ограничение свободы передвижения замужней женщины. Согласно Ст. 103. при перемене постоянного жительства мужа, жена должна была следовать за ним¹⁵⁶. Кроме того, без согласия мужа жена не могла устроиться на работу, получить образование и

157

т.д .

Итак, в основе семейного права XIX в. лежал принцип главенства мужчины в семье и личной подчиненности женщины. Между тем, российское семейное право, основываясь на традиционном понимании мужчины как основного содержателя семьи, несколько не соответствовало требованиям времени. Поскольку в конце XIX в. все больше женщин стремилось зарабатывать самостоятельно, тем не менее, без разрешения мужа нельзя было устроиться на работу, даже имея специальность. Право выбора места жительства семьи принадлежало мужу, в этом было еще одно препятствие для реализации женщиной своих профессиональных знаний,

поскольку женщина должна была искать работу только в той, местности, где выбирал муж. Женщина не могла поехать на работу в другой город или деревню, без согласия мужа.

Тем не менее, согласно российскому законодательству дореволюционного периода, женщина все же являлась субъектом правовых отношений также как и мужчина, поскольку лично могла обращаться в суд без опекуна или доверенного лица (как например, это требовалось в Англии). Во многих европейских странах женщина приравнивалась к несовершеннолетней и всю жизнь находилась под опекой родителей или мужа. В России женщина имела право приобретать, владеть и распоряжаться движимым имуществом по своему усмотрению. В этом отношении жена была независима от мужа и, по собственному желанию могла доверить ему распоряжение своими капиталами, должна была дать ему доверенность, как и любому постороннему лицу¹⁵⁸.

Неотъемлемой составной частью правового статуса личности является право на получение работы. Для женского населения России пользование этим правом имело свои особенности, обусловленные спецификой социально - экономического развития страны. Как известно, отмена крепостного права сопровождалась неуклонным развитием капиталистического способа производства, ускоренными темпами роста промышленности, частных предприятий, особенно в металлургии, машиностроении, текстильной отрасли. Новые производственные отношения породили наемный труд, в сферу которого стали все шире вовлекаться и женщины. Суммарные данные о труде работниц в российской промышленности в 60 - 70-е гг. отсутствуют. Применение женской рабочей силы стало возрастать с середины 80-х гг. XIX в. в связи с повсеместной механизацией производства и ростом рабочего движения. Фабриканты и заводчики охотно шли на трудоустройство менее требовательных, чем мужчины, и менее социально активных работниц¹⁵⁹. В результате, к началу 90-х гг. XIX в. по сведениям главного фабричного

инспектора России, в текстильной промышленности была занята 161 тысяча женщин (38,3% рабочих). В целом, 77% от числа занятых в промышленности женщин трудились на фабриках по обработке волокнистых веществ (в легкой и текстильной промышленности)¹⁶⁰.

Эти тенденции сохранились и в начале XX в. В 1901 г. в промышленности, подчиненной надзору фабричных инспекторов, работницы составляли 26% от числа занятых, в 1913 г. - уже 31%. На текстильных фабриках трудилось 68% женщин от общего числа работающих¹⁶¹. Женский труд стал применяться и в традиционно «мужских» отраслях: на нефтяных промыслах, паяльных работах, в жестяном и картонажном производстве, в кирпичном и типографском деле.

Несмотря на значительное количество занятых в промышленности работниц, в области улучшения условий труда последовательной государственной политики не проводилось. Трудовое законодательство было еще не развитым и не способствовало созданию достойных условий ни женщинам, ни мужчинам. Первый закон о работе подростков и лиц женского пола в промышленных заведениях появился 3 июня 1886 г. Он запрещал ночную работу женщинам и подросткам (15 -17 лет) на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках между 9 часами вечера и 5 часами утра. Окончательно этот закон был утвержден 24 апреля 1890 г., но с дополнением, по которому ночная работа разрешалась в особо уважительных случаях. Рабочая смена длилась 12 часов. По закону от 2 июня 1897 г. она была сокращена на 30 минут, разрешалось 120 сверхурочных часов в год, однако эта норма хозяевами предприятий соблюдалась редко¹⁶².

Нормативы об охране труда отсутствовали, что приводило к большому числу производственных травм. Закон о вознаграждении получившим увечья появился только в XX в. Социальное страхование рабочих начало распространяться в 1888 г., однако законодательно оно было оформлено лишь в 1912 г. Уровень оплаты женского труда был на

30% ниже мужского. Если средний заработок рабочего составлял в 80-х г. XIX в. 14 - 15 рублей в месяц, то работницы получали 10 рублей¹⁶³. Стоимость дневного содержания наемного работника в сельском хозяйстве равнялась 12 копейкам, для женщины 9 копейкам. В керамическом производстве, на шерстяных прядильно-ткацких фабриках разница в оплате мужского и женского труда достигла 60%¹⁶⁴. Рабочие и работницы имели различный уровень грамотности. По данным всеобщей переписи 1897 г. 51,9% учтенных рабочих умели читать, грамотность работниц текстильных предприятий составляла 18,6%¹⁶⁵.

Показательны результаты работы высочайше утвержденной комиссии, которая выработала в 1902 - 1905 г. образцовый бюджет рабочих. Минимум на одного человека в месяц был определен в 21 руб. для мужчин и 17 руб. для женщины, в том числе на одежду - 3 руб., на квартиру - 4; на пищу - 10; случайные расходы (мыло, прачечная, баня, переписка, разъезды, религиозные отправления и т.п.) - 4 руб. Из бюджета были исключены книги, газеты, театр,

166

отдых, воспитание детей, лечение .

Не легкими были условиями труда крестьянок, которые составляли большинство женского населения России. Это была незаменимая рабочая сила в сельском хозяйстве. Работая по 18 часов в день, они не только трудились в поле и на скотном дворе, но вели домашнее хозяйство, заботились о детях, зимой, когда работы в поле не было, занимались ремеслом, поскольку во многих областях одежду полностью изготавливали сами. Многие крестьянки на дому выполняли заказы на изготовление кружев. Например, в конце XIX в. ежегодно ими выделялись кружева на 2 млрд. рублей¹⁶⁷.

Однако, трудясь наравне, а часто и больше мужчин, крестьянки, по сложившейся правовой практике и обычаям того времени не владели

землей и большей частью находились в личной и экономической зависимости от главы семейства.

Таким образом, в ходе коренных экономических преобразований пореформенного периода профессиональный статус женщин низших слоев общества существенно изменился. Они получили широкий доступ к неквалифицированному труду и рабочим специальностям на фабриках и заводах. Сохранившийся индивидуальный характер ведения сельского хозяйства также признавал за женщинами право на тяжелую физическую работу. В то же время работницы и крестьянки, в условиях консервативного патриархального общества были лишены элементарных прав, приближавших их к правам мужчин.

Показательна в этом отношении характеристика женской рабочей силы, содержащаяся в экономическом обозрении «Россия в конце XIX века под общей редакцией В.И. Ковалевского, подготовленном для Всемирной выставки в Париже в 1900 г. Указав, что в России по итогам переписи 1897 г. проживает 31 млн. взрослых, 6,5 млн. подростков и 1,5 млн. полу - рабочих - стариков, авторы пишут: «К числу полурабочих можно отнести и всех взрослых женщин, большинство которых помимо выполнения ими особых обязанностей в семье, принимают посильное участие во всякой производительной, особенно сельскохозяйственной работе». Как видим, сделан довольно умелый ход по объяснению политики верховной власти: если женщина неполноценная, а лишь посильно участвующая в общественном производстве рабочая сила, нет необходимости разрабатывать специальное трудовое законодательство, учитывающее специфические особенности женского организма¹⁶⁸.

В сферах государственной службы и интеллигентных профессий ситуация с трудоустройством женщин была противоположной. Возможности служить на государственной службе у женщин были крайне ограничены. Высочайшим повелением от 14 января 1871 г. им запрещалось работать на канцелярских и других должностях во всех правительственных

и общественных учреждениях. Круг доступных для женщин профессий был крайне ограничен: учительницы, акушерки, фельдшеры, аптекари, телеграфистки, служащие по счетной части в женских заведениях ведомства учреждений Императрицы Марии Федоровны¹⁶⁹.

Женщины, сумевшие получить высшее образование за границей, практически не имели доступа к работе по специальности. Первые женщины -врачи начали работать, не имея на это никаких юридических прав. До 1883 г. они не были включены в списки врачей, в течение пяти лет служили в земских и городских больницах без официального документа. В 1883 г. повелением Государя им разрешили занимать должности врача в женских учебных заведениях, но в каждом отдельном случае на это требовалось разрешение Министерства Внутренних Дел. В 1895 г., с учреждением женского медицинского института, решением Государственного Совета диплом «Женщина - врач» давал право свободной практики, заведования земскими медицинскими участками, детскими и женскими больницами в городах, но право состоять на государственной службе не

170

предоставлялось . Юридическая деятельность оставалась для женщин закрытой.

Такая политика правительства не только сдерживала энергию и инициативу тысяч женщин, но и обрекала многих на нужду и лишения. После отмены крепостного права сотни девушек из обнищавших дворянских семей были вынуждены уехать в город, чтобы найти там источники существования. Как отмечала в своих воспоминаниях А.Я. Панаева, даже те родители, кто имел достаток, заботились, «чтобы их дочери были подготовлены ко всякому непредвиденному перевороту в их жизни и могли бы, в случае надобности, своим трудом добывать средства к существованию. Люди более низкого достатка бились

из последних сил, чтобы подготовить своих детей к какому-нибудь труду»

Таким образом, анализ государственных решений, документальных источников позволяет сделать вывод о том, что во второй половине XIX в. политика в сфере труда и занятости мало способствовала самореализации женской личности, приводила к дискриминации женщин во всех профессиональных группах.

Еще одним показателем дискриминации женщин являлось ограниченное право на получение образования. После отмены крепостного права в 1861 г. вопрос об образовании народа, в том числе женщин, тесно увязывался с задачей формирования нового типа граждан. В объяснительной записке к «Проекту устава общеобразовательных учреждений» отмечалось: «Чтобы пользоваться разумно правами человеческими, необходимо развить в массах сознание прав, возбудить любовь к труду разумному и поселить в каждом уважение к самому себе и человеку

¹⁷²
вообще» .

Как отмечали многие современники изучаемых событий, проблема женского

¹⁷³

образования являлась главным пунктом «женского вопроса» в России, поэтому на этом следует остановиться более подробно.

Началом женского образования в России можно считать середину XVIII в, когда был создан Смольный институт благородных девиц и появилось несколько частных пансионов для девушек. Устав 1786 г. открыл доступ девочкам в народные

¹⁷⁴

училища . Но учебных заведений было так мало, что они охватывали лишь незначительное число девочек. Женское образование было преимущественно домашним. В начале XIX в. начали развиваться женские пансионы, закрытые институты и школы. Но заметного изменения в

состояние женского образования они не внесли, поскольку были в основном частными, и обучение стоило очень дорого. Не каждая семья могла себе позволить обучение дочери в пансионе.

1
7
5

Поэтому в них обучались в основном дочери состоятельных дворян и купцов .

Число учащихся в пансионах было невелико. В 20-40 гг. XIX в. число училищ, где могли обучаться девочки, немного увеличивается. Их открывали под эгидой и с согласия Министерства народного просвещения, но они все равно были частными. В сельских училищах для мальчиков стали создаваться классы для девочек (для государственных крестьян). Некоторые помещики также открывали

176

школы для девочек .

Женское образование развивалось по трем основным направлениям:

- через сословные учебно-воспитательные заведения;
- через бессословные учебные заведения гимназии;
- через учреждения высшего образования.

К сословным учебно-воспитательным заведениям относились учебно-воспитательные учреждения, в которых обучались дети только из определенных сословий (дворянского, купеческого и др.). В XIX в. получили распространение средние учебные заведения закрытого типа - женские институты. Они находились в Ведомстве императрицы Марии. Это ведомство создавало для разных сословий

177

особые женские учебно-воспитательные заведения и руководило ими .

Начало Ведомству было положено императором Павлом, назначившим супругу, императрицу Марию Федоровну, главой Воспитательного общества благородных девиц. Впоследствии этому

обществу было присвоено наименование «Ведомство учреждений императрицы Марии». Оно управляло в России частью учебно-воспитательных и лечебно - благотворительных учреждений. К 1917 г. в ведении Ведомства находились: 176 детских приютов; 21 училище для слепых; 70

женских гимназий и институтов; 21 богадельня; 40 больниц и ряд закрытых учебно-

178

воспитательных заведений .

Имелось два типа сословных закрытых женских институтов для благородных девиц и для дочерей-сирот среднего офицерского состава, государственной службы и мещан. К середине XIX в. женские институты были созданы в Одессе, Казани, Киеве, Оренбурге, Иркутске, Астрахани, Нижнем Новгороде, Тамбове, Саратове -

всего по стране насчитывалось около 30 учебных заведений подобного типа .

Однако, удовлетворить постепенно возрастающие образовательные потребности общества эти учебные заведения не могли: закрытые сословные заведения, институты и епархиальные училища были доступны лишь для дочерей дворян, чиновников и духовенства, частные пансионы - для детей богатых родителей.

В середине XIX в. женщины всех сословий все активнее стремились получить образование. В рамках буржуазных преобразований середины XIX в. была проведена реформа образования. В 1864 - 1869 г. все начальные школы перешли в ведение Министерства народного просвещения. Мальчиков и девочек обучали в школах совместно, тем самым девочки всех сословий получили возможность получать начальное образование. В 1860 г. во всех 22770 начальных школах обучалось 239 997 девочек, что составляло 20,7% от числа учащихся¹⁸⁰. К

1905 г. в начальных школах всех ведомств девочки составляли всего 27%

181

учащихся .

В 50-х - 60-х гг. XIX в. назрела необходимость реформы женского образования. Разрабатывая первоначальную программу реформы женского образования, представители власти исходили из необходимости формирования новой «суверенной» личности. В докладе министра А.С. Норова, сделанном 5 марта 1856 г. Александру II, говорится, что «как развитие в массах народных истинных понятий об обязанности каждого, так и всевозможные улучшения семейных нравов и вообще всей гражданственности, на которые женщины имеют столь могущественное и неотразимое влияние, зависит от образования. Поэтому учреждение открытых школ для девиц в губернских и уездных городах и даже в

182

больших селениях было бы величайшим благодеянием для отечества» .

В 1858 г. во многих городах России стали открываться всесословные и общественные женские школы - гимназии. Выпускницы гимназий получали общее среднее образование и право поступать в высшие и специальные учебные заведения, как в России, так и за границей. За 1858-1869 гг. число гимназий возросло до 61-й. Из общего числа учениц 50% составляли дети дворянского

183

происхождения . К 1874 г. их уже насчитывалось - 189 с общим числом учащихся

184

25 565 человек - эти цифры говорят о довольно быстром темпе развития гимназического образования и распространения образования среди женщин.

Женские государственные учебные заведения, в основном, имели принадлежность к Ведомству учреждений императрицы Марии или к Министерству народного просвещения. Широкое распространение в этот период получили женские епархиальные училища, в основном для дочерей

священников. Епархиальные училища создавались с разрешения Святейшего Синода, по ходатайству епархиальных архиереев, а иногда и светских лиц и содержались на местные епархиальные средства: взносы от сборов, монастырей, церквей, проценты с училищных капиталов, плату за содержание в общежитиях пансионеров, за обучение девушек не духовного происхождения, на процент от прибыли свечных епархиальных заводов, из средств от издания епархиальных ведомостей и частные пожертвования. С течением времени число училищ возрастало: если в 1870 г. их было 16, то к 1915 г. их насчитывалось - 74, в которых учились почти 30 тыс. воспитанниц¹⁸⁵. В 1909 г. воспитанниц в епархиальных училищах было 25182¹⁸⁶.

Все женские средние учебные заведения, в том числе и духовного ведомства, как и мужские, до начала XX в. подразделялись на прогимназии и гимназии. Гимназии состояли из 8-9 летнего курса обучения, прогимназии из 4-6 летнего курса. Как гимназии, так и прогимназии были пансионного типа. При учебном заведении обязательно организовывался пансион для девушек, в котором они жили.

Общей особенностью женских учебных заведений этого периода стало более широкое понимание их целей: не только подготовка честных и добродетельных жен и матерей, но и общее развитие девушек, подготовка их к практической деятельности. Тем не менее, гимназическое женское образование не стало обязанностью государства, поскольку из казначейства на нужды женского образования выделялось очень мало средств по сравнению с мужскими. (См. приложение 1).

Если женщины могли получать низшее и среднее образование (благодаря реформам Александра II), то высшее было недоступно многим, - до 1870-х гг., - времени появления первых высших женских курсов, женщины могли обучаться лишь за границей. Особенно много русских девушек обучалось в Цюрихском университете. В 1870 г. из 48 женщин было 44 русских. В 1872 г. общее число

студенток Цюрихского университета было 109 человек, из них 54 русские . Проблема женского высшего образования решалась очень сложно и непоследовательно. Все основывалось на частной инициативе и не всегда поддерживалось правительством. Зинченко Н. приводит такой пример: «В декабре 1867 г. на проходившем в Санкт-Петербурге съезде естествоиспытателей Евгения Ивановна Конради (врач, писательница и редактор газеты «Неделя») внесла мотивированную записку о необходимости устройства «правильных» курсов для женщин по предметам историко-философских и физико-математических наук. Но правительство не нашло на это ни средств, ни возможности. В итоге, были организованы частные научные курсы, где безвозмездно читали лекции

1
8
8

выдающиеся педагоги - А.Н. Бекетов, О.Ф. Миллер, Д.И. Менделеев и др.»

Под влиянием набиравшего силы «женского движения» и как следствие возрастающего числа таких курсов, 29 ноября 1869 г. Министерство народного просвещения дало разрешение на открытие в Санкт-Петербурге университетских курсов по предметам историко-филологических и физико-математических наук в виде общих публичных лекций совместно для мужчин и женщин, так как организация подобных курсов не требовала новых постановлений в сложившейся учебной системе государства. В 1868 г. в Москве на средства частных лиц открылись Лубянские курсы. В 1872 г. были учреждены в Санкт-Петербурге женские врачебные курсы, ставившие цели слушательницам приобрести звание акушерок, с правом самостоятельной акушерской и гинекологической практики (до этого времени женщины были лишены права на лечение и занимались только родовспомоществованием)¹⁸⁹.

Только в конце 80 гг. XIX столетия высшие женские курсы стали открываться во многих университетских городах. Но не смотря на

изменившуюся в это время обстановку в области женского образования, открывавшихся высших учебных заведений явно не хватало, кроме того, не у всех была возможность получить высшее образование. Однако польза от его получения женщинами была очевидна. Если раньше общество заботилось только о том, чтобы воспитать «женщину для мужчины» (для замужества), то теперь дама, получившая образование, была востребована в медицине, просвещении и образовании и т.д. Кроме того, образованной женщине теперь можно было не бояться остаться без мужа, она своими знаниями смогла бы обеспечить себя и своих детей.

Итак, с середины XIX по начало XX вв. под влиянием демократических реформ и женского движения было очень многое сделано для получения и реализации женщинами права на образование. С каждым годом увеличивалось число учащихся женщин. Получение образования входило в норму. Это теперь все чаще рассматривалось не как из ряда вон выходящее событие, а как простая необходимость.

Все эти изменения и новшества стали возможными во многом благодаря российскому женскому движению, которое берет свое начало в годы реформ 1859-61 г. как часть русского общественного движения эпохи падения крепостного права. Его специфика была обусловлена особенностями русского исторического развития. Требование политических и гражданских свобод, присущее женскому движению на Западе, в условиях самодержавной России являлось лозунгом общедемократического движения. В это время женское движение в России развивалось преимущественно в элитной среде, носило в целом прозападный характер и являлось разновидностью феминизма. Однако, большое влияние на общество демократической печати «Колокол», «Современник», «Русское слово», «Искра», а позднее - «Отечественные записки», «Дело», народофильские нелегальные издания и др., а также близость многих деятельниц женского движения к революционным кругам, приносили в

него элементы утопического социализма. Требования политического равноправия женщин появились только во время революции 1905-1907 г.¹⁹⁰

Первой ячейкой женского движения в России стал женский кружок М. В. Трубниковой, принявший участие в создании воскресных школ в Петербурге в 1859 г. и находившийся под влиянием Н.А. Серно-Соловьевича. Возникший в этом кружке «женский триумвират» (Н.В. Стасова, М.В. Трубникова, А.П. Философова) на многие годы стал инициативным центром женского движения. В 1859 г. возникло благотворительное «Общество дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям Санкт-Петербурга» (первый председатель М.В. Трубникова), при котором позднее были устроены мастерские, общественные кухни, школы, детские сады. Отдельные женщины из мелкодворянской и разночинной среды стали переводчицами, переплетчицами, наборщицами, возрастает их роль в журналистике. Возникают первые женские артели -переплетные В.И. Печаткиной и В.А. Иностранцевой в Петербурге, швейная -сестер Ивановых в Москве и другие. В 1863 г. по инициативе Трубниковой и Стасовой появилась на кооперативных началах «Издательская артель» (существовала до 1871 г.) и общество женщин-переводчиц. Участие в общественном труде создавало условия для экономической самостоятельности женщин из интеллигентской среды. Стремление освободиться от опеки мужа, при сложности расторжения церковного брака, привело к росту гражданских браков. С середины 1860-х г. получили распространение фиктивные браки, имевшие целью освобождение от родительской опеки. Большое значение для освобождения женщины от семейного гнета имели общежития-коммуны, самой известной из которых была Знаменская коммуна В.А. Слепцова в Петербурге¹⁹¹.

Одним из важнейших направлений развития женского движения в это время стала борьба за доступ к образованию. Девушки в качестве вольнослушателей посещали Петербургский университет (1859-61 г.) и

Медико-хирургическую академию (1862-64 г.). Среди первых студенток были Н.И. Корсини (Утина), Е.И. Корсини (Висковатова), М.А. Богданова (Быкова), А.П. Блюммер (Кравцова), М.А. Бокова (Сеченова), Н.П. Суслова (Эрисман), Е.Ф. Толстая (Юнге), М.М. Коркунова (Манасеина), большинство из которых впоследствии приобрели известность в связи с общественной деятельностью¹⁹².

Появление девушек в университетах было настолько необычным явлением, что вызвало самые различные суждения в обществе. Первым студенткам пришлось столкнуться как с горячей поддержкой, приветствиями, помощью со стороны студенчества, так и с насмешками и оскорблениями, сплетнями со стороны обывателей. По-разному к ним относились и профессора. Подозрительно, недружелюбно отреагировали С.С. Куторга и Э.Х. Ленц, считавшие присутствие женщин неудобным для университетской аудитории. Большинство либерально настроенной профессуры столичного университета - К.Д. Кавелин, М.М. Стасюлевич, Н.И. Костомаров, А.В. Никитенко выразили свою поддержку вольнослушательницам.

В 1867 г. Е.И. Конради составила петицию с требованием разрешения женщинам посещать университет. Зачитанная профессором А.Н. Бекетовым на 1-м съезде естествоиспытателей, эта петиция получила одобрение участников. В 1868 г. по инициативе Трубниковой, Философовой и Стасовой было подано прошение ректору Петербургского университета, под которым подписалось свыше 400 чел. с просьбой разрешить женщинам обучение в университете. В 1869 г. были открыты курсы по гимназическим программам (Аларчинские в Петербурге и Лубянские в Москве), носившие подготовительный характер. При поддержке 43 профессоров: А.Н. Бекетова, Д.И. Менделеева, А.С. Фаминцына, И.М. Сеченова, А.П. Бородин и других, в декабре 1869 г. было получено разрешение министра просвещения на открытие женских курсов по университетской программе (так называемые Владимирские в

Петербурге, начавшие работу в январе 1870 г.). Однако, по сути, высшее женское образование в России ведет свое начало с открытия Высших женских курсов В.И. Герье в Москве (1872 г.) и Бестужевских высших женских курсов в Петербурге (1878 г.)¹⁹⁴.

В конце XIX в. возникает ряд женских благотворительных организаций: «Общество попечения о молодых работницах» (1897 г.), «Общество улучшения участи женщин» (1899 г.), «Русское женское взаимоблагодетельное общество» (1899 г.) и др.¹⁹⁵.

В начале XX в. оформилось международное женское движение. К 1907 г. были созданы три автономных международных женских объединения: в 1888 г. -Международный женский совет, в 1902 г. - Международный женский суфражистский альянс, в 1907 г. - Международный женский социалистический

196

секретариат .

В начале XX в. российское женское движение стало более активным. Появилось множество женских обществ прогрессивной направленности. В это время российское женское движение выходит на мировую арену, его российские представители занимают особое место в среде международного женского движения.

Взаимодействие российского женского либерального с Международным женским советом охватывает период с 1893 по 1917 гг. Россию в этих контактах представляло Русское женское взаимоблагодетельное общество во главе с его лидерами - А.П. Филосовой и А.Н. Шабановой, которые рассматривали сотрудничество с МЖС как способ объединить существовавшие в России женские организации в единый Всероссийский национальный совет и официально войти в структуру МЖС¹⁹⁷.

На Лондонском конгрессе МЖС в 1899 г. А.П. Философа была заочно

избрана почетным вице-президентом . Устав Совета возлагал на неё обязанность способствовать созданию в России национального совета женщин - то есть такой организации, которая бы объединила все женские организации России, имела статус национальной и смогла бы стать равноправным членом международного

199

женского совета .

А. П. Философова и А. Н. Шабанова прилагали значительные усилия к созданию общенациональной женской организации - Всероссийского женского совета. Возможность присоединения была близка в 1905 году, когда на фоне революционных событий деятельницы российского женского движения пытались созвать Первый всероссийский женский съезд. Руководство Русского взаимоблаготворительного общества планировало использовать съезд для учреждения Всероссийского женского совета. С этой целью активистками Общества был выработан проект устава, который, как предполагалось, должен был получить одобрение съезда. Однако из-за разногласий с Министерством внутренних дел по поводу программы съезд состоялся лишь в феврале 1908 г. и не

200

принес желаемых результатов .

В апреле 1905 г. в Москве образовался «Союз равноправности женщин» («Всероссийский союз равноправия женщин»)²⁰¹, который провел 1-й Всероссийский съезд женщин (70 делегатов), в октябре 2-й съезд и вступил в марте

1906 г. в «Союз Союзов». К маю 1906 г. союз насчитывал 8 тыс. членов и имел 79 «автономных отделений» в других городах. В августе 1906 г. союз присоединился к «Международному союзу избирательных прав женщин» и участвовал в его конгрессах (Копенгаген, август 1906 г.; Амстердам, июнь 1908 г.). Союз издавал в 1907-1909 гг. журнал «Союз женщин» (редактор-

издатель М.А. Чехова). После поражения революции 1905-1907 гг. союз распался. Его правая часть провозгласила образование «Женской прогрессивной партии», просуществовавшей недолго и издававшей журнал «Женский вестник». Основной организацией женского движения осталось «Русское женское взаимоблагодетельное общество» (РЖВО). Оно подготовило и провело в декабре 1908 г. 1-й Всероссийский женский съезд (председатель оргкомитета А.Н. Шабанова, вице-председатель А.П. Философова и О.А. Шапир). Это мероприятие стало важнейшей вехой в становлении женского движения в России в начале XX в²⁰².

Инициатива проведения съезда принадлежала председателю РЖВО А. Н. Шабановой. Еще в 1902 г. она обратилась к министру внутренних дел В. Плеве и добилась от него принципиального согласия на проведение женского съезда. Съезд был назначен на июль 1905 г., однако подготовка к нему растянулась на долгие шесть лет. Он открылся 10 декабря 1908 г., собрал более тысячи участниц -делегаток от различных женских организаций, объединений, групп, женских фракций в политических партиях. Русский феминизм был представлен на съезде во всем многообразии его подходов, оценок, определений. Среди приглашенных были члены Государственной Думы, представители общественности и средств массовой информации, что свидетельствовало о внимании общества к этому событию²⁰³.

Из всей страны в Петербург прибыло 1053 депутатки из всех регионов России. Проведенный на съезде анкетный опрос выявил, что большинство делегаток происходили из российской разночинной интеллигенции, частично из торгово-промышленной буржуазии. Представительниц высших аристократических кругов, как и низших сословий работниц, насчитывались единицы. Крестьянки отсутствовали совсем. Средний возраст проходил по категории «свыше 30 лет» -

3/4 участниц, замужние и вдовы составляли 2/3, большинство имело высшее и среднее образование - 84 %. Были представлены сведения о мужьях - это были

204

медики, адвокаты, педагоги, инженеры, служащие .

Открывая съезд, А.Н. Шабанова отметила, что перед ним стоят две главные задачи: содействовать объединению женщин в одном стремлении - завоевании прав; представить результаты их деятельности в общественной, экономической, просветительской и научной сфере²⁰⁵.

На съезде были обсуждены вопросы социально-политического статуса женщин, их экономического и правового положения в семье и обществе, говорили об итогах и задачах женского движения, о перспективах социального освобождения женщин.

Первой выступила лидер и основательница российского женского движения А.П. Философова. Анна Павловна напомнила собравшимся в зале о предшествующем этапе российского женского движения - от 60-х г. XIX в. до 1905 г., о своих соратницах по общему делу - Н. В. Стасовой и М.В. Трубниковой. Триумвирату Стасова - Трубникова - Философова принадлежала инициатива создания первых кружков, первых обществ дешевых квартир, рабочих артелей. Именно они стали зачинательницами борьбы за высшее образование для российских женщин. Благодаря их усилиям, усилиям всех первых русских феминисток к началу XX в. Россия стояла на втором месте в мире после Великобритании по числу женщин, получивших высшее образование²⁰⁶.

Анне Павловне Философовой принадлежала инициатива создания в России Национального женского совета. Она придавала этой идее очень большое значение. По ее замыслу, Национальный совет должен был стать координирующей структурой для сети женских организаций страны, который придал бы женскому движению организационную форму и стал

бы гарантией его внутренней солидарности. А, кроме того - обеспечил бы его вхождение в сеть Международного

женского совета, почетным членом которого была А.П. Философова ²⁰⁷ .

Создание единого координирующего органа стало предметом едва ли не наиболее ожесточенной полемики на съезде. А. П. Философову поддерживало «Русское женское взаимно-благотворительное общество», а также другие крупнейшие женские объединения. Против выступало молодое «пролетарское» женское движение, представленное меньшинством делегатов съезда. Но оно выступало настолько энергично, что объединение не состоялось.

На этом фоне казалась почти незаметной та дискуссия, что предвосхитила споры нашего времени, типичные для неофеминизма конца XX в. Это дискуссия между сторонницами феминизма - равенства и поборницами феминизма «отличия». Естественно, что в тот момент, когда русские женщины только добивались гражданского признания, сама ситуация способствовала убедительности позиций сторонниц феминизма равенства или, как еще его называли, эгалитарного феминизма. Они говорили о всеобщих ценностях демократии на общепринятом, привычном языке и настаивали на признании женщины в качестве такого же полноценного и полноправного субъекта, каким к тому моменту считался мужчина. Общие интересы демократического развития России они отождествляли с интересами женского движения, более того считали задачи становления демократии более значимыми для жизни России, чем задачи женского движения. Им казалось, что специфика российской жизни - потребность борьбы с самодержавием и монархией - основой российского традиционализма -

оправдывает их позиции .

Замечательный доклад представила одна из руководительниц Лиги равноправия женщин С. Тюрберт, освещавшая тему «Женский вопрос и политический строй». Она подчеркивала, что становление и развитие женского движения является составной частью развития современной демократии - демократии «участия», которая возникает там и тогда, где и когда появляется «свободная и разносторонне развитая индивидуальность», «политически сознательная личность» или «человек социальный», будь то мужчина или

209

женщина .

На съезде разошлись между собой по некоторым вопросам и сторонницы феминизма «отличия»: одни звали вперед - к обретению женской субъективности через присвоение индивидуальности во всей ее полноте, включая и свободу сексуальных отношений, с помощью контрацепции или даже аборта; другие, напротив, настаивали на отречении от «греха» плоти, на ее нравственном обуздании, строгом подчинении интересам рода. Особенно полно и зрело идеи феминизма «отличия» были изложены в докладах О. Клириковой, М. Янчевской, С. Исполатовой, О. Шапир. О. Клирикова, представлявшая на съезде русскую провинцию, в своем докладе опиралась на новомодные в ту пору суждения немецкого социального философа Г. Зиммеля, которого западные феминистки

210

открыли для себя лишь в 70-80-е г. XX в .

Последнее слово на съезде получила писательница О. Шапир, возглавившая позднее работу по подготовке к изданию материалов состоявшейся на съезде дискуссии. Она напрямую сформулировала понятие «равенство при различии», подчеркнув, что только такое равенство обеспечит действительную независимость, автономию женщины.

Итоги дискуссии, состоявшейся на I Всероссийском женском съезде, были подведены в целом ряде резолюций. Главной из них была резолюция общеполитическая, в которой отмечалось: «Работа Первого Всероссийского

женского съезда, усиленно осветившая, как политические и гражданские запросы, так и экономические нужды современной русской женщины, привела съезд к глубокому убеждению, что удовлетворение этих запросов возможно лишь при равноправном с остальными гражданами участии женщин не только в культурной работе, но и в политическом строительстве страны, доступ к которому окончательно откроется для женщины лишь при водворении демократического строя на основе всеобщего избирательного права без различия пола, вероисповедания и национальности. Съезд ставит женщинам великою целью добывание этих прав, как главного орудия для полного раскрепощения и освобождения женской личности. Для практического осуществления поставленных перед нею задач, женщина должна отдавать свою энергию, как существующим уже общим организациям, так и созиданию отдельных женских союзов, которые объединят и вовлекут широкие круги женщин в сознательную политическую и

211

общественную жизнь» . Съезд подчеркнул, что самые широкие круги женщин через свои организации должны быть вовлечены в сознательную политику и общественную жизнь²¹².

Резонанс съезда был огромным. Первый всероссийский женский съезд презентовал новую вполне жизнеспособную политическую силу - общероссийское женское движение, спланивающееся под идеями феминизма. Реакция политиков, высказывания прессы были самые разные: от восторженных до уничижительных. Лидер черносотенцев В.М. Пуришкевич послал личные письма оскорбительного содержания А.П. Философовой, М.И. Покровской, А.Н. Шабановой. Философова подала в суд и выиграла его, что еще лишний раз подтвердило вывод «организаторш» съезда, что «общественное воззрение на женщину изменилось».

Пуришкевич был вынужден принести извинения под язвительный комментарий

213

«женской прессы», освещавшей судебный процесс .

Выполнение всех решений 1 ВЖС было возложено на Русское женское Взаимно-благотворительное общество - организацию устроительницу. В 1917 г. А.Н. Шабанова добилась исполнения решения о создании общероссийской национальной женской организации и зарегистрировала Всероссийский женский

2
1
4

совет, но исторически этой организации времени отпущено не было . В последующие годы лидерами женского движения было проведено еще несколько съездов: Первый Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами в Петербурге в 1910 г., Первый Всероссийский съезд по образованию женщин в Петербурге, в 1912 г. Второй Всероссийский женский съезд, намечавшийся в

215

Москве на 1913 год не состоялся .

Последнее эхо съезда прозвучало 19 марта 1917 г., когда по улицам Петрограда прошла грандиозная 40-тысячной манифестация петербургских женщин с требованием равных политических прав, среди организаторов которой были и учредительницы женского съезда - М.И. Покровская, А.В. Тыркова, А.Н. Шабанова. Результатом явилось объявление Временным Правительством всеобщего равного избирательного права без ограничений по признаку пола. Это свидетельствовало о том, что в канун революции 1917 г. в России шел процесс накопления социальных и культурных сил для демократической модернизации

216

страны, и женское движение принимало в нем активное участие .

В целом, в 60-х гг. XIX - в начале XX вв. оформились направления женского движения. О. А. Хасбулатова выделяет следующие направления

Российского женского движения. Либерально-демократическое, или реформистское направление, которое объединяло те женские организации, которые выдвигали в качестве стратегической задачи достижение равноправия женщин в общественной жизни и выбирали государственные реформы основным средством её осуществления. Это - Русское женское взаимноблаготворительное общество, Союз равноправия женщин, Российское общество улучшения участи женщин, Российская лига равноправия женщин, Женская прогрессивная партия, Общество защиты женщин и др. В женских организациях либерально-демократической

217

направленности центральной являлась идея полноправной, свободной личности. Русское женское взаимноблаготворительное общество совместно с Всероссийским Союзом равноправия женщин включились в активную политическую жизнь страны в феврале 1905 г. Союз равноправия женщин изначально выдвинул главной целью своей деятельности политическое равноправие женщин и мужчин. В его программе содержались требования демократических свобод, созыва учредительного собрания на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права без различия пола. Требования уравнивания прав женщин и мужчин касались всех сфер жизни и всех

218

слоев общества. В борьбе за политические права союзом было выбрано два пути: воздействие на представительные органы власти и участие в революционной деятельности политических партий левого толка, помощь политическим ссыльным и заключенным. В 1905 г. состоялись три съезда союза. Его отделения были

219

созданы в 39 городах России. Председательница Русского женского взаимноблаготворительного общества А.Н. Шабанова отмечала, что ближайшей целью реформистского направления являлась борьба за избирательное право как «орудие защиты прав женщин, средство освобождения половины человечества»²²⁰. Однако, по её словам, получение избирательных прав не было конечной целью, а служило средством для участия на равных правах в общей культурной работе

221

страны на пользу человечества . В платформе Союза равноправия женщин было записано: «при существующем режиме женщина - существо бесправное, поэтому борьба женщин за права связана с политической борьбой за освобождение России»²²².

Согласно исследованию О.А. Хасбулатовой, деятельницы либерально-демократического направления выдвигали следующие пути продвижения к поставленной цели: во-первых, формирование самосознания женщин; во-вторых, законодательное уравнивание женщин в гражданских, политических, семейных правах с мужчинами; в третьих, проведение реформы женского образования; в четвертых, улучшение условий и охраны труда работниц и крестьянок; в пятых, принятие законов об охране материнства и младенчества; в шестых, эффективную

223

деятельность женского движения .

Таким образом, либерально-демократическое направление предлагало комплексную программу действий по повышению социального статуса женщин в пределах сложившейся, но демократически реформированной общественной системы.

Второе направление женского движения, выделенное О.А. Хасбулатовой, составляют организации социал-демократической направленности. Это Общество взаимопомощи работниц, Женские рабочие клубы в Санк-Петербурге и Москве,

224

Рабочее общество самообразования женщин и мужчин . Лидерами социал-демократического направления, были известные революционерки А.М. Колонтай и И.Ф. Арманд. Это направление характеризуется стремлением к более радикальным переменам. Как писала А.М. Колонтай, «добиваться разрешения женского вопроса - значит, добиваться замены старого мира новым миром общественного труда, братской солидарности и радости свободы» .

Анализ документов показывает, цели и задачи либерально-демократического и пролетарского направлений совпадали по многим вопросам. Это предоставление женщинам избирательного права; условий женского труда; охрана материнства; государственная поддержка детства; предоставление женщинам равных с мужчинами прав для участия во всех сферах жизни. В то же время, как в идейной платформе, так и в средствах её осуществления имели место принципиальные разногласия²²⁶. Они касались, прежде всего, основных вопросов - причин неравенства женщины и путей её эмансипации. Выдвигая тезис, о том, что в основе дискриминации женщины лежит частая собственность на средства производства и для её освобождения необходима смена общественного строя, лидеры социал-демократического направления придерживались мнения, что реформистские и пролетарские женские организации антагонистичны и ни при каких

227

обстоятельствах сотрудничать не могут. В целом пролетарское направление женского движения не было достаточно широко представлено в силу жесткой политической цензуры, ограничения и недоверия со стороны органов власти, а также определенной позиции партийных комитетов.

В качестве еще одного направления женского движения следует выделить женские общества образованные по национальному признаку.
О.А. Хасбулатова

228

классифицирует их как национал патриотические. Это Союз русских женщин (Санкт-Петербург), кружок русских женщин (Херсон), Армянское женское благотворительное общество (Екатеринодар), Армянское женское благотворительное общество (Пятигорск), Дамское общество помощи бедным евреям (Ставрополь), Майкопское женское армянское благотворительное общество, Грузинский союз равноправия женщин и др. сфера деятельности этих обществ распространялась на

благотворительность, развитие образования, поддержку армии в годы I Мировой войны. Национал-патриотическое направление женского движения функционировало автономно от других направлений, в свою очередь отдельные национальные общества никак не были связаны между собой.

Таким образом, отличия идейных платформ либерально-демократического, социал-демократического и национал-патриотического направлений женского движения носили принципиальный характер и были несовместимы как в концептуальном плане, так и в средствах достижения поставленных целей. Данное обстоятельство существенным образом препятствовало объединению женских обществ в общенациональную организацию²²⁹.

Тем не менее, в своей совокупности деятельность отдельных обществ, и отдельных женщин, Российское женское движение второй половины XIX - начала XX века носило антифеодальную, демократическую направленность, разветвленную типологию, которая позволила интегрировать интересы различных социальных слоев и групп женщин, объединить значительное количество деятельниц женских обществ, сформировать достаточно широкую социальную базу; инициативный характер предпринимаемых действий по защите прав женщин; гибкую тактику во взаимоотношениях с властью, политическими партиями и другими субъектами политики.

Как справедливо отметила О.А. Хасбулатова, оценивая роль женского движения в политической системе пореформенной России, женское движение являлось компонентом этой системы, представляя общественные группы, организации, слои женщин, которые в той или степени участвовали в общественно-политической жизни, социальном контроле политике. Либерально-демократическое и пролетарское направления женского движения выступали в качестве субъекта общественно-политической жизни, воздействуя на эволюцию

государственной политики в отношении женщин. Поэтому есть все основания

230

причислить их к прогрессивным социальным движениям .

Важным итогом женского движения в России второй половины XIX - начала XX вв. стало формирование нового типа российской женщины, которую отличали стремление к полезной общественной деятельности и профессиональному труду, преданность выбранному делу, жажда знаний, инициативность. Необходимость отстаивать свое право на самостоятельное поведение в условиях неготовности общества к повышению социального статуса женщин стимулировала их социальную активность, способствовала раскрытию их духовного и созидательного потенциала.

Сам факт объединения женщин для защиты своих интересов стал реакцией на низкий правовой статус, нежелание властей и общества менять «домостроевские» устои семейных отношений, откликом на потребности новых, зарождающихся социально-экономических отношений. Это был самостоятельный

231

поиск путей самореализации .

§2. Особенности положения женщин Северного Кавказа: горняков, казачек, крестьянок, женщин кочевых народов .

Исследуя заявленную тему, особо следует остановиться на проблемах социального и семейного положения женщин Северного Кавказа. Если в центральной России на правовое и общественное положение женщин в большей степени влияло Российское законодательство и только среди крестьянского населения семейно-правовые и коммуналистические отношения обуславливались главным образом обычным правом.

Северный Кавказ - уникальный регион России, в котором переплелись обычаи, традиции, религии, мировоззрение и миропонимание многих народов. Здесь необходимо рассмотреть правовое пространство,

влияющее на положение женщин в кавказских обществах (кавказских народов) и в обществах русскоязычного населения (крестьян и казаков). При чем, в городах северокавказского региона к началу XX в. все большее влияние оказывает Российское законодательство, в селах, станицах и аулах остается доминирование обычного права и шариата.

В историографии довольно распространено мнение, что былое относительно свободное положение горянки, резко ухудшилось с распространением ислама и

2
3
2

укоренением шариата. Однако, с этим мнением можно не вполне согласиться .

Обычное право в среде кавказского населения (адат) при внешнем сходстве очень разнопланово и разнородно. Среди адыгов под «адатом» понимали своеобразный кодекс чести (признаваемый и моздокскими кабардинцами-христианами), у кочевников - тюрок - доисламские обычаи и пережитки ордынских (яса, джаса) порядков, у вайнахов и дагестанцев - предания и

233

согласованное мнение старейшин . Тем не менее, адаты в том виде, в котором они зафиксированы в XVIII - XIX вв., восходят к патриархальным порядкам, отражают соответствующий социальный строй и семейный быт. Это было время господства мужчины ставшего основным добытчиком жизненных средств и собственником средств производства. Какой бы ни была степень участия женщины в трудовом

2
3
4

процессе в стенах и за стенами дома, она считалась иждивенкой мужчины . Этим объясняется её разительное неравенство с мужчиной в имущественном, наследственном и процессуальном обычном праве.

По словам Я. Смирновой, субъектами правовых отношений являлись лица мужского пола, достигшие совершеннолетнего возраста которым

разрешалось заключать разного рода сделки, вступать в определенные договорные обязательства. При этом, дееспособным мог быть только тот, кто отошел от отцовской власти, не находился под опекой, вел самостоятельное хозяйство. Опека и попечительство устанавливались над детьми, потерявшими обоих родителей; над детьми, потерявшими только отца; над вдовой. При этом опеку над вдовой осуществляли наследники, обязанные содержать её до смерти или до выхода в

235

новое замужество . В последнем случае опекуны получали калым от жениха, так же как и в случае выхода в замужество дочери умершего.

По правовым нормам адата женщина являлась недееспособной и приравнивалась в этом отношении к несовершеннолетнему ребенку. Однако, это не значило, что с женщиной вовсе не считались. Целью опекуна над женщиной не было её так называемое «порабощение», муссировавшееся в советской историографии. Это было связано с особенностями социального устройства и общественной жизни горцев, находящихся в тот период в состоянии непрекращающихся войн, где женщина, как и ребенок - более слабые существа физически нуждались в защите и опеке, что нашло свое отражение в адате.

По словам Ю. Карпова, текст Корана в целом выражает нейтральное отношение к женщинам (хотя акцентирует внимание на их нечистоте), подчеркивая взаимодополняемость полов: «... Он создал для вас из вас самих жен, чтобы вы жили с ними, устроил между вами любовь и милость. - Поистине, в этом - знамение для людей, которые размышляют!». Но в изложении некоторых проповедников он обретал недоброжелательную, а порой и женоненавистническую интерпретацию. Последняя узаконивалась фольклором и должна была восприниматься данностью и истиной²³⁶. Базовым в отношении общества к женщине, в её положении в нем оставался традиционный подход, лишь корректировавшийся методами и формами ислама. Правда, мусульманство наложило более сильный

отпечаток на облик и позицию женщины. Уже в этом следует усматривать роль и значение инокультурных влияний в «женском» вопросе

237

на Кавказе .

Имущественное право горянки охранялось обычным правом, так по адатам осетин «калым (его часть) и жениховый подарок составлял неприкосновенную собственность замужней женщины. Без её согласия муж не имел права ими распоряжаться и если бы он вздумал принудить жену, она может прибегнуть к родственникам своим и просить их защиты», по адатам кумыков: «имущество, принадлежащее жене, неприкосновенно; без её согласия муж не имел права им распоряжаться». Однако, многие исследователи настаивают на факте ущемления имущественных и наследственных прав женщины. По обычному праву все семейное имущество делилось на две части: общесемейное и личное имущество членов семьи. Общесемейными были земля, основная масса скота, сельскохозяйственный двор, жилые постройки, домашний хозяйственный инвентарь транспорт и т. п. В большой семье это равным образом касалось имущества наследственного и благоприобретенного, в том числе приобретенного на сторонние заработки членов семьи. Пользовались им уравниательно. Личное имущество членов семьи приобреталось путем наследования, дарения или находки. Это были, прежде всего, предметы личного пользования: у мужчин - одежда, оружие, нередко также верховой конь с убранством, музыкальные инструменты, подчас несколько голов скота; у женщин - также одежда, украшения, подаренный им скот. Однако женщины имели право на свое приданное, которое состояло из одежды невесты, предметов домашней утвари, а также могло включать скот и деньги, изредка - участок земли. Сюда же относились так называемые

238

сверхприданные вещи, состоящие из подарков жениха и гостей на свадьбе . Казалось бы, что имущество женщины было больше имущества мужчины. Но так обстояло дело только формально. Например, домашняя утварь

фактически поступала в общесемейную собственность, а из приданного женщине оставалась только одежда и украшения. Скотом даже если он был частью приданого,

239

распоряжался глава семьи - мужчина . Кроме того, поскольку скот выпасали мужчины, им шла часть приплода, а то и весь приплод. Главное же состояло в том, что женщина, в отличие от мужчины, не имела доли в общесемейной собственности²⁴⁰. Об этом свидетельствуют семейные выделы и разделы. Как пишет кабардинский исследователь Х.М. Думанов, «в дележе наследственного

241

имущества участвовали только мужчины» . Это была общекавказская обычноеправовая норма. Предполагалось, что невестки должны довольствоваться своим приданым, мать же и дочери переходили на обеспечение отца, а чаще одного из братьев, которым в данном случае давалось что-нибудь из общесемейного имущества. Норма эта была настолько непреложна, что даже в отсутствии прямых наследников - мужчин женщины не наследовали. На всем Северном Кавказе по адатам по пресечении мужского колена в одной из линий какой-либо фамилии недвижимое имущество, не переходя в женское колено, возвращалось в мужское

242

поколение другой линии . Надо отметить, что в XIX в. этого правила придерживались только в тех случаях, где было не желательно дробление земли.

Что касается личных прав женщины, то во всех зафиксированных адатах, говорится, что «жена подчинена мужу, как своему законному господину. Она должна работать на него, сносить безропотно наказания и во всем своем поведении оказывать ему раболепное уважение холопа к вольному»²⁴³. Такое положение вещей Леонтович Ф.И. объясняет обычаем выплаты калыма за жену: «Так как жена приобретает покупкой, а потому

она есть, так сказать, раба мужа и во всем должна повиноваться, быть покорной ему, как своему господину, и быть верной ему до смерти»²⁴⁴. Однако выплату калыма за невесту и покупку раба не следует отождествлять. Адааты и нормы мусульманского права трактовали калым по-разному: адааты - как выкуп родителям невесты, шариат - как дар самой жене. Л.Г. Свечникова выделяет три исторические традиции, сложившиеся при «покупке» невесты: 1) «утренний дар», плата за девственность. Утром, после первой брачной ночи девушке преподносили подарок; 2) до бракосочетания родителям или родственникам невесты выплачивалась компенсация - как за потерю рабочей силы; 3) стороной жениха после бракосочетания и первой брачной ночи выплачивалась

2
4
5

как «компенсация» родителям невесты, так и «утренний дар» ей самой. Как показывают исследования Я.С. Смирновой, у народов Северного Кавказа в результате переплетения обычного права и шариата брачный выкуп разделен на две части. Одна из них поступала родителям невесты (калым), другая (кебин, урдо) - самой невесте²⁴⁶. Размер калыма в разных районах Кавказа колебался. По шариату существовало несколько факторов, влияющих на его размер - это сословная принадлежность девушки, возраст, красота, добронравие, девственность, место

247

жительства и другие обстоятельства. В пореформенный период у кабардинцев за княжну платили от 700 до 1500 рублей, за дворянку - от 400 до 1000 р., за крестьянку - 300 р.²⁴⁸.

Таким образом, выплата калыма не давала права мужу относиться к жене как к рабе. Более того, судя по адаатам «муж ни в коем случае не может своей жены ни продать, ни лишить жизни, даже в том случае, если она окажет неверность», «каждый муж считает для себя высшим оскорблением слышать дурной отзыв о своей жене. Скорее он перенесет наносимую брань его отцу и матери и даже самому себе, чем дозволит

оскорбить свою жену»²⁴⁹. Хотя у народов Кавказа считалось постыдным поднять руку на женщину, серьезные поступки составляли исключение из этого правила. По обычному праву адыгов, кумыков и многих других народов Северного Кавказа, за нарушение супружеской верности мужу не возбранялось убить или покалечить свою жену, хотя возможность мести со

250

стороны родственников жены делало такие поступки нечастыми .

Развод у народов Северного Кавказа в XIX в. регулировался как нормами адата, так и нормами мусульманского права. Многие исследователи полагают, что по адату развод мог быть инициирован только мужчиной. Однако, на наш взгляд, это не совсем так. Мужчине было просто легче получить развод. Жена могла стать инициатором развода, но в этом случае она должна была оставить ему свой калым и все свое имущество²⁵¹, что не всегда было возможным, поскольку в этом случае, она должна была получить согласие родственников вернуть калым. Если мужчина выступал инициатором развода, он должен был ее отпустить со всем принадлежащим ей имуществом и не должен был требовать возврата, выплаченного им калыма. Кроме того, в любом случае развода дети, как сыновья, так и дочери, оставались в доме отца, и мать не имела никакого права требовать их

252

от мужа в дом своих родственников . Это, конечно, было еще одной серьезной причиной для женщины не инициировать развод. У женщины должны были быть серьезные основания для развода, для мужчины достаточным было простое не желание жить с этой женщиной далее. Леонтович Ф.И. указывает следующие причины могущие вызвать инициативу развода со стороны женщины: «Варварское обращение мужа с женой: побои, обжоги, поранения, пытка голодом и холодом и вообще насилия и истязания мужа служат причиной развода, принимаемой судом со времени учреждения окружного управления в основание при решении тяжб по

делам семейным» . По словам М.С. Арсанукаевой согласно шариату, женщина была вправе требовать развода через суд в следующих случаях: при тяжких физических недостатках мужа, жестоком обращении, не выделении достаточных средств на содержание, длительном отсутствии супруга, нанесении тяжких оскорблений, несходства характеров, невыполнении мужем супружеских обязанностей и др.²⁵⁴.

В случае обращения женщины в горский словесный суд, после разбирательства дела суд выносил решения относительно развода и имущественных выплат сторонам. Здесь следует оговорить, что женщина могла обратиться в суд только через поверенного, чаще наиболее уважаемого представителя рода. Это было еще одним пунктом дискриминации женщины.

В качестве примера следует привести дело «О разводе магометанки Асият с её мужем Бица Таубиковым». Первоначально дело было рассмотрено в горском словесном суде в 1865 г., затем передано в Зеленчукский окружной народный суд. В выписке из журнала зеленчукского окружного народного суда читаем: «Находящаяся в замужестве за жителем аула Бересланова Магомета женщина Асият просит законной защиты как по освобождению её от рабства так равно и от насильного брака с неравным ей по летам и по званию мужем Бица Таубиковым»²⁵⁵. Из материалов дела видно, что женщина требовала развода и в качестве причин называла две - неравное происхождение и «неспособность мужа к супружеской жизни»²⁵⁶. Из показаний Асият: «... Я была у матери, от меня постоянно требовали, чтобы я вышла замуж, так как Бицу Таубиков уже заплатил за меня выкуп, я вынуждена была уступить требованиям. Человек этот послаблению своих половых частей, с первого раза не понравился мне, хотя я и

промучилась за ним 3 месяца...» . Далее во время очной ставки выяснилось, что муж Асият теперь был равен с ней по положению, так как его бывший

хозяин отпустил. Тогда Асият стала настаивать на неспособности супруга к выполнению «супружеских обязанностей» и не соответствии её возрасту, и «страсти, которую

258

она испытывала» . Материалы этого дела показывают, что при желании женщина могла все же возбуждать дело о разводе и без всякого стеснения доказывать суду, заметим, в котором состояли одни мужчины, свою правоту в столь щекотливой ситуации.

Ставропольские кочевники, ногайцы и туркмены в изучаемый период исповедывали ислам. Поэтому положение женщин в этих семьях было схожим с горскими с некоторыми отличиями, определявшимися собственными традициями.

По утверждению дореволюционного исследователя ногайцев и туркмен С. Фарфаровского, бракоразводные дела, раздел наследства судились по шариату.

259

Дела эти должны были представляться закавказскому муфтию на заключение . Таким образом, брачно-семейные отношения кочевников регулировались шариатом, в повседневной жизни использовался синтез шариата и обычного права. Брачный возраст невесты у кочевников считался с 12-13 летнего возраста, жениха -15 лет. В больших случаях, чем у горцев у них встречалось многоженство. Указанный автор связывает это с высоким уровнем смертности среди женщин. Некоторые разночтения можно встретить и относительно калыма и имущественного состояния женщин в сравниваемых обществах. Так за невесту, как и у горцев у них платили калым. Однако если невеста была сиротой, и жила у опекунов, калым поступал в ее распоряжение и она, как правило, на свое усмотрение выделяла какую-то часть опекунам. Остальную часть она отдавала мужу. Эта часть составляла её собственность, а по смерти мужа она может взять ее с собой при выходе замуж за другого²⁶⁰. Когда умирала бездетная женщина, имеющая хорошее состояние, то мужу оставалась половина её

имущества, если оставались дети, то имущество делилось следующим образом: 1/6 часть доставалась мужу, остальное - её детям²⁶¹. Несколько иным было положение женщины в повседневном быту. В отличие от горских семей, где вместе жили несколько поколений, у ногайцев и туркмен чаще были семьи большие за счет нескольких жен и их детей. Трудовые роли распределялись по старшинству. Большим уважением пользовались старшие жены, которые мало работали и в основном распоряжались по дому и принимали гостей. Муж советовался с ней по хозяйственным вопросам и при выдаче дочерей замуж. Старшая жена иногда поддерживала разговор с гостями и заменяла хозяина в доме. Младшие жены все время работали и подчинялись мужу и старшей жене.

Многими исследователями подчеркивается, что женщина у ногайцев высоко ценится, а многоженство это только подчеркивает²⁶². «Женщины в обществах кочевников не рассматривались как рабыни, они - полноправные члены и советчицы своих мужей» - писал Фарфаровский²⁶³.

По отношению к обществу, женщина в ногайских и туркменских семьях была в равнозначном положении с другими представительницами северокавказских народов, то есть она не имела права присутствовать на сельских сходах, мужчина был представителем семьи в обществе.

Итак, применительно к положению кавказской мусульманки шариат играл двойственную, но, по видимому в большей степени положительную чем отрицательную роль. В отличие от адатов, шариат формально не требовал изогамии (браков между людьми одного социального статуса), так как согласно Корану все равны перед Богом. Зато мусульманское право запрещало браки мусульман с иноверцами, к чему адаты относились нейтрально. Вопреки адатам, шариат требовал формального согласия на брак, как жениха, так и невесты²⁶⁴.

Шариат сыграл положительную роль в регламентации брачного выкупа: выкуп должен был платиться не семье невесты, а ей самой как ее обеспечение на случай вдовства или развода по инициативе мужа. Однако,

здесь шариатская норма вошла в противоречие с обычноправовым предписанием. В результате почти у всех кавказских мусульман возник компромисс: часть выкупа (калым) выплачивался семье, другая (кебин) - самой невесте²⁶⁵.

Шариат освятил право женщины и на личную собственность (мужчинам - доля из того, что они приобрели, женщинам - доля из того, что они приобрели) и предоставил ей, хотя и ущемленное, право на общесемейную собственность, в том числе и земельную. Шариат допускает разные толкования, но в общих чертах он рассматривает женщину как наследницу в половинной доли, хотя на практике адаты решали не в пользу женщин. В результате чего, женщины из высших сословий нередко возбуждали судебные иски в разделе наследства не по адатам, а по шариату или по законам Российской империи. В результате администрация стала повсеместно предлагать, чтобы сами наследники выбирали тот или другой принцип наследования. Переплетение адатов, шариата и российских законов расширило практику такой компромиссной формы, как маслагат - миролюбивой

266

сделки, соглашения между сторонами .

У части народов региона шариат несколько улучшил положение женщины при разводе. Там, где прежде бракоразводная инициатива женщины вообще не допускалась (например, ингуши), теперь она была юридически разрешена. Упорядочение и расширение имущественных прав женщины почти повсеместно ограничивало бракоразводный произвол мужчины. Муж, отпуская жену без серьезных на то причин, должен был вернуть ей кабин и приданное, что не всегда было для него легко. Кроме того, шариатом был установлен определенный срок (от полугода до года), по истечении которого развод считался окончательным. Это давало инициатору расторжения брака время одуматься под влиянием родни и общины, в принципе осуждавшей распад семьи. Словом, и здесь шариат, не

ставя мужчину и женщину в равное положение, до некоторой степени нивелировал

267

неравенство полов .

Отрицательное воздействие шариата заключалось в том, что он усилил сегрегацию полов. Например, все описания быта адыгов первой половины XIX в. подчеркивали отличие положения черкешенки от положения восточной женщины. «Женщины у черкесов не так ограничены, как у других азиатов» - сообщал Г.-Ю.

268

Клапрот . По словам И.Ф. Бларамберга, «у черкесов женщины не находятся в таком заточении как у других азиатских народов»²⁶⁹. К. Кох утверждал, что

«Женщины у черкесов не отделены так от мужчин, как это принято на Востоке, и

270

они принимают участие во всех празднествах и прочих увеселениях» . Лишь во второй половине XIX в. положение стало меняться под влиянием шариатского движения в Кабарде и активной деятельности мусульманского духовенства. Так, народный кадий Нальчикского округа провел на сходе крестьянских представителей постановление о «воспрещении всем от 10-летнего возраста женщинам появляться на улицах, а также на танцах с обнаженными головами, т.е. без платков, а также воспрещении девушкам во время танца брать мужчин за ладонь рук»²⁷¹.

Женская половина дома была также недоступна мужчинам, как мужская женщинам, выйти на улицу с наступлением темноты можно было только с разрешения старших и в сопровождении кого-нибудь из родственников, не поощрялось и совместное пребывание мужчин и женщин. Покрывала в крестьянском быту были не в ходу, но под влиянием шариата женщина при старших или при посторонних мужчинах теперь чаще прикрывала концом головного убора нижнюю часть лица.

С полным вхождением Кавказа в состав Российской империи регион попадал под имперскую юрисдикцию. Мусульманскому населению предоставлялась возможность руководствоваться шариатом, но не во всех сферах правовой жизни. Уголовные нормы шариата (отсечение руки за воровство, побиеие камнями женщин за прелюбодеяние и т.д.) были заменены российским законодательством. Однако гражданские и брачно-семейные нормы сохранились. Постепенно обычное право вытеснялось шариатом и российскими правовыми нормами, долгое время гражданское судопроизводство велось, совмещая шариат, адаты и российское законодательство.

В славянских семьях большую роль в семейном праве также играло обычное право и существовавшие традиции. Семьи крестьян и казаков также были патриархальными и основывались на буквальном подчинении младших старшему. Крестьянская семья представляла, прежде всего, хозяйственную единицу, поэтому важным вопросом для ее характеристики является рассмотрение организации труда в семье. В малых семьях не было ярко выраженного разделения труда, как в больших, здесь на долю взрослого мужчины выпадали все «мужские», а на долю женщины все «женские» работы. В больших семьях, где было много женатых сыновей, отец и мать брали на себя руководящие функции, в частности свекровь,

272

как правило, уже не работала по дому, а только распоряжалась работой невесток. Свекровь распоряжалась всем домашним бытом, невестки обязательно спрашивали её, что приготовить к завтраку или обеду, можно ли взять что-то из продуктов, заняться тем или иным делом в свободное от основных обязанностей по дому время. Старшая невестка пользовалась большим уважением в семье, она заменяла

273

свекровь в её отсутствие, помогала ей ухаживать за младшими детьми. Существовавшее половозрастное разделение труда определяло положение женщины в крестьянской семье. В сельском хозяйстве мужской труд имел в

целом большее экономическое значение, чем женский. Обременительный труд женщин в домашнем хозяйстве не ценился и считался лишь придатком к основным занятиям - хлебопашеству и скотоводству, которые обеспечивали главным образом состояние семьи. Роль женского труда в сельском хозяйстве была вспомогательной. Если в доме имелось достаточное количество мужчин, в обязанности которых

2
7
4

входило производить основные полевые работы, ухаживать за скотом. Это наложило отпечаток и на взаимоотношения в семьях. Поскольку мужской труд ценился выше, мужчина в доме был самым главным. Тем не менее, патриархальность семейного уклада в крестьянских семьях проявлялась не так очевидно как в горских семьях. В больших семьях власть главы семьи редко носила деспотический характер, не меньшую, а порой даже большую роль в решении семейных вопросов играла мать. У нее часто находились денежные средства семьи, которыми она распоряжалась вместе с отцом. В важных семейных вопросах советовались со старшим сыном, прислушивались к мнению старшей невестки.

Вообще в больших семьях руководила хозяйством и распоряжалась средствами старшая супружеская пара. Своих денег ни у сыновей, ни у снох не было. Заработанные с помощью найма деньги и холостые, и женатые сыновья отдавали отцу (исключение составляли девушки, зарабатывавшие себе на приданое). Женильба сына незначительно изменяла его положение в большой семье, никакой экономической самостоятельности сын не получал. Зачастую в наиболее деспотичных семьях невестки были полностью бесправны в имущественном отношении (за исключением вопросов касающихся приданого). Даже одежду или обувь, купленную мужем из сторонних заработков, свекровь могла отобрать у снохи и отдать своим дочерям.

Приниженное положение женщины в крестьянской семье сказывалось и в порядке наследования. При смерти мужа жена не наследовала ни движимого, ни недвижимого имущества, наследниками считались дети как мужского так и женского пола, а мать просто назначалась сельским обществом опекуном своих детей до совершеннолетия. Причем в качестве опекуна она должна была отчитываться перед обществом о произведенных в хозяйстве расходах²⁷⁶.

Как проявление патриархального быта, бесправия невесток в семье нередко встречалось в северокавказских селах снохачество. В больших семьях случалось, что невестки жили и с деверями, даже имели от них детей. Если об этом узнавал муж, то нередко происходили драки братьев и отца с сыном. Но чаще всего виноватой оставалась женщина. Она оказывалась как бы между трех огней. С одной стороны ей надо было бояться гнева мужа, с другой, если она отказывала свекру, он мог выделить её мужа, из семьи на невыгодных имущественных условиях. Нередко девушка шла сознательно на связь со свекром, чтобы облегчить свое положение в семье. В свою очередь свекровь могла преследовать невестку за «особое внимание свекра». В горских семьях случаи снохачества не встречались благодаря обычаю избегания.

Взаимоотношения в семье между супругами во многом зависели от их склонности и привязанности друг к другу. Во многих семьях браки заключались лишь по разрешению родителей, которые часто смотрели на брак как на чисто экономическую акцию необходимую для успешного ведения хозяйства и

27
7

производства потомства, не считаясь при этом с желаниями своих детей .

Бракоразводного процесса как такового в крестьянских семьях не было. Жена могла уйти от мужа, поскольку она, как правило, не имела имущества, за нее не платили калыма, как в горских обществах. Уходя, она

могла забрать лишь свое приданое. В этом случае уже на следующий год мужа могли обвенчать в церкви с другой женщиной, а жена не могла официально вступить в брак еще пять лет. Однако, несмотря на легкость бракоразводного процесса, разводы были не частыми в крестьянской среде. Поскольку, по каким бы причинам не разводились люди, виновной в глазах общества всегда была женщина. Для родителей было большим позором, если в дом возвращалась дочь, даже если она подвергалась оскорблениям и избиениям в семье мужа, её уничижительно называли «разведенкой» и поскольку женитьба - дело семьи, такую женщину неохотно брали в жены вторично. Кстати сказать, если у горцев считалось позором поднять руку на женщину, в русских семьях муж нередко избивал жену, особенно в пьяном виде и это не осуждалось ни обществом, ни вызывало возмущения со стороны родственников жены.

Семья северокавказского казака также носила патриархальный уклад, но свобода казачек все же была в большей степени очевидна, чем в крестьянском быту и в горских обществах. Литературные классики, побывавшие в то время на Кавказе, так писали о терских казачках: «Эта легкость нравов червленок (гребенские казачки ст. Червленной) странно контрастирует со строгостью русских обычаев и

278

суровостью восточных» ; «На женщину казак смотрит как на орудие своего благосостояния: девке только позволяет гулять, бабу же заставляет с молодости и до глубокой старости работать для себя и смотрит на женщин с восточным требованием покорности и труда. Вследствие такого взгляда женщина, усиленно развиваясь физически, и нравственно, хотя и покоряясь наружно, получает, как вообще на востоке, без сравнения больше чем на западе, влияние и вес в домашнем быту. Удаление её от общественной жизни и привычка к мужской тяжелой работе дают ей тем больший вес и силу в домашнем быту. Казак при посторонних считает неприличным ласково или праздно говорить со своей бабой и невольно чувствует её

превосходство, оставаясь с ней с глазу на глаз. Весь дом, все хозяйство приобретено ею и держится только её трудами и заботами. Хотя он твердо убежден, что труд постыден для казака и приличен только работнику-ногайцу и женщине, он смутно чувствует, что все, чем он пользуется и называет своим, есть произведение этого труда и что во власти женщины, матери или жены, которую он считает своею холопкой, лишить его всего, чем он пользуется. Кроме того, постоянный мужской, тяжелый труд и заботы, переданные ей на руки, дали особенно самостоятельный, мужественный характер гребенской женщине и поразительно развили в ней физическую силу, здравый смысл, решительность и стойкость характера. Женщины большей частью и сильнее, и умнее, и развитее, и красивее казаков»²⁷⁹.

Судьба кубанских казачек мало чем отличалась от терских, их быт тоже определялся постоянным отсутствием мужа, на военных действиях. В отличие от крестьянок и горянок, где работа делилась на «мужскую» и «женскую», казачке доставалась вся работа и в поле и на подворье. Ф.А. Щербина писал: «...старикки были большей частью калеками и больными от ран и многотрудной службы, дети малы, молодежи недостаточно - и вся тяжесть мирной жизни ложилась на женщин. Казачка той поры представляла своего рода идеал человека, не падавшего духом под самыми жестокими ударами сурового казачьего рока. С верною тревогою в сердце за жизнь мужа, детей, братьев, служивших на линии, она, эта казачка, творила собственно экономический быт, вела хозяйство, покоила стариков, руководила подростками, воспитывала детей и вообще заботилась об устройении уютного уголка, который рисовался радужными и светлыми красками в мыслях

казака среди военных бурь и треволнений» .

Авторы произведений писавших о казачках подчеркивали её решительность и самостоятельность: «Черноморка, по народным понятиям, представляла собой властную защитницу семейного очага, умеющую постоять за себя и своих близких и ставящую выше всего интересы собственной семьи. Выпавшая на её долю исключительная роль в строительстве семейной и бытовой обстановки делала её решительной и самостоятельной. Одним словом, в семье и хозяйстве казачка

281

вполне заменяла собой казака» .

Все приведенные факты касаются быта казачек, соответствуют периоду Кавказской войны. По её окончании (1864 г.), внутренний семейный быт постепенно несколько изменился. Но предыдущая эпоха оставила отпечаток на внутрисемейных взаимоотношениях, которые где-то даже в положительном смысле отразились на положении женщины в казачьих семьях.

Казачий семейный быт и положение в нем женщины определялся, как и в крестьянских семьях, количеством членов семьи. Для 60-80 -х гг. XIX в.

характерно преобладание больших семей, в которых жило по несколько поколений людей. Положение женщины в казачьих обществах зависело от того, в какой она семье жила (большой или малой) и какую социальную роль выполняла (свекровь, дочь, сноха). Как и в крестьянских и горских семьях, в казачьих в самом

282

неблагоприятном положении оказывалась младшая в семье сноха . Старшая сноха помогала свекрови по дому и была её заместительницей.

В имущественном отношении казачка в большой семье оказывалась в равнозначном положении с крестьянкой. Её имущество состояло из приданого и личных даров, в отличие от горянок, у которых, по шариату в собственности иногда имелась еще и часть калыма (кебин). Все обычно-правовые нормы казаков были взяты от русских староверов (Терские),

потомками которых большая часть казаков и была. Влияние Запорожской Сечи наблюдалось у Кубанских казаков. По свидетельству краеведа Малявкина Г., у гребенцов, если девушка уходила в более бедную семью, ей приданое отдавали не все. Часть его оставляли в роду отца девушки, как своего рода гарантию для нее и её детей на материальное обеспечение

283

в будущем, если брак окажется экономически неудачным .

Вероятно, здесь есть горское влияние, так как подобная практика встречается у горских народов.

По обычно-правовым нормам в наследственном праве после смерти мужа вдове выделяли её имущество и 1/7 часть пая земли, после чего она могла вторично

выйти замуж. Малолетним детям умершего назначался опекун, часто опекуном

284

назначали отчима , в отличие от крестьян, где опекуном назначалась мать, до совершеннолетия сыновей и выдачи дочери замуж. По мнению Акоевой Н.Б., женщина, ставшая вдовой могла вернуться в дом отца, могла остаться в семье мужа или выделиться в свое хозяйство. При этом надо было спросить разрешения у свекра, как старшего в семье. Если согласия получено не было, вдова все равно уходила из семьи и обращалась в станичный суд с просьбой вернуть её имущество. В случае согласия свекра, он отдавал невестке её приданное, часть имущества,

285

иногда покупал хату . Утверждение о том, что вдова могла выделиться в отдельное хозяйство, представляется весьма спорным, поскольку ведение хозяйства было довольно сложным делом, не зря наиболее богатые семьи, были, как правило, большими. Другое дело, что как уже было сказано вдове казака кроме её приданого полагалась 1/7 часть земли и она могла на нее претендовать, но это совсем не значило, что казачка на этом клочке земли могла бы вести самостоятельное хозяйство. Она могла выйти вновь замуж и прибавить к хозяйству нового супруга свой надел, могла перейти с ним в хозяйство своих родителей, могла остаться в семье мужа, если были дети или сложились хорошие отношения с семьей умершего мужа.

Пережитками домостроевской эпохи можно считать то, что в отличие от горца, казак имел право «поднять руку» на жену (женщину) и детей (считалось, что плеть необходима для коня и для порядка в семье и государстве), хотя «спокойное» поведение в семье во все времена и у всех народов считалось более

предпочтительным, чем так называемое «боевое» с драками и выяснением отношений .

286

В целом, если характеризовать положение казачки в семье и обществе, складывалась парадоксальная ситуация. С одной стороны самостоятельность, уважение, достойное положение, заслуженно «заработанное» казачкой своей неустанной работой в хозяйстве, воспитанием детей, смелостью, готовностью выступать с мужем в поход. С другой - бесправие «отодвинутость» казачки (в разных возрастах по разному) на вторые роли, невозможность участвовать с правом решающего голоса в принятии важных вопросов общественной значимости. В домашних делах жена имела немалый вес, но главой и вершителем семейных

287

судеб был отец .

Следует отметить, что все вышеописанные законы и обычаи действовали в основном в селах, станицах и аулах Северного Кавказа. В конце XIX в. растет количество населения в городах и многие недавние станичники, и сельчане перебираются в город. Городская культура все больше проникала и в сельские местности. Это проявлялось не только в трансформации материальной и духовной культуры, но и влияло на изменение взаимоотношения полов в сторону повышения социальной активности и, как следствие, социального статуса женщин. Более свободными стали внутрисемейные отношения. Малые семьи, приходили на смену большим и состояли из родителей и их неженатых детей. В малых семьях, где жена, хотя и находилась в подчинении мужа, чувствовала себя

равноправной хозяйкой в доме, пользовалась большей свободой и самостоятельностью. В это время стало все заметнее стремление казачек и крестьянок «выучиться грамоте», как тогда говорили, женщины все активнее посещают учреждения внешкольного образования (вечерние и воскресные школы, библиотеки, выставки и т.п.). В конце XIX начале XX в. больше стало возможности среди зажиточных крестьян дать своим дочерям среднее гимназическое образование. Многие казачки обучались в учебных заведениях за счет войска. Нередко их дочери становились учительницами в школах сел, проводили различные мероприятия по просвещению бывших односельчан (об этом речь пойдет в следующих главах).

Итак, несмотря на распространение российского законодательства на всех жителей, проживавших на территории Северного Кавказа в 60-е гг. XIX в., вся вторая половина XIX в. проходила в сложной борьбе двух тенденций - обычного права и российского законодательства. В результате народами Северного Кавказа был найден определенный компромисс: формально подчиняясь общегражданскому законодательству, системе прав и обязанностей и ответственности они сохранили свои прежние правовые институты.

Обычноправовые нормы жителей Северного Кавказа имели свои давние корни и основывались на патриархальности общественного и семейного быта. Многие традиции перекликались и переходили из одних обществ в другие (от горцев к казакам, от крестьянства к казачеству). На положение женщин горских народов к концу изучаемого периода все большее влияние оказывал ислам, тем не менее, неправомерно говорить, что горские женщины изучаемого периода были «забитыми» и «бесправными». На семейный уклад горцев также влияли многочисленные общественные факторы, послужившие причиной выступления в печати горских женщин в начале XX в. против многих традиций уничижающих, по их мнению, достоинство женщины (например, против калыма). Трансформация семейно-правовых отношений у казаков и крестьян в конце

изучаемого периода, связана как с усилением товарно-денежных отношений, втягиванием Северного Кавказа в общероссийский рынок, приведшего к распаду больших традиционно патриархальных семей, так и с влиянием городской культуры, что в свою очередь привело к возрастанию социальной роли женщин. В таких семьях муж и жена при решении семейных вопросов часто были на равных, в отдельных случаях женщина могла стать фактически главой семьи.

Итак, анализ источников и литературы позволяет сделать следующие выводы. Под влиянием общественно-демократического движения в пореформенной России сформировалось женское движение. Его возникновение и развитие было вызвано рядом факторов социального характера.

Российское женское движение, берет свое начало в годы реформ 1859-61 г. как часть русского общественного движения эпохи падения крепостного права. Его специфика была обусловлена особенностями русского исторического развития. Требование политических и гражданских свобод, присущее женскому движению на Западе, в условиях самодержавной России являлось лозунгом общедемократического движения. В это время женское движение в России развивалось преимущественно в элитной среде, носило в целом прозападный характер и являлось разновидностью феминизма. Однако, большое влияние на общество демократической печати «Колокол», «Современник», «Русское слово», «Искра», а позднее - «Отечественные записки», «Дело», народофильские нелегальные издания и др., а также близость многих деятельниц женского движения к революционным кругам, приносили в него элементы утопического социализма. Требования политического равноправия женщин появились только во время революции 1905-1907 г. В начале XX в. Российское женское движение претерпевало значительные

изменения. Прежде всего, оно вышло за рамки элитной среды и представляло интересы женщин всех сословий.

Первоначально деятельность женского движения была направлена на то, чтобы добиться разрешения от правительства получения женщинами образования и возможности его реализации через профессиональную деятельность. Реформы в области образования способствовали созданию целостной системы женского образования в России в досоветский период. Женское образование в изучаемый период развивалось по трем основным направлениям - среднее, специальное и высшее.

Женское начальное образование не получило должного развития. В низших (начальных) учебных заведениях обучались в основном дети обоего пола, родителей низших сословий. Начальные школы находились в ведомстве Министерства народного просвещения, или духовном ведомстве и содержались за счет местных обществ и земств.

Женские средние учебные заведения (гимназии, прогимназии, Мариинские училища и институты) находились в ведомстве Императрицы Марии или Министерства народного просвещения. Епархиальные женские училища также относились к средним учебным заведениям и подчинялись Духовному ведомству. Женские средние учебные заведения существовали в основном на средства Ведомства императрицы Марии, городов, благотворительных обществ, в том числе и женских, на пожертвования частных благотворителей. Только в конце XIX - начале XX в. когда изменилась концепция женского образования, было объявлено о сближении программ курса мужских и женских учебных заведений правительство все больше стало заботиться о финансировании наряду с мужскими, женских средних учебных заведений.

Женское профессиональное образование получило возможность для своего развития только в конце XIX - начале XX в., благодаря активной деятельности многих общественных организаций, ставивших цель - развитие женского профессионального образования (Общество содействия

развитию женского сельскохозяйственного образования, Лига равноправия женщин и др.)

Высшее образование в России стало доступно женщинам в 1870-е гг., во многом благодаря активной деятельности женщин - участниц российского женского движения. Однако, первые высшие женские учебные заведения основывались исключительно по частной инициативе и содержались за счет средств частных пожертвований, благотворительных обществ, высокой оплаты за право учения и филантропической деятельности многих преподавателей высших мужских учебных заведений, безвозмездно читавших лекции первым русским женщинам - студенткам. Высшее женское образование так и не стало обязанностью государства, в количественном отношении женские учебные заведения явно уступали мужским.

Развитие женского образования шло медленными темпами, и стало возможным во многом благодаря российскому женскому движению и созданным в его рамках женским обществам, которые брали на себя устройство и финансирование женских учебных заведений, устраивали бесплатные занятия для женщины низших сословий и др. Они многое сделали для того, чтобы подготовить общество к тому, чтобы оно научилось воспринимать женщину как социально значимую личность, как рядового члена российского общества.

Одной из задач женского движения было повышение правового статуса женщины в российском обществе. Низкий правовой статус женщины в России, был отражен как в Российском законодательстве, так и в обычном праве российских крестьян и казаков, адатах горских и кочевых народов, семейных и общественных традициях жителей Российской империи. В основе традиционного семейного права XIX в. - начала XX в. и Российского законодательства лежал принцип главенства мужчины в семье и личной подчиненности замужней женщины мужу, незамужней - родителям, опекунам, родственникам. Между тем, российское семейное

право, основывалось на традиционном понимании мужчины как основного содержателя семьи, что несколько не соответствовало существовавшей действительности. Многие женщины в указанный период, работали, стремились помочь мужу в обеспечении семьи. Получив право на относительную экономическую самостоятельность, логика вещей требовала личного освобождения женщин в Российском праве. Однако, несмотря на то, что российскими правоведами было написано множество статей о правомерности постановки указанной проблемы, были внесены некоторые поправки в пользу «освобождения» женщин, основные принципы главенства мужа над женой оставались незыблемыми.

Кроме того, всеобщая правовая безграмотность, сопряженная с низким уровнем грамотности большинства жителей Российской Империи не благоприятствовала эмансипации женщин непривилегированных сословий и не способствовала изменению гендерного традиционализма в казачьих, крестьянских, горских, кочевых народах обществах.

В силу ряда факторов социально-политического характера традиции женского движения слабо трансформировались в социальное поведение всего женского населения. Этому процессу препятствовали консервативно-патриархальный тип государственной политики по женскому вопросу; отсутствие демократических прав и свобод; низкий правовой статус женщин; неграмотность, политическая пассивность основной части женщин низших сословий; сложившиеся гендерные стереотипы в российском обществе; отсутствие действенного механизма взаимодействия различных общественных движений.

В целом же Российское женское движение, зародившееся в рамках общественно-демократического движения 50-х - 60-х гг. XIX в. имело большой резонанс в обществе и способствовало самоорганизации женщин всех слоев общества к активной и полезной деятельности направленной на стремление улучшить свое социально-правовое положение в условия традиционного патриархального российского общества.

Глава 2. Женское образование на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в.

§1. Развитие начального образования

60-е г. XIX в. явились переломным моментом во всех сферах социальной и политической жизни России, в том числе и в области образования. Передовая общественность выступала за преобразование школы, её демократизацию и освобождение от полицейской опеки, за развитие просвещения в стране для всех сословий. Реформа в этой области способствовала созданию разветвленной и достаточно стройной системы общего образования²⁸⁸.

В 60-е г. XIX в. встал вопрос не только о расширении народной школы, но и о всеобщем начальном образовании. В 1864 г. царское правительство утверждает «Положение о начальных народных училищах», в котором определена главная цель - «Начальные народные училища имеют целью утверждать в народе религиозные и нравственные понятия, распространять первоначально полезные знания»²⁸⁹. В этом же документе давалась характеристика начальным народным училищам: «К начальным народным училищам относились: 1) ведомства Министерства народного просвещения (МНП): а) приходские училища в городах, посадах, селах, содержимые на счет местных обществ и частью на счет казны и пожертвований частных лиц, и б) народные училища, учреждаемые и содержимые частными лицами разного звания; 2) ведомства Министерств государственных имуществ, внутренних дел, удельного и горного: сельские училища разных наименований, содержимые на счет общественных сумм; 3) ведомства духовного: церковноприходские училища, открываемые православным духовенством в городах, посадах, селах, с пособием и без пособия казны, местных обществ и частных лиц; 4) все вообще воскресные школы, учреждаемые как правительством, так и обществами, городскими и сельскими, и частными лицами для образования лиц ремесленного и рабочего сословий обоего пола, не имеющих возможности

пользоваться ученьем ежемесячно» .

В этом же документе, в пункте 7, определяется, что «В начальных народных училищах могут обучаться дети обоего пола там, где не представляется возможности иметь отдельные училища мужские и женские. Воскресные же школы

291

учреждаются исключительно для учащихся одного пола» . В пункте 6 говорится о том, что в эти училища могли приниматься дети всех состояний, без различия

292

вероисповедания .

Таким образом, начальное образование подчинялось нескольким ведомствам (Министерству государственных имуществ; Министерству двора; Министерству внутренних дел; Св. Синоду (больше половины всех училищ); Министерству

2
9
3

народного просвещения (на него приходилось около 20% училищ) , что затрудняет возможность статистически проследить количество учебных заведений и дать наиболее точный анализ их количественного роста на Северном Кавказе. Согласно этому «положению», обучаться в начальных школах беспрепятственно могли все дети, без различия вероисповедания, национальности и пола, что особенно важно для становления и развития женского образования.

Отмена крепостного права вызвала необходимость открытия школ для всех слоев населения: крестьян и помещиков, городских жителей. Стала очевидной несправедливость сословной политики в области образования, ограничений в области женского образования. По данным за 1896 г. в министерских и земских школах Российской империи обучалось 4,5 млн. детей, а в школах Синода - 1 млн.

^ "294

детей .

По сведениям С.В. Рождественского в России действовали следующие типы начальных учебных заведений: 94% составляли одноклассные училища с курсом обучения 1-3 года (приходские училища МНП, земств, церковно-приходские школы и школы грамоты), 4% - двухклассные с курсом 4-5 лет (уездные, министерские образцовые училища, церковно-приходские школы); 2% -

295

многоклассные с курсом 6 лет (городские) . В 1911 г. однодневная перепись начальных школ империи зарегистрировала 100196 школ, из которых к ведомству МНП относилось 59685 (59,6%), к ведомству Святейшего Синода - 37820 (37,7%), к прочим ведомствам - 2691 (2,7%). К общему числу школ МНП необходимо присоединить 992 городских училища, относившихся по типу к «низшей» (начальной) школе и действовавших по положению от 31 мая 1872 г.²⁹⁶ Учебный процесс того времени не укладывался в рамки современных представлений: класс состоял из 2-3 отделений, в зависимости от уровня подготовки. Зачастую, на все отделения приходился 1 учитель. Одноклассные школы по штату имели 1 преподавателя. Количество учеников - 70-80 чел. В этих условиях даже

2
9
7

применение прогрессивных методов преподавания давало малый эффект .

Согласно результатам исследования Е.К. Сысоевой, заметные качественные сдвиги в школьной практике наметились во второй половине 90-х гг. XIX в., когда увеличились земские ассигнования, укрепилась материальная база школ, сложились квалифицированные кадры учителей, появилась новая учебно-методическая литература, расширилась программа обучения, стали обсуждаться меры по введению всеобщего начального обучения. К этому времени стало очевидным, что лучшим типом школы была трехгодичная земская, основанная на принципах светской системы образования. Обучение грамоте осуществлялось не только по церковным

книгам, но и по учебникам Ушинского, Корфа и др. Методом разъяснительного чтения ученикам сообщались сведения из различных областей знания - истории, географии, естествознания. В результате деятельности пореформенной школы повысилась грамотность населения. К концу века доля

2
9
8

грамотных занимала 21%. В городах грамотная молодежь составляла 40%

Во второй половине XIX в., с окончанием Кавказской войны, Северный Кавказ постепенно начал втягивается в общероссийскую политическую, экономическую и культурную систему Российской империи. Выделился Кавказский учебный округ. Постепенно стала строится новая система народного образования на Северном Кавказе, правительство все больше начало ассигновать специальные средства для этого. На Северный Кавказ стали направлять служить педагогов из столицы.

Под влиянием ряда факторов экономического и политического характера правительство активизировало свою деятельность в области народного образования на Кавказе в начале 60-х г. XIX в. Сложившаяся в регионе школьная система не соответствовала требованиям времени. Архаичная структура народного образования тормозила его дальнейшее развитие, диктовавшее идеологическими задачами правительства в области национальной политики после завершения Кавказской войны. Мощным фактором, повлиявшим на усовершенствование кавказской школы, стали начавшиеся широкомасштабные преобразования в России, в первую очередь реформы школьной системы образования.

Пакет реформ для отдельных регионов должен был разрабатываться совместными усилиями центральной власти и местных органов, представлявших в распоряжение Министерства и Государственного совета

необходимые материалы, рекомендации и собственные варианты проектов. Таким образом, планировалась разработка школьной реформы и на Кавказе, для которого 60-е гг. стали переломными в развитии народного образования.

В начале 60-х ^ХТХ в. баланс трех ведомств, вовлеченных в дело народного образования на Северном Кавказе - гражданского (учебной администрации), военного и духовного был существенно поколеблен. Вследствие реформы А.И. Барятинского, упразднившей Кавказский учебный округ и передававшей управление школами в руки местных губернаторов и военных начальников, руководящая роль гражданского ведомства в делах учебных заведений практически свелась к нулю. Вновь образованные дирекции попадали под юрисдикцию военных властей. В результате, как писал новый наместник управляющему Кавказским комитетом, учебная часть, «слитая в общую массу полицейских учреждений, занимая в среде их второстепенное место, утратила свое значение». Этим объяснялся упадок некоторых из важнейших учебных заведений в крае и постоянный недостаток в учителях»²⁹⁹. Бесчисленные проблемы кавказской школы требовали безотлагательного решения. Назначенный 6 декабря 1862 г. на пост кавказского наместника и главнокомандующего Кавказской армией великий князь Михаил

Николаевич ознакомился с состоянием учебного дела в крае и счел необходимым, прежде всего, усилить свою администрацию специалистами, близко знакомыми с местными условиями и способными помочь правительству. Поэтому он добился назначения 29 июня 1863 г. начальника главного управления наместничества барона А.П. Николаи, который уже был попечителем Кавказского учебного округа в 1852-1860 гг., на должность главного инспектора учебных заведений на Кавказе и за Кавказом³⁰⁰. Наместник пригласил директора Лазаревского института Восточных языков в Москве Я.М. Неверова, авторитетного педагога и

опытного администратора, служившего в крае - он являлся директором Ставропольской

30
1

гимназии в 1850-1861 г. Я. М. Неверов получил назначение 3 мая 1864 г .

Новые администраторы сразу же приступили к составлению проекта положения об учебной части, «который, руководствуясь общими, определенными законами для Империи началами, предоставлял бы краю возможность удовлетворять его частным местным потребностям». Вместе с положением вырабатывался и план устройства администрации, «долженствовавшей войти в общее положение о главном управлении наместника Кавказского»³⁰². Ответственность за выполнение этих задач легла прежде всего на плечи главного инспектора.

Неверов, прежде чем начать работу, объездил все районы, где имелись школы. После подробного осмотра учебных заведений Кавказа, главный инспектор приехал в Тифлис 26 сентября 1864 г. «Первым делом его было составление

канцелярии и прием дел от разных ведомств и лиц, заведовавших до того учебной

303

частью» . Под начало главного управления наместника постепенно переходили все учебные заведения, до реформы подведомственные округу³⁰⁴. Собрав материалы о школах действовавших на Кавказе Неверов издал ряд правил по упорядочению работы этих школ. 16 мая 1863 г. наместник утвердил «Правила о приходских школах ведомства Общества восстановления православного христианства на Кавказе», согласно которым во всех горских приходах (христианских) учреждались одноклассные и двухклассные школы.

Предполагалось каждые два-три года переносить школы из аула в аул, чтобы «наибольшее число горских детей могло получить достаточно полное первоначальное образование.. .»³⁰⁵.

Управляющий делами комитета Общества граф Левашов писал 17 июня 1863 г. начальнику Терской области: «... Доселе почти все внимание было сосредоточено на так называемых ученых школах, тогда как гораздо большей заботливости требовали школы сельские как потому, что в этих школах нуждается гораздо большее число поселян, так и потому, что школы эти могли сделаться

306

ближайшими проводниками твердых и основательных начал гражданской и духовной жизни» .

Общество восстановления православного христианства на Кавказе разработало специальную систему обучения детей. В правилах Общества говорилось: «Обучение в приходских школах русской грамоте производится после

307

изучения природной грамоты» . Члены Общества занимались составлением азбук, учебников, переводом церковных книг на языки народностей Кавказа. Эта работа приносила ощутимые результаты. Чтобы привлечь к своим школам интерес жителей Общество приняло решение не взимать с детей местного населения плату за обучение³⁰⁸. Активная деятельность этого общества по расширению сети школ привела к тому, что уже в 1864 г. в подведомственных ему приходских учебных заведениях насчитывалось 964 учащихся, а в других кавказских школах состояло 127 пансионеров Общества из горских детей. По данным православного ведомства, начиная с 1864 г. ежегодное число школ Общества составляло не менее 35-ти³⁰⁹.

Школы Общества восстановления христианства на Кавказе составляли главную конкуренцию мусульманским начальным школам и находились в явном преимуществе в учебно-педагогическом плане.

Однако, местные жители Кавказа все больше ориентировались на традиционные школы. Правительству приходилось привлекать жителей Кавказа, организуя так называемые русско-мусульманские школы. По

словам исследователя народного образования в России Н.В. Чехова, мусульманские школы являлись

«соперницами тех русско-мусульманских школ, которые уже давно правительство стало заводить...»³¹⁰. Численность государственных учебных заведений для мусульман неуклонно росло. Представители кочующих народов традиционно обучались в мусульманских школах. Почти при каждой мечети была школа, в которой обучались мальчики и девочки. Мусульманские школы были двух видов -мектебе и медресе. Мектебе - это школы грамоты, организуемые либо в доме учителя, либо в кибитках - во время кочевья (у ногайцев, туркмен и др.), медресе -это школы при мечети. В туркменском приставстве, по данным на 1903 г. было 37 таких школ, где обучалось 600 чел, из которых 451 мальчик и 149 девочек, на 18

311

тыс. чел. Правительственных школ в мусульманских районах было не много, например, в указанном районе было всего 3 школы МНП. Женских начальных учебных заведений для мусульманок на Северном Кавказе не выявлено.

В Осетии открытие первой женской начальной осетинской школы связано с именем осетинского просветителя, общественного деятеля, священника Аксо Колиева. Он был одним из первых осетин, блестяще окончивших Тифлисскую духовную семинарию. Вернувшись домой начал активную деятельность по

312

просвещению осетинского народа . Аксо Колиев был одним из первых кто понял и оценил необходимость женского образования, подчеркнул то влияние, которое оказывает женщина в семье и обществе. В 1862 г. им была открыта первая осетинская школа для девочек-осетинок. В июне 1862 г. экзарх Грузии сообщал комитету Общества восстановления православного христианства на Кавказе: «Управляющий осетинскими приходами архимандрит Иосиф от 21 истекшего мая за № 138 доносит мне, что 10 числа того месяца священник Владикавказского осетинского прихода

Алексей Колиев при молебствии господу Богу с водоосвящением, открыл в собственном доме школу для девиц-осетинок, в

313

которую на первый раз поступило 18 учениц»³¹³. Несколько лет о. Алексей (Аксо Колиев) самостоятельно преподавал ученицам все предметы, сам приобретал для школы учебные пособия, вербовал учениц до тех пор, пока не заинтересовалось и не признало школу Общество восстановления православного христианства на

Кавказе. Оно сделало эту школу трехклассным училищем, начало отпускать ежегодно на её содержание 8 тыс. рублей, смотря на неё как на «рассадник» в Осетии русской культуры³¹⁴. В 1866 г., после смерти Колиева женская школа была передана в ведение Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Она была преобразована в школу с пансионом и названа в честь великой

315

княгини Ольги Федоровны - Ольгинской . Впоследствии, эта школа из начальной

выросла в среднюю, а в 1916 г. - преобразована в женскую учительскую

316

семинарию .

Примечательно, что духовные власти раньше светских осознали необходимость женского образования на Северном Кавказе. Церковно-приходские школы, в основном, были смешанного типа, но при каждом женском монастыре открывалась начальная школа для девочек. Большой популярностью пользовалась женская школа в Кубанской области при Марие-Магдалинской Черноморской женской пустыни. Посетив в 1861 г. монастырскую школу, наказной атаман Иванов Н. А. в своем письме настоятельнице Митрофании писал: «. без всякого сомнения, одно из первых мест может занимать женская Мариинская общежительная пустынь, с воспитательным при ней заведением - образуя благочестивых жен, для простого домашнего быта, удаляющего раздор, приносящего отраду, заведение это,

проливающее истинный свет скромного образования на 200 питомиц.
поставлено

3
1
7

высоко. в смысле понимания женщины-матери, достойной этого имени» .

При Свято-Троицком женском монастыре в Терской области в первые два года существования обители на средства устроительницы монастыря Екатерины

318

Алексеевны Хомяковой была открыта школа-приют для 40 сирот женского пола . Кроме основных общеобразовательных и церковных дисциплин девочкам в этой школе преподавали ремесла, преимущественно вязание чулок на вязальных машинах, бесплатно переданных общине Министерством торговли и промышленности. «Вязанию детей обучает особая инструктор, получающая содержание из того же министерства. В 1915 г. общине из государственного бюджета для расширения имеющегося приюта для детей погибших воинов было выделено 10 тыс. рублей. С этого времени приют вырос с 40 до 150 воспитанниц. «Помимо школьного обучения, всех детей приучают к ручному труду, а теперь, по окончании курса начальной школы будут переводить в открытую художественно-ремесленную школу», - сообщалось в епархиальном журнале³¹⁹. Женские начальные школы при монастырях имели огромное значение, поскольку они не только давали знания по основным предметам школьного курса, но и обучали ремеслу, что в тех исторических условиях было необходимо.

Женское начальное образование развивалось почти параллельно с мужским, поскольку девочкам не воспрещалось посещать начальные школы. Однако, большая часть населения того времени, независимо от национальности и вероисповедания, считала, что девочке образование не обязательно, а в некоторых случаях даже губительно. Тем не менее, начиная с 60-х гг. XIX в., можно говорить о начале повсеместного женского начального образования на Северном Кавказе.

В 70-80 -х гг. XIX в. все увеличивается количество открываемых начальных учебных заведений. Они, как и по всей России, были женскими, мужскими и смешанными (для детей обоего пола). Несмотря на то, что активная работа по развитию образования на Северном Кавказе начинается с конца 50-х г. XIX в., в конце 70-х г. XIX в., оно было доступно еще далеко не всем. В Обзоре Ставропольской губернии за 1878 г. подчеркивалось, что образование находится в «начинательном периоде» и, что дальнейшее его развитие достижимо только в будущем. Всех учебных заведений в губернии, средних и низших было, 132. В них обучались 5481 юноша и 1801 «девица», во многих селах губернии вовсе не было школ, 1 школа приходилась на 3650 детей школьного возраста обоего пола, причем, в Ставрополе учащихся мужского пола - 1528, женского - 1004; в заштатном городе Св. Креста имелась 1 школа, в которой обучалось 60 мальчиков; в уездах

32
0

107 учебных заведений с 3893 учащихся мужского пола и 827 женского . То есть, средние учебные заведения на тот период находились только в Ставрополе, в остальных селах и городе были только начальные учебные заведения, в которых девочек обучалось мало.

По отчету о состоянии начальных училищ Терской дирекции за 1884 г, всего было указано 11 женских начальных училищ с 542 ученицами (по 3 армянским женским школам нет данных о количестве учениц). В 72 начальных училищах для

321

детей обоего пола обучалось 848 девочек (для сравнения, мальчиков - 3509 чел) . Согласно отчету начальника Терской области в 1896 г., женских учебных заведений в Терской области насчитывалось 12, 2 из них - средних и 10 низших. Мужских - низших - 235 (здесь же и смешанные), ремесленных училищ - 12, средних - 4. Учащихся в низших школах обучалось всего - мужского пола - 11895 - в 1895 и

12134 в 1896 г., растет и количество учениц - в 1895 - 2712 и 12134 в 1896-м г. В Ставропольской епархии (Ставропольской губернии и Кубанской области) в 1888/89 уч. г. было 4459 учеников, в том числе мальчиков 3640, девочек 829. В тот же год учащихся в училищах МНП и других ведомствах было: в Ставропольской губернии 8690 мальчиков и девочек, в Кубанской области 16290 мальчиков и девочек. Всего в Ставропольской губернии обучалось в этих учебных заведениях 1538 мальчиков и 348 девочек, в Кубанской области 2102 мальчика и 481

323

девочка . В Ставропольской губернии и Кубанской области к началу 1896-1897 уч. года было 2 двухклассные церковно-приходские школы, 235 одноклассных церковно-приходских школ, 278 школ грамоты, всего 515 церковных школ. Начальных народных училищ МНП и других ведомств Ставропольской епархии - 512. В Ставропольской губернии было 255 народных училищ, из них «нормальных» 184, вечерних и воскресных 71, учащихся в этих училищах было мужского пола - 9804 и женского пола 2561, а всего 12365. Означенные училища в губернии распределились следующим образом: в г. Ставрополе нормальных (дневных) - 21; вечерних и воскресных - 3, в них учащихся 1286 мужского пола и 535 женского пола. В Ставропольском уезде училищ нормальных - 39 и вечерних и воскресных - 8, в них училось 1106 лиц мужского пола и 302 - женского. В Александровском уезде нормальных училищ - 35, воскресных и вечерних - 20. Из них 2165 мужского пола и 498 женского пола. В Медвеженском уезде 46 нормальных и воскресных, с 2165 учащимися мужского пола, и 525 женского пола.

На территории кочующих народов 4 училища нормальных с 79 учащимися мужского пола и 79 женского. Общее число детей, обучавшихся в отчетном году в начальных школах епархии достигало до 55575 душ обоего пола, из которых 43853 мальчиков и 11722 девочек. Из этого числа в церковных

школах обучалось 18234 души обоего пола, а именно: в одноклассных церковно-приходских школах 10889 обоего пола из них 8198 мальчиков и 2691 девочек; в школах грамоты 7345 душ обоего пола - 5637 мальчиков и 1708 девочек, в начальных народных училищах других ведомств обучалось 37341 душа обоего пола, а именно 30018 мальчиков и 7323 девочки. Из 515 церковно-приходских школы было: а) смешанных 357, исключительно для мальчиков 128, исключительно для девочек - 30. Число детей, остававшихся вне начальной школы, по сведениям, доставленным отделениями Совета, в отчетном году было 17911 душ обоего пола, из них - 14950 мальчиков и 2961 девочка³²⁴.

По данным Ставропольского губернатора, в 1897 г. в Ставропольской губернии была 581 школа, из них со средним образовательным курсом - 6, четырехклассная - 1, трехклассная ремесленная - 1 и шестиклассная - 1, двухклассных сельских школ было - 8, одноклассных городских - и сельских - 288, начальных - 123, частных - 10.

Всех учащихся в 1897 г. обучалось - 30078, из них мужского пола - 22133 (73%), женского - 7945 (27%). Учащиеся по отдельным категориям учебных заведений распределялись следующим образом: в средних учебных заведениях - 2320 чел. (7,7%), в четырехклассных и трехклассных - 703 (2,3%), в двухклассных - 611 (2%), в одноклассных - 16883 (56%), в начальных - 4239 (14%), в воскресных школах - 5117 (17%), в частных - 205 (0,7%).

На содержание школ с низшим образовательным курсом ведомства МНП было израсходовано 139034 р., на содержание церковно-приходских школ - 52532

³²⁵

р. Из указанных сведений видно, что лиц женского пола в учебных заведениях обучалось значительно меньше, чем мужского.

В начале XX в. в Ставропольской губернии, по данным к 1 января 1907 г., было 362 начальных училища ведомства МНП. Из них 12

двухклассных и 350 одноклассных. В училищах обучалось 21454 детей обоего пола, из них - 16376 мальчиков и 5078 девочек. Одна школа МНП приходилась на 3136 душ населения обоего пола. В 1906 г. открыто 16 новых школ³²⁶. В 1910 г. в ведении Ставропольской дирекции народных училищ состояло 407 учебных заведений, из них - 44 городских, 363 сельских. Учащихся в начальных училищах было 18782

чел. мужского пола и 6023 женского пола³²⁷. К 1 января 1915 г. начальных училищ

328

в Ставропольской губернии было всего 636. В это же время большое распространение получают Высшие городские одноклассные и двухклассные училища для девочек. Во Владикавказе с 1880 по начало 1900-х гг. открывлось 5 высших начальных женских училища.

В 1910 г. женских приходских училищ, школ и школ грамоты Терской области было - 74, мужских - 105. Смешанных учебных заведений: городских, по положению 1872 - 7, частных - 7, школ дирекции народных училищ - 166, школ и приютов епархиального ведомства - 82. Итого смешанных учебных заведений -

329

262. Начальник Терской области отмечал, что из низших учебных заведений имеются прогимназии, духовные, городские, ремесленные училища и школы грамоты. Во всех перечисленных учебных заведениях, как в пределах Терской области, так и за ее пределами в отчетном году обучалось: мужского пола - 25745 (что составляет 42,1 на 1000 душ населения); женского пола 12927 (22,9 на 1000

330

душ населения), обоего пола 38672 души (33 на 1000 душ населения). Составитель отчета подчеркивал, что, несмотря на неуклонный рост учебных заведений в Терской области, потребности населения в получении образования увеличиваются и не удовлетворяются в полной мере.

К 1914 г. в ведении Владикавказского епархиального училищного совета было 52 училища, из них двухклассных - 11. В них училось 4055 человек, из них

331

1089 девочек, в дирекции народных училищ Терской области (без Владикавказа и казачьих станиц) было 35 училищ, из них 10 двухклассных. Из них только в 1913 г. открыто 23 училища. В этих 35 школах обучалось 2514 чел., из них 427

332

девочек. На этот же период в казачьих станицах были 2 двухклассные школы (Змейская и Николаевская) и 5 одноклассных (Николаевская, Змейская, Ардонская и 2-е в Архонской), в которых обучалось 748 человек, из них девочек - 141. Во Владикавказе находилось в ведении епархии и дирекции 28 церковно-приходских

333

школ в которых обучалось 3768 человек. Так, всего в Терской области на 1 января 1914 г. было 130 церковно-приходских и министерских школ с количеством учащихся 10337 человек.

В Кубанской области развитие начального образования связано с деятельностью войсковых руководителей. Казаки-бедняки учились бесплатно, за счет станичных и сельских обществ. Иногородние сами оплачивали свое обучение в училищах и школах. В первые пореформенные годы в Кубанской области было мало учебных заведений. Чтобы поднять интерес населения к образованию, наказной атаман казачьего войска генерал-адъютант граф Сумароков-Эльстен издал циркуляр от 19 апреля 1868 г. за № 648 о приглашении станичных обществ, духовенства, окружных начальников, бригадных и полковых командиров принять участие в открытии школ в станицах. «Только при совместном распространении в войсковом населении элементарного образования, грамотности, под которой разумеется не только её механический смысл, но и почтительные беседы, чтения с учащимися всех возрастов, можно

надеяться на возвышение казаков в нравственном и хозяйственном их положении. В сем важном деле необходима последовательность, нужно осилить неразлучные с нововведением препятствия, и настойчиво, терпеливо, шаг за шагом выводить новые поколения из-под опеки

334

невежества», говорилось в циркуляре .

Как показывает исторический анализ, сеть школ в Кубанской области в первые пореформенные годы росла незначительно. В 1863 г. в Кубанской области насчитывалось 47 школ, учащихся в них - 1427; в 1864 г. - 115 школ, учащихся 2996; в 1865 г. - 217 с 5638 учащимися, в 1866 г. - 202 школы с 5984 учащимися; в 1867 г. - 209 школ с 6368 учащимися. Из «Ведомости школ Кубанского казачьего войска» видно, что дело народного образования выступило, наконец, из заколдованного круга невежества и упорства, в котором оно держалось, «обращено внимание на то, чтобы к новому году положительно во всех станицах войска были

335

открыты школы» . Многие школы, не успев открыться, закрывались из-за недостатка учеников. Традиционно сложилось так, что казаки не стремились к обучению, считая своим главным предназначением службу. Учение, по их мнению, могло навредить учащемуся, так как чтение портило зрение, а значит, казак потеряет меткость и т.д. Об отношении казачества к образованию может свидетельствовать просьба одного из учителей Отрадненского станичного общества: «Покорнейше прошу по личному указанию командира выслать мне семь учеников. Все они неоднократно требуемы мною через посланного сторожа, но родители прятали своих детей, а один из них позволил сыну стать возле дверей своей хаты с топором, и не позволил войти моему помощнику». Статистика показывала, что только 14 из 100 детей посещали школу, а один из семи овладевал начальными основами грамоты³³⁶. При таком отношении к просвещению в это время о начальном женском образовании и говорить не приходится. В Екатеринодаре открывались средние учебные заведения для дочерей

офицеров. Популярность получения образования среди остального населения региона только начинала зарождаться. Уже во второй половине 70-х - 80-е г. XIX в. вновь открывающихся школ стало не хватать для всех желающих. В циркуляре начальника Кубанской области (1895 г.) указывалось, что три четверти детей школьного возраста лишены возможности получить элементарное образование. В станице Полтавской таких детей насчитывалось 82%, в Дядьковской - 80%, в Натухаевской - 73%, в Гостагаевской - 69%, Варениковской - 66%. В станице Пашковской в 1895 г. из населения в 8175 человек возможность учиться в школе имели только 212 человек. Еще хуже обстояло дело среди иногороднего населения. Сбор населения станицы Пашковской в 1897 г. постановил дополнительно нанять второго учителя, чтобы увеличить прием детей казаков, и специально подчеркнул, что иногородние лица могут помещать своих детей в школы только в тех случаях, когда окажутся свободные места. Даже в церковно-приходские школы принимали иногородних детей в том случае, если был недобор детей казачьего сословия. Плата за обучение взималась только с иногородних в среднем - 10-15 рублей в год.

В 1873 г. в Кубанской области ставился вопрос о введении обязательного начального обучения. Но, после анализа состояния обучения, наличия школ и обеспеченности учителями, этот вопрос был снят с повестки дня. По словам В.И. Ляха, сам факт постановки этой проблемы подчеркивал острую необходимость в повышении образовательного уровня и просто грамотности среди населения для социально-экономического развития Кубанской области. Анализ показал, что существующее состояние дел требовало усиления внимания к начальному образованию, расширению сети начальных школ и повышению уровня содержания

К концу XIX в. наблюдался рост церковно-приходских школ. На 831 тысячу населения Кубанской области в 1892 г. насчитывалось 74 церковно-приходских школы и школ первоначального обучения грамоте - 107. Всего - 186 с общим числом учащихся 5540 человек. При всем этом, общее число детей, не имеющих возможности учиться, составляло около 100 тысяч. Церковно-приходские школы были рассчитаны на небольшое количество детей. В них обучалось 30-40 учащихся, в станичных сельских школах среднее число учащихся превышало 70 человек. Тяга к знаниям в это время уже не была чем-то из ряда вон выходящим. Стало модным учиться, родители теперь стремятся отдать своих детей в школы. В 1880 г. один учащийся приходился на 70 жителей, в 1893 г. этот показатель вырос до 54 человек. Продолжался рост числа начальных школ. Если в 1872 г. в Кубанской области

3
3
8

насчитывалась 181 начальная школа, то к 1894 г. их действовало уже 491. Эти показатели говорят не только о росте числа начальных школ, стараниях станичного начальства об образовании казачества, но и о повышении престижа образования среди населения Кубанской области. В 1895 г. 1 учащийся приходился на 57,71 чел. Мужских низших учебных заведений - 560, женских - 47. Число учащихся

339

мужского пола было 30186, женского - 9806 человек. В начале XX в.

продолжался рост количества образовательных учреждений как мужских так и женских. Появилось множество начальных школ для лиц женского пола. По отчету начальника Кубанской области, наказного атамана кубанского казачьего войска рост количества обучающихся во всех учебных заведениях выразился в следующих цифрах: в 1897 г. всех учащихся Кубанской области было 49306, 1 учащийся приходился на 38 человек, в 1898 - всех учащихся - 55246 - на 34 чел. - 1 учащийся, в 1899 г. обучалось 62278, 1 учащийся приходился на 31 чел., в 1900 г. - 1 учащийся

приходился на 29 душ обоего пола населения всех сословий. Всех начальных учебных заведений Кубанской области мужских и смешанных было 849 из них 2 ремесленные школы, 71 двухклассное, 105 одноклассных, 155 станичных, 21 сельское, 7 колонистских, 7 церковно-приходских лютеранских, 1 римско-католическая, 21 сельская, 1 армяно-григорианская, 12 частных III разряда, 1 школа пчеловодства, 466 церковно-приходских и школ грамоты. Женских начальных школ было намного меньше - 112. Из них 1 Мариинское женское училище, 20 одноклассных, 55 станичных, 1 сельское, 1 войсковой приют для девочек и 34 церковно-приходских школ. По сравнению с мужскими учебными заведениями их было намного меньше, однако, учитывая недавнее отсутствие можно говорить о прогрессе в женском образовании³⁴⁰.

Через 10 лет Кубанская область по своим показателям стала гораздо ближе к тому моменту, когда можно было бы переходить ко всеобщему обязательному образованию. С каждым годом росло количество учебных заведений и уменьшается число неграмотных людей. В 1910 г. всех учащихся в Кубанской области было 140061 человек, 1 учащийся приходился на 19,2 человека обоего пола. Мужских начальных учебных заведений было 1376, женских - 172. Несмотря на то, что эти данные говорят о незначительном росте женского низшего образования, надо отметить, что в графе «мужские учебные заведения» значатся как мужские школы, так и смешанного типа, хотя, конечно, в них мальчиков обучалось больше, чем девочек. Так, в 1910 г. в ведении дирекции народных училищ учащихся состояло 117505 чел. Из них 82 776 мужского пола и 34729 женского, в этом же отчете отмечается, что количество учащихся только за 1 год увеличилось на 5177 человек³⁴¹.

В 1915 г. в Кубанской области 1 учащийся приходился на 15,7 человек обоего пола. В учебных заведениях дирекции народных училищ учащихся в этом же году

состояло 158043 чел., из них 100801 мужского пола и 57242 женского . В Кубанской области женские учебные заведения образовывались и существовали как за счет благотворительных и просветительных обществ, так и на средства войска. Кубанское казачье войско каждый год увеличивало средства вложения в женское образование. Так в 1910 г. на женские учебные заведения кубанским войском выделялось 128523 р. 5 копеек. Кроме того, на средства войска многие девушки обучались в средних и высших учебных заведениях. Хотя этим правом могли воспользоваться только лица казачьего сословия.

Содержание училищ производилось за счет общественных сумм того общества, которому принадлежало училище, средства от войска и другие источники. Так, на содержание учебных заведений ведомства дирекции народных училищ в 1910 г. поступило 2395559 руб. Из них от казны - 370237, от Кубанского войска - 132121, от городских обществ 250366, 973574 от станичных обществ, 7059 р. от сельских обществ, 40318 р. от благотворительных обществ, 1440 от церквей, 153713 сбора за учение, 176508 дохода от аренды школьных участков и из запасных капиталов - 69586, 13634 - пожертвования почетных блюстителей и частных лиц

3
4
3

33400 рублей, % с капитала составил 10092 р, из статочных сумм - 10490 р.

В 1915 г. та же статья расходов составила 5136360 р. Из них от казны - 1519459 р, от войска - 151369, от других источников - 3465532 р. (в том числе от станичных обществ - 1856250 р., городских - 446069 р, сельских - 176244 р. и др.)³⁴⁴ Однако, большая часть выделяемых средств была направлена на средние учебные заведения, низшие же в, основном, финансировались местными обществами. В Ейском уезде только в станицах Уманской, Ясенской и Копанской училища получали пособия на содержание своих училищ из сумм Кубанского казачьего войска, первая - 750 руб., последние две - по 100 руб. в год каждая.

Большая часть средств станичными обществами тратилась на содержание и строительство школ. Войско выделяло средства также в основном на строительство школьных зданий. Множество школ арендовали здания.

Рост количества женских и мужских учебных заведений, повышение культурного уровня жителей Кубанской области в первой трети XX в. было очевидным. Однако, говоря о просвещении этого периода нельзя забывать, что большая часть населения оставалась неграмотным в силу различных причин. Так, в 1910 г. всех грамотных войскового сословия было мужского пола 333375 (74,4% всех грамотных), женского пола - 114550 (28,9% всех грамотных) - что прямо пропорционально количеству учебных заведений. Из всех лиц казачьего сословия мужского пола грамотными были мужского пола - 56,6%, женского - 21,8, всех грамотных - 37,9%. В отчете наказного атамана указывалось, что не все используют имеющуюся возможность обучиться грамоте, приводятся цифры о лицах, «могущими быть грамотными» - 884783 человека (50,6%) Из них мужчин -37,6% и женщин - 13,0%³⁴⁵. По данным на 1916 г, несмотря на рост количества школ различного типа, общий уровень грамотности составлял 43% лиц обоего пола казачьего населения. Учета грамотных неказачьего населения никто не вел. По подсчетам Л.В. Македонова, количество грамотных иногородних колебалось в пределах 10-20% от общего числа неказачьего населения. В невысоком уровне грамотности в изучаемый период не всегда следует винить царское правительство, «не желавшее дать образование народу», так как в народе еще оставалось убеждение в ненужности обучения. Кроме того, большую часть неграмотного населения составляли лица старшего поколения.

Огромную роль в повышении культурного и образовательного уровня женщин в то время играли учреждения внешкольного образования. Дореволюционный педагог В. Тихонович большое значение придавал деятельности подобных учреждений. Он выделяет следующие виды учреждений внешкольного образования: 1. Занятия со взрослыми и

подростками (воскресные или вечерние школы). Эти занятия преследовали 2 цели: 1- обучить неграмотных чтению, письму и счету (начальные), 2 - повторить и дополнить с окончившими народную школу пройденный курс (повторительно-дополнительные); 2. народные чтения, так или иначе иллюстрируемые (наглядными пособиями, световыми картинками, кинематографом, граммофоном и принимающие различные формы - бесед со слушателями, отдельных лекций, целых курсов. Эти чтения могут захватывать всю область художественной, научной и прикладной литературы в пределах определяемых духовным уровнем, образовательной подготовкой и запросами населения; 3-м видом внешкольного образования автор называет библиотеки и книжные лавки; 4 видом внешкольного образования он называет различные

346

художественные выставки и музеи .

На Северном Кавказе для многих женщин такие внешкольные образовательные учреждения являлись единственной возможностью обучиться грамоте и повысить свой интеллектуальный уровень. Воскресные школы и школы грамоты организовывались при городских, станичных, сельских и средних учебных заведениях, а также были школы, организуемые различными просветительными обществами.

Так, в Кубанской области первая воскресная школа открылась в станице Ладожской в 1893 г. В ней ежегодно обучалось около 60 учениц, казачки (49%) и крестьянки (47%), солдатские дети и мещане. Ученицам бесплатно предоставлялись учебники и учебные пособия. В школе изучались закон Божий с песнопениями, арифметика и русский язык. Очень много внимания уделялось чтению, которое проводилось не только на специальных уроках, но и в свободное время. К 1900 г. в Ладожской воскресной школе обучалось более 100 учениц в возрасте от 12 до 15 лет.

К 1896 г. в станицах Кубани было организовано 82 воскресных школы, 52 -при училищах. При проверке некоторых воскресных школ в

инспекционном рапорте отмечалось, что «ответы учеников не были слабыми, пели они прекрасно,

347

по гимнастике - тоже недурно» . Учащиеся воскресных школ, воспитанники училищ давали спектакли и концерты в пользу учебных заведений. Средства, вырученные от благотворительных вечеров, шли на приобретение учебников, книг, наглядных пособий. В станице Крыловской станичное общество ассигновало на воскресную школу 650 рублей в год. Занятия проводились по чтению, письму, арифметике. Только за 1 год школу посетило 135 человек. Проводились чтения с «волшебным фонарем», демонстрирующим картинки и иллюстрации, часто выступали ученические хоры и любители пения. В станице Шкуринской воскресные занятия посещало 56 мужчин и 36 женщин. Число желающих посетить воскресную школу постоянно возрастало, поэтому решено было проводить народные чтения, на которые собиралось по 200 человек. Занятия сопровождалось пением учащихся, историческими рассказами и даже постановкой сценок и спектаклей на исторические мотивы. Так, были прослушаны рассказы о Петре I, о

348

войне 1812 года и др.

В Ставропольской губернии воскресные школы также были широко распространены. Так, в 1897 г. воскресные занятия для взрослых велись при 123 училищах, существовали и другие школы, за год во всех воскресных и народных школах обучалось 5117 человек или 17% от всех учащихся.

По отчету о состоянии учебных заведений Ставропольской епархии за 1895/96 уч.год, в Ставрополе было вечерних и воскресных школ - 3 , в Ставропольском уезде вечерних и воскресных - 8, в Александровском уезде - 20, в Медвеженском уезде 27 вечерних и воскресных³⁴⁹. Многие женские воскресные школы открывались и содержались просветительными и благотворительными обществами. В г. Ставрополе «Обществом для

содействия распространению народного образования» в 1891 г. были открыты 2 воскресные школы,

350

распорядительницей школ была назначена госпожа М.О. Ясинская. В роли учительниц выступали воспитанницы 8 класса Ольгинской женской гимназии. Девушки преподавали по очереди, для них, не окончивших еще гимназию, работа в воскресной школе была хорошей практикой, поскольку выпускницы 8 класса гимназии получали специальность учительниц. Всего в этих школах в 1891/92 уч. году обучалось 219 учениц разного возраста от 9 до 45 лет, в основном мещанки, солдатские дети и крестьянки. По возрастным категориям ученицы были распределены на 12 групп. Преподавание велось по программе одноклассных народных училищ МНП. Преподавались Закон Божий, церковно-славянская грамота, русский язык с чистописанием, арифметика. При школе работала женщина-врач М.П. Остроумова, которая оказывала медицинскую помощь

351

безвозмездно, бесплатно выдавались и лекарства для больных учениц.

С каждым годом количество учениц в этой школе увеличивалось. В 1895 г. исполнилось 7 лет со дня её открытия. В отчете отмечалось, что все это время школа находилась в помещении Ольгинской женской гимназии, где занимала 6 комнат. Распорядительницей школы была уже 3 года госпожа А.Г. Гремяченская, законоучитель А.А. Шовский, учительницы - Л.П. Любомирская, З.Д. Никитина, Е.П. Иванова и 14 учениц VIII дополнительного класса Ставропольской Ольгинской гимназии. В 1895-96 уч. г. школу посещало 320 учениц. Причем 69 ученицам было отказано в приеме «по малолетству». В школу принимались девочки с 10 лет, самой старшей ученице в отчетном году было 48 лет. Как и в предыдущие годы, все учащиеся были разделены на 18 групп по возрастному признаку. По сословию ученицы распределялись следующим образом: мещанки - 214 чел. (66%), крестьянки - 53 (16%), солдатские дети - 46 (14%), дворянки - 7 (2%)³⁵².

Сравнительный анализ уровня развития женского начального образования в трех изучаемых областях показал следующее. В Ставропольской губернии в изучаемый период преобладали начальные школы смешанного типа. В Кубанской и Терской областях, имели место как начальные школы для обоего пола, так и женские начальные школы. В Кубанской области развитие женского начального образования во многом связано с деятельностью Екатеринодарского женского благотворительного общества, которое открывало женские начальные учебные заведения в станицах области. В конце XIX - начале XX в. на территории всех изучаемых административных единицах получили распространение воскресные школы, которые существовали на средства просветительных и благотворительных обществ.

Итак, с начала рассматриваемого периода по начало XX в. в северокавказском регионе местными властями и обществом была проделана огромная работа по развитию начального народного образования. Прежде всего были сломлены устаревшие стереотипы среди казачества и крестьянства относительно необходимости обучения. Если в середине XIX в. просвещение среди казачества вводилось подчас полицейскими мерами, школы закрывались из-за отсутствия учеников, то в конце века желающих учиться было столько, что школы не успевали создавать, а специальные учебные заведения не успевали выпускать учителей. Тем не менее, приоритет учения оставался на стороне мужского пола и это связано не столько с политикой правительства в области женского образования, сколько с патриархальными традициями в семьях, где считалось, что женщине образование не обязательно, а лишь желательно. Скорее старались обучить сыновей, чем дочерей. К концу XIX - началу XX в. все больше появляется смешанных и женских начальных школ, где девочки наряду с мальчиками могли учиться, однако процент обучающихся девочек все же оставался намного ниже, чем мальчиков.

Большую роль в повышении культурного и образовательного уровня женского населения Северного Кавказа сыграли начальные воскресные школы и школы грамоты. Здесь собирались девочки и женщины разного возраста, стремившиеся вырваться из круга невежества и обучиться хотя бы элементарным навыкам чтения и письма. Это имело большое психологическое значение для каждой учащейся женщины, кроме полученных знаний и умений она приобретала уважение среди окружения и повышала свою самооценку.

§2. Средние женские учебные заведения региона

Начало женскому среднему образованию в России было положено при императрице Екатерине II открытием учебного заведения под названием «Воспитательное общество благородных девиц», впоследствии переименованного в

Смольный институт. Жена Павла I, императрица Мария, не только восприняла принципы женского воспитания и образования Екатерининской эпохи - «воспитание мудрых и доброжелательных матерей, образованных жен», но и в

353

значительной мере их обогатила. «Ведомство учреждений императрицы Марии» управляло в России частью учебно-воспитательных и лечебно-благотворительных учреждений. К 1917 г. в ведении Ведомства находились: 176 детских приютов, 21 училище для слепых, 70 женских гимназий и институтов, 21 богадельня, 40 больниц³⁵⁴.

По данным Е. Лихачевой, в 1827-1855 гг. в России действовало 11 женских учебных заведений, не считая тех, которые функционировали при воспитательных домах. В 1828 г. после смерти Марии Федоровны, женские учебные заведения были отнесены к специальному Ведомству учреждений императрицы Марии. В период с 1828 по 1855 гг. в России функционировало 24 женских учебных заведения, открытых

преимущественно в городах. По подсчетам автора, число учащихся девочек в стране возросло на 22 тыс. В 1856 г. в учебных заведениях всех ведомств народного образования обучалось 482802 учащихся, из них 51 632 составляли

учащиеся женского пола, т.е. примерно 1/9 часть от общего числа обучавшихся .

Огромную роль в развитии женского образования сыграли выдающиеся русские педагоги XIX в. Н.И. Пирогов (1810-1881), Н.А. Вышнеградский (1821-1872), К.Д. Ушинский (1824-1870), которые неоднократно подчеркивали, что добродетельная и высокообразованная жена и мать оказывает огромное влияние на воспитание будущих полноценных граждан. Они ратовали не только за надлежащее воспитание женщины, но и за разностороннее образование. Благодаря их усилиям постоянно совершенствовались учебные программы женских школ. При участии Н.А. Вышнеградского были открыты средние женские училища Ведомства учреждений императрицы Марии, в частности первая Мариинская женская гимназия в Санкт-Петербурге (1858г.). По данным Г.А. Тишкина, в стране насчитывалось 25 Мариинских женских гимназий³⁵⁶.

Женские государственные учебные заведения, в основном, имели принадлежность к Ведомству учреждений императрицы Марии или к Министерству народного просвещения.

Женские средние учебные заведения рассматриваемого периода делились на сословные, учебно-воспитательные и бессословные - гимназии. Для Северного Кавказа характерно преобладание гимназий, прогимназий и женских епархиальных училищ.

Процесс открытия женских средних школ шел крайне неравномерно и непоследовательно. Несмотря на то, что в 60-е годы XIX в. Ведомство

императрицы Марии ратовало за открытие новых учебных заведений в городах империи, конкретные шаги в этой области в провинции предпринимались исключительно по частной инициативе из энтузиазма прогрессивной части населения.

Отсутствие государственных учебных заведений для девушек приводило к открытию частных школ, в которых плата за обучение была подчас очень высокой от 150 до 500 рублей в год. В период с 1800 по 1850 - е г. появляется и исчезает множество частных школ и курсов, таких, как в Ставрополе частное женское учебное заведение Анны Гололобовой (1837-1841 гг), учебное заведение для детей благородного сословия обоего пола Александры Щербо (1844-1849 гг), пансион Елизаветы Крупье (1839-1849 гг), пансион Октавии Федоровой (1848-1849 гг) и

_ 357

др.

Развитие среднего женского образования на Кавказе во многом связано с именем наместника Кавказского и главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом Михаила Семеновича Воронцова и его супруги княгини Елизаветы Ксаверьевны. По представлению Воронцова, дирекция училищ Кавказской области была переведена из ведомства Харьковского учебного округа и подчинена наместнику Кавказскому 18 декабря 1849 г. По инициативе и при

непосредственном участии его супруги по всему Кавказу стали открываться

358

женские учебные заведения .

По официальным данным, в 1851 г. во всем наместничестве было 45 учебных заведений, состоящих в ведении Министерства народного просвещения, с 3302 учащимися, в том числе - 8 частных пансионов и школ. В 1851 г. в Ставропольской губернии было 8 учебных заведений, в том числе 1 частный пансион, в котором

обучались девушки .

В 1849 г. при благотворительном обществе св. Александры в Ставрополе было открыто двухклассное учебное заведение с шестилетним курсом для воспитания и образования бедных девиц, рассчитанное на 40 человек. В первый учебный год учителя безвозмездно преподавали науки во вновь открытом училище. Это были преподаватели Ставропольской мужской гимназии -Ильяшенко, Радзевич, Набут. Размер платы с пансионеров и полупансионеров составлял соответственно 80 и 40 рублей в год³⁶⁰.

Если первоначально это учебное заведение готовило «грамотных швей и камеристок», то в конце 60-х годов оно уже выпускало учительниц, имеющих право преподавать не только в народных школах, но и в гимназиях, а также заниматься частной практикой.

К 1914 г. гимназия сделала 34 выпуска. Её окончили 969 воспитанниц, 145 из них были награждены золотой медалью, 101 - серебряной. Открытые в 1869 г. педагогические курсы при гимназии к 1914 г. окончили 211 воспитанниц. Женская гимназия св. Александры просуществовала до 1920 г.³⁶¹

Начало женского образования в Ставрополе на государственном уровне связано с правительственной политикой в области народного просвещения и с именем легендарного педагога Януария Михайловича Неверова.

К концу 50 - началу 60 г. уже не нова была идея равноправия женщины и мужчины, что отразилось и на правительственной политике в области женского образования. В 1856 г. во все учебные округа были разосланы циркуляры министра просвещения Норова с просьбой собрать сведения о том, «где в губерниях есть

возможность открыть женские школы» .

Я.М. Неверов в это время стоял во главе дирекции народных училищ Ставропольской губернии. Получив копию такого циркуляра от попечителя Кавказского учебного округа барона Николае, он немедленно провел работу с городскими властями и почетными жителями Георгиевска, Пятигорска, Моздока и Кизляра, выяснил, что в этих городах не нашлось возможности открыть женские учебные заведения.

Неверов представил проект по преобразованию упомянутого женского учебного заведения св. Александры в Ставрополе с 3 низшими классами в гимназию, однако этот проект не был одобрен администрацией Кавказского наместничества и не был реализован. Идея открыть в Ставрополе женское учебное заведение волновала не только Неверова. Благодаря организованному силами мужской гимназии благотворительному спектаклю, на котором была собрана первоначальная сумма, дворянскому собранию, выделившему 13,150 рублей 89 /4 коп, Ставропольскому приказу общественного призрения, обязавшегося выделять ежегодно в пользу женской гимназии по 440 руб., а также личным пожертвованиям некоторых жителей города, стало возможным ходатайствовать о разрешении открыть в Ставрополе женскую гимназию³⁶³.

Так 31 декабря 1860 г. был подписан указ об открытии женского училища второго разряда, которое в 1876 г. стало именоваться Ольгинской женской гимназией, в честь её императорского высочества Ольги Федоровны. Эта гимназия стала первым женским средним всесословным учебным заведением на Ставрополье и одним из первых государственных женских учебных заведений на Северном Кавказе.

Обучение в новом училище началось с 15 сентября 1861 г., общее число учениц составило 75 чел. Согласно уставу, училище состояло тогда из трех основных классов и одного приготовительного. Педагогический состав училища состоял на тот момент исключительно из преподавателей мужской гимназии. Учебный курс включал такие предметы как Закон

Божий, русский язык, арифметику, географию, чистописание, рукоделие, пение, естественные науки, историю, понятие об измерениях.

В 1876 г. при Ольгинской гимназии был открыт седьмой класс, а с началом занятий в 1878 - 1879 уч. г. был открыт и 8-й специальный педагогический класс с двумя отделениями - русского языка и математики. С 1892 г. 8-й класс был разделен на два курса - теоретический и практический - 9 класс. В этом же году был открыт так называемый азбучный класс (подготовительный), в который принимались девочки с 7-ми лет без вступительных испытаний. В азбучном классе ученицы педагогического 9-го класса могли практиковаться в преподавании предметов, по которым они специализировались и в воспитании детей младшего возраста.

С 1872 г. училище было переименовано в женскую гимназию. К этому времени Ольгинская гимназия представляла собой вполне сложившееся учебное заведение: в ней было уже 7 основных классов, подготовительный 8-й дополнительный классы, при 420 учащихся.

За 25 лет существования гимназия выпустила 540 учениц, из них звание домашней наставницы получили 103 ученицы, домашней учительницы - 289, из них, по русскому языку - 179, по математике - 213 выпускниц³⁶⁴.

В Терской области первое женское училище, преобразованное в 1874 г. в среднее учебное заведение, было открыто в 1861 г. Как отмечалось в материалах, посвященных празднованию 25-летия этого учебного заведения, Владикавказская Ольгинская гимназия получила свое начало от бесплатной женской школы устроенной в 1861 г. кружком благотворителей по инициативе госпожи Веревкиной, супруги батареиноного командира. Небольшая сумма денег, вырученная от любительских спектаклей, дала возможность нанять помещение, приобрести необходимые пособия и пригласить надзирательницу школы, которая давала также уроки рукоделия. Преподавание наук было распределено бесплатно между

устроительницами. Так было до 1865 г. В этот год школу посетила её императорское высочество Ольга Федоровна (супруга наместника на Кавказе

Михаила Николаевича) и пожертвовала 2000 р. единовременно и ежегодно - 1000 р., дав согласие присвоить её имя школе. С этого времени учебному заведению было присвоено звание Ольгинская³⁶⁵.

С 1865 г. развитие школы переходит на новый уровень. Возрастает количество учениц, стоимость обучения в этой школе была небольшой - 5 р. в год с ученицы, большей частью школа развивалась на счет частных благотворителей. В 1869 г. архитектором В.Г. Грозским было построено здание для школы. В 1874 г. училище было преобразовано в семиклассную Ольгинскую женскую гимназию. В 1870-80-е г. она существовала в основном за счет ежегодного пособия Великой княгини Ольги Федоровны - 3000 р, наместника Кавказского - 600 р., пособия от г. Владикавказа - 10000 р., остальные средства давали различные благотворительные

366

акции .

К 1912 г. в Терской области было 13 средних учебных заведений МНП. Вопрос о создании в Кубанской области женских учебных заведений был поднят в 1860 г., до этого здесь не было ни одного женского учебного заведения. Образование женщин ограничивалось домашним или его получали за пределами области. По инициативе супруги генерал-майора Натальи Сергеевны Иваниной (Шпилевской) был образован кружок дам, поставивший себе цель «помочь образованию детей». Благодаря этому кружку, открылась первая женская гимназия в Екатеринодаре в 1863 г., под названием «Войсковая женская гимназия»³⁶⁷.

В начале XX в. попечитель Кавказского учебного округа Н. Рудольф большое внимание уделял развитию женского среднего образования на Кавказе. Согласно списку учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения, в 1909 г. на Северном Кавказе правительственных

средних учебных заведений (гимназий и прогимназий) для женщин было около 30³⁶⁸.

За период 1900-1917 гг. повсеместно стали открываться женские гимназии, к 1917 г. почти во всех городах, крупных селах и станицах работали женские средние всеобщие учебные заведения - гимназии. Большая часть гимназий была открыта именно в начале XX в. В Кубанской области с 1900 по 1917г. открыто 7 новых женских гимназий, в Терской области - 7, в Ставропольской губернии - 3³⁶⁹.

Кроме создания новых средних учебных заведений, программа гимназий с каждым годом модернизировалась, изменялись цели, а вместе с ними и приоритеты женского образования. Во-первых, программа женских гимназий становилась ближе к программе мужских гимназий. Увеличивалось количество выделяемых часов на такие предметы как математика, языки и др. дисциплины, которые, как считалось раньше, женщине не нужны. Во-вторых, женская средняя школа становилась все более профессионально направленной. Почти все женские гимназии к 1917 г. имели дополнительные специальные педагогические классы, некоторые гимназии открывали коммерческие и бухгалтерские курсы.

Статьи закона, принятого в 1916 г. «Об изменении некоторых узаконений о женских гимназиях, прогимназиях и других средних учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения» прямо указывали на то, что объем изучаемых дисциплин в женских гимназиях должен стать таким же, как в мужских. В статье 7 говорилось: полное увеличение курса женских гимназий до курса мужских гимназий или реальных училищ может быть введено не иначе, как обязательно для всех учащихся³⁷⁰. Надо отметить, что, несмотря на определенные успехи в развитии женского среднего образования, оно встречало трудности в обеспечении денежными средствами. Правительство по-прежнему выделяло ничтожное количество средств на развитие женских учебных заведений. Они в большинстве своем существовали за счет средств

благотворителей и местных органов управления, казачьих войск, сборов за право учения. Так, в 1901 г. согласно отчету попечителя Кавказского учебного округа, на содержание женских гимназий Северного Кавказа: Ставропольскую Ольгинскую, Ставропольскую св. Александры, Владикавказскую, Екатеринодарскую, Ейскую, Новороссийскую, Пятигорскую и прогимназии Владикавказскую, Майкопскую, Дербентскую, Армавирскую, - из Государственного казначейства выделялось 11900 р., на прибавочное жалование - 3357 р.; от казачьих войск - 7820 р.; от городских обществ - 38843 р.; сбор за право учения - 106121 р.; за содержание пансионеров - 47760 р.; от почетных попечителей 760 р.; пожертвований - 4384 р. На мужские гимназии Северного Кавказа - Ставропольскую, Владикавказскую, Екатеринодарскую, Новороссийскую и Пятигорскую из Государственного Казначейства на содержание учебных заведений выделялось 132608 р., на прибавочное жалование - 8167 р.; от казачьих войск - 10400 р.; от городских обществ - 45620 р.; сбор за право учения - 84011; за содержание пансионеров -

371

58800 р.; от почетных попечителей - 720; пожертвований - 100 р. .

Таким образом, женские гимназии, в отличие от мужских, в основном существовали на городские и другие дополнительные средства, тогда как мужские гимназии, в основном, финансировались из Государственного казначейства. На одну женскую гимназию выделялось, в среднем, 1387 р. в год, на одну мужскую гимназию - 28155 р. в год.

В 1910 г. на 18 средних женских учебных заведений Северного Кавказа выделялось из Государственного казначейства всего - 37700 р., что в среднем на одну гимназию приходилось 2094 р. в год. Мужских гимназий на Северном Кавказе в 1910 г. было 11. Из государственного казначейства на их содержание выделялось - 195872 р. в год, что в среднем выходило на одну гимназию 17806 р. в год. Это очень усредненный показатель, например, больше всех из государственного казначейства получала

Ставропольская мужская гимназия - 89183 р. в год, тогда как Ставропольские женские гимназии из этого же источника финансирования могли

372

рассчитывать только на 2000 р. в год каждая .

За первое десятилетие XX в. количество женских гимназий значительно возросло, количество же государственных средств, выделяемых на женское образование, увеличилось незначительно. Женское среднее образование продолжало существовать за счет городских обществ, казачьих войск и сбора средств за обучение. Это, конечно, тормозило процесс усовершенствования учебного процесса и не позволяло снижать плату за учение.

Тем не менее, женское среднее образование к 1910 г. стало более доступным для крестьян и мещан. Так в 1901 г. в Ставропольской гимназии св. Александры из 243 учениц дворянок было - 100 чел., духовного звания - 1, дочерей почетных граждан и купцов - 6, других сословий - 95, крестьянок - 34, дочерей нижних чинов и казаков - 15, иностранок - 2 (по другим гимназиям в отчете сведений

373

нет) . В 1910 г. в этой же гимназии дочерей потомственных дворян обучалось - 50 чел, личных дворян и чиновников - 73, духовного звания - 16, детей почетных граждан и купцов - 51, детей мещан и цеховых - 202, дочерей казаков - 59, крестьянок - 116, иностранок - 1, прочих - 3. В женских гимназиях Северного Кавказа в этом же году всего обучалось 7928 чел., из них детей потомственных дворян - 316 чел, детей личных дворян и чиновников - 1631 , духовного звания - 165, детей почетных граждан и купцов - 837, детей мещан и цеховых - 2871,

374

дочерей казаков - 591, крестьянок - 1271, иностранок - 89, прочих - 157 .

Если посмотреть отчеты попечителя Кавказского учебного округа, может создаться впечатление, что Кубанское казачье войско не так уж

много выделяло средств на средние учебные заведения. Однако, это не так. На войсковые средства содержался Кубанский Мариинский женский институт, а также выделялись адресные стипендии ученицам гимназий войскового сословия, обучавшимся в других областях. Так, в 1910 г. на средства войска обучались стипендиатки в следующих средних женских учебных заведениях: в Ставропольской женской гимназии св. Александры - 21 чел., в Екатеринодарской -2-ой и Лабинской женских гимназиях - 32 чел., в Славянской женской прогимназии - 20 чел., в Ашхабадской женской гимназии - 2 чел., итого 75 девиц. Всего денежных средств на стипендиаток в средних учебных заведениях войском потрачено в 1910 г. 26590

³⁷⁵ р. . Войсковых стипендиаток в средних учебных заведениях в 1915 г. было 127.

(всего 576)³⁷⁶.

Большую роль в развитии женского образования XIX в. играли женские епархиальные училища. Они состояли в ведении Священного синода и предназначались в основном для детей родителей духовного звания, хотя в них принимались и дочери светских лиц, но для последних оплата была почти в два раза выше, чем для детей лиц духовного звания.

В правилах приема «девиц» в Ставропольское епархиальное женское училище написано: «Епархиальное женское училище суть учебно-воспитательное заведение для образования дочерей православного духовенства. В пансион епархиального училища могут быть принимаемы девицы из других сословий со взносом ежегодной платы за содержание и обучение 234 р., для детей духовенства

³⁷⁷

117 р. Плата вносится вперед за каждое полугодие» . На Северном Кавказе создание епархиальных училищ не получило широкого распространения. К 1917 г. в регионе существовало всего 3 женских епархиальных училища.

В 1875 г. в Ставрополе было открыто Кавказское епархиальное женское училище (с 1886 г. - Ставропольское епархиальное женское училище), которое долгое время оставалось единственным на Северном

Кавказе. В нём обучались дочери православных священников всего Кавказа³⁷⁸.

Курс в подобном учебном заведении был шестилетним, с начала XX в. - семилетним. Набор изучаемых дисциплин был следующим: Закон Божий, церковно-славянский язык, русский язык, арифметика, физика, чистописание, география, гражданская история, педагогика, церковное пение, рукоделие и ведение

379

домашнего хозяйства .

Согласно уставу училищ для девиц духовного звания, его выпускницы готовились исключительно для того, чтобы «быть достойными супругами служителям алтаря Господня»³⁸⁰.

Училища, открываемые в городах, состояли в ведении Святейшего Синода и управлялись епархиальными архиереями, составлявшими для них уставы. Постепенно цели воспитания и учебной деятельности менялись - это связано и с быстрыми темпами роста популярности женского образования, и с новыми перспективами, открывающимися для женщин - возможность для них заниматься трудовой деятельностью стала неотъемлемой частью российского общества к концу XIX в.

Судя по программе преподавания, в епархиальном училище девушки получали образование не хуже, а в чем-то и лучше светских учебных заведений. Так, с 1877 г. в указанном училище стали преподавать, кроме основных традиционных для подобного заведения предметов, французский и немецкий языки, а чуть позднее - музыку и танцы. Эти дисциплины не входили в обязательную программу и преподавались своекошным ученицам или за

381

отдельную плату .

В конце XIX начале XX в. преподавателями в Ставропольском епархиальном училище были кандидаты богословия и преподавательницы

со званиями домашних учительниц. Начальница - Елизавета Добромыслова, выпускница царскосельского

училища девиц духовного звания ³⁸² .

В 1894 г. на средства Владикавказской Епархии открылось
Владикавказское

епархиальное женское училище ³⁸³ . Оно было открыто по инициативе Владыки Владимира (Синьковского). Это среднее учебное заведение, где учились дети духовенства и представители других сословий православного вероисповедания.

Девочки жили в пансионе и «пользовались полным содержанием» ³⁸⁴ . В 1894 г. в

Екатеринод্রে было открыто такое же учебное заведение ³⁸⁵ .

Наряду с указанными средними учебными заведениями, в деле распространения женского образования немаловажное значение в изучаемый период сыграли частные учебные заведения. В конце XIX-начале XX в. они были довольно распространены на Северном Кавказе.

После принятия «Положения о женских училищах» от 30 мая 1858 г. и «Положения о женских училищах» от 10 мая 1860 г., в которых регулировалось открытие частных женских учебных заведений, снизилась тенденция, замечавшаяся в первой половине XIX в., открывать частные учебные заведения на личные и общественные средства. Если в первой половине XIX в. повсеместно открывались частные курсы или школы для девушек и женщин, то после 60-х гг., когда стали появляться средние учебные заведения ведомства императрицы Марии и Министерства народного просвещения, наблюдался процесс сокращения частных школ и курсов. Все частные школы работали на основании специальных правил «О частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения, не пользующихся правами правительственных учебных заведений». В этих правилах было записано, что земствам, городам,

сословиям, приходам, а также частным обществам, учреждениям и отдельным лицам не моложе 25 лет, состоящим в русском подданстве, разрешается учреждать учебные заведения, классы и курсы на основании определенных правил. Частные учебные заведения, классы и курсы, указывалось в правилах, могут быть: общеобразовательными, специальными и профессиональными. Они делятся на 3 разряда: низшие, средние и высшие. Частные учебные заведения могут быть как мужскими и женскими, так и смешанными, для совместного обучения лиц обоего пола. Совместное обучение в средних учебных заведениях, классах и курсах допускалось с разрешения попечителя учебного округа, а в высших - Министерства народного

386

просвещения .

Как пишет И.Д. Латышина, в частных гимназиях организация обучения полнее соотносилась с требованиями передовой педагогики и жизни, более разумно распределялся учебный материал по классам, была установлена прочная связь с

387

семьей ученика . Однако, судя по изученным архивным материалам Северного Кавказа, сказанное можно отнести лишь к крупным столичным частным учебным заведениям, таким как, например частная школа Е. С. Левицкой. На Северном Кавказе частные учебные заведения большей частью уступали в качестве образования учебным заведениям Министерства народного просвещения.

С 1855 г. в Ставрополе с разрешения попечителя Кавказского учебного округа работала частная школа, содержавшаяся отставным капитаном Демидовым. Школа помещалась в наемной квартире. Это было смешанное учебное заведение, по данным на 1872 г. там обучалось 23 мальчика и 10 девочек. Плата за обучение -1 р. в месяц с одного ученика³⁸⁸. Пансион для детей женского пола жены поручика

Елисаветы Николаевны Римской - Корсаковой был открыт в 1862 г. . В 1872 г. известна частная женская школа вдовы статского советника госпожи Е.А.

Смолевской. В этой школе обучалось 28 девиц³⁹⁰. 25 сентября 1909 г. в с. Прасковее открылось частное учебное заведение 2 разряда (прогимназия) домашней учительницы госпожи Н. Ф. Шидловской. Это учебное заведение было рассчитано на детей обоего пола до 11 лет. Дальше обучались одни девицы. Обучение велось по программам правительственных средних учебных заведений как мужских так и женских. Школа рассчитана на 100 детей. Плата за обучение - 100 р. в год. В этом же учебном году школу посетил инспектор народных училищ Соколов и констатировал, что, «учебное дело в учебном заведении госпожи Шидловской в общем поставлено вполне удовлетворительно. Видно, что весь учащий персонал занимается с усердием». Инспектор отметил следующие недочеты - это недостаток

391

в наглядных пособиях и в том, что у учащихся нет «однообразия в одежде» . Преподавателями в прогимназии Шидловской работали: законоучитель священник Тиров, преподавательницы - Н.Ф. Шидловская, А.И. Давыдова, К.А. Глазуновская,

392

Орфенова .

В Прасковее также известно подготовительное частное училище для детей обоего пола госпожи М.Г. Сандецкой. В Ставрополе были учебные заведения смешанного типа 3-го разряда Ивановой, открывшееся в 1889 г., Семеновой - в 1879 г., Карягиной. Директор народных училищ Ставропольской губернии господин Леденев, посетив эти учебные заведения в 1909 г., сообщал попечителю Кавказского учебного округа, что «учебные заведения Ивановой и Семеновой противоречат закону и не могут далее оставаться в таком виде. Учебное заведение Карягиной во всех

отношениях поставлено прекрасно. Пять девочек живут у нее в настоящее время и помещаются не в особом помещении, а в комнатах, занимаемых самой госпожой Карягиной и её 4 сестрами. Этот способ содержания воспитанниц представляется скорее семейным, чем пансионным, и я предлагал бы возможным его сохранить. Все учащиеся малолетние, содержание живущих образцовое»³⁹³. Указанные учебные заведения не соответствовали общепринятым нормам и закону о частных учебных заведениях. Это были, как правило, небольшие по количеству учащихся школы - от 4 до 11 человек.

В Кубанской области известны частные учебные заведения Посполитаки, Поповой (профессиональные) - в Екатеринодаре, в Майкопе общеобразовательное учебное заведение 3 разряда господина Очаковского, в Майкопе такие же школы Домашевской и Собалева.

С 1909 г. по предложению Министерства народного просвещения попечителю Кавказского учебного округа выпускники частных учебных заведений не имели права подвергаться выпускным экзаменам. Это означало, что, проучившись в частной школе, ученики должны были сдавать выпускные экзамены в учебных заведениях МНП, только после этого они могли получить документ об окончании среднего учебного заведения. Такой закон вызвал массу недовольства среди родителей и содержателей учебных заведений. Он привел к сокращению количества учеников в частных школах.

Многие частные школы, работавшие в последней трети XIX в, больше напоминали репетиторские курсы. Их открывали выпускницы гимназий и столичных высших учебных заведений для дополнительных или подготовительных занятий с детьми чаще всего обоего пола.

Так, частное учебное заведение Соколовой Е.И. работало с 1876 г. во Владикавказе. Судя по отчетам этой дамы, дети обоего пола, обучающиеся в разных учебных заведениях или готовые поступать, куда-либо

приходили к ней в назначенное время для репетирования отдельных предметов³⁹⁶. В 1888 г. в Грозном было известно частное учебное заведение 3 разряда Чернолузской, где и содержательницей и учительницей была указанная дама, во Владикавказе это было

397

училище Серебряковой Л.С., в Моздоке - училище Н. Благовещенской .

Таким образом, частное среднее образование во второй половине XIX - начале XX вв, получило довольно широкое распространение на Северном Кавказе, оно сыграло определенную роль в развитии женского среднего образования, однако качество преподавания в подобных учреждениях намного уступало средним учебным заведениям государственных ведомств.

Подводя итог сказанному, сделаем следующий вывод. Женское среднее образование во второй половине XIX - начале XX вв. прошло несколько этапов. В 1850-е-1870-е гг. - организация среднего женского образования на частной инициативе, образование первых школ, широкое распространение частных учебных заведений; второй период - 1870-е - 1900 гг. - преобразование в средние учебные заведения имеющихся училищ; 1900-1917 гг. - широкое распространение женского образования, профессиональная направленность женской школы. Во многом это связано с именем попечителя Кавказского учебного округа Н. Рудольфа. В начале XX в. все больше субсидий на развитие женского образования выделяется государством, хотя в сравнении с мужскими гимназиями приоритет оставался за последними.

Открытие новых гимназий имело прогрессивное значение для всех жителей Северного Кавказа. Среднее образование становится все ближе к народу. Благодаря субсидиям, выделяемым местными обществами и городами, МНП, благотворителями, все больше учениц так называемых низших слоев могли учиться в гимназии, как в качестве приходящих учениц, так и в качестве пансионеров.

Итак, на Северном Кавказе во второй половине XIX - начале XX вв. происходит становление женского образования, наблюдается неуклонный рост количества женских учебных заведений. Здесь действовали следующие типы женских средних учебных заведений: гимназии - Мариинские, МНП и частные учебные заведения.

Мариинские финансировались ведомством Императрицы Марии. В них, в основном, обучались дети привилегированных сословий, хотя официально они, как и другие гимназии, были объявлены бессословными. На Северном Кавказе это Грозненское Мариинское женское училище, Темрюкское женское Мариинское училище, Анапское женское Мариинское училище и Кубанский Мариинский женский институт. Само название последнего, предполагало, что там обучались дочери дворян и представителей войскового сословия.

Самой многочисленной группой являлись гимназии МНП. Они финансировались Министерством, городскими обществами, благотворительными организациями и частными лицами. К 1920 г. на Северном Кавказе было более 30 подобных гимназий. (См. приложение 2)

Частные учебные заведения были 1, 2 и 3 разряда. В отличие от центральных областей, здесь частные школы не могли конкурировать с министерскими и Мариинскими. Очень часто большую часть учебных дисциплин преподавали сами устроители и устроительницы школ. Подчас они напоминали обычные репетиторские курсы.

§3. Специальные и профессиональные образовательные учреждения для женщин на Северном Кавказе

В конце XIX в. в России началось активное вовлечение в производство большого числа женщин. В связи с этим возникла острая потребность в получении женщинами профессионального образования. Женские профессиональные школы в Российской Империи в конце XIX -

начале XX в. были весьма разнородны и не имели общей системы обучения.

Изученный материал, дает возможность выделить школы, курсы и училища, в которые принимали по окончании средних учебных заведений и такие, для обучения в которых не требовалось среднего образования. Кроме того, к профессиональному образованию в то время относили и профессиональные классы и училища, в которых обучали ремеслам, а также различные курсы, для поступления на которые не было ни образовательного, ни возрастного ценза - это курсы мастериц швейного дела, кулинарные и курсы домоводства. К первым относились учебные заведения интеллигентных профессий - медицинские, фармацевтические, телеграфные, коммерческие школы. В практике того времени такие учебные заведения называли «специальными». Ко вторым относились школы, в которых обучались ремесленному и промышленному делу, они получили названия «профессиональных». Последние первоначально были организованы, в основном, частными лицами и имели цель не столько дать образование женщине, сколько пополнить знания домохозяек.

Согласно статистике, всех специальных женских учебных заведений на 20 марта 1880 г., было в 50-ти губерниях Европейской России и 10 губерниях Привисляндских - 41; учащихся в них было 2840, учащихся - 184, израсходовано на них в 1879 г. 268053 рубля. В этих учебных заведениях обучались, в основном, лица православного вероисповедания (82%), других - 18%. «Лиц магометанского вероисповедания нет вообще, это объясняется тем, что образования среди женщин данных исповеданий почти совсем не существует, не только специального, но и общего среднего»³⁹⁸.

Состояние женского профессионального образования на Северном Кавказе отличалось от его состояния в Европейской России. Если в Центральной России женские профессиональные школы организовывали начиная с 70-80 гг. XIX в., то на Северном Кавказе наибольшее число открытых специальных учебных заведений для лиц женского пола

приходится на начало XX в. Как и в Европейской части России, женские специальные и профессиональные учебные учреждения инициировались и открывались первоначально на частной и коммерческой основе. Их работу организовывали, в основном, различные благотворительные, просветительные или профессиональные общества. На Северном Кавказе в конце XIX - начале XX в. существовали все три перечисленные категории женского профессионального образования. Надо отметить, что Высших учебных заведений, где женщины могли бы получать высшее специальное и профессиональное образование, в изучаемое время на Северном Кавказе не было. Но девушки отправлялись получать его в С-Петербург, Москву, Харьков и другие студенческие города. Высшее образование было платным для всех. Однако, многие желающие получить высшее образование девушки могли обучаться на средства казачьего войска. Согласно отчету начальника Терской области, в 1895 г. из области в высших учебных заведениях России обучалось 11 девушек, на средства Терского казачьего войска - 2, остальные за свой счет,³⁹⁹ в 1910 г. было 8 студенток, 6 из них обучались на средства войска⁴⁰⁰. В Кубанской области в 1900 г. также не было высших учебных заведений, в столичных вузах обучалось всего 223 человека, войсковых стипендиатов 20 человек, из них только 3 девушки, обучавшиеся на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге⁴⁰¹. В 1910 г. из 320 учащихся в вузах - 24 стипендиата войсковых и из них - 7 женщин⁴⁰². В 1915 г. в высших учебных заведениях страны уроженцев Кубанской области обучалось 219 мужчин и 41 женщина. На средства войска обучалось всего 28 человек, из них 5 женщин. С каждым годом число обучающихся в высших учебных заведениях увеличивалось, однако расходы на женское высшее образование были ничтожно малы⁴⁰³. Кроме средств войска можно было получить на обучение субсидии от города. Так, в 1910 г. дочь крестьянина некая Трахимович Станислава Мартыновна, выпускница 1-й Екатеринодарской гимназии, обратилась к городскому

голове города Екатеринодара с прошением дать ей стипендию для обучения на Высших женских

404

курсах в г. Москве .

Эта стипендия выдавалась на определенный срок, выпускница учебного заведения должна была вернуть потраченную на нее сумму городу в течение оговоренного срока. Просительница давала расписку о том, что она обязывалась вернуть указанную сумму частями. Кроме того, она должна была предоставить сведения о доходах своей семьи и убедить городскую думу, что денег на обучение в семье действительно нет. Каждый год городская управа делала запрос на своих стипендиатов в учебные заведения, которые присылали отчеты об успехах студентов. После этого очередная сумма за учебный год направлялась стипендиатам города, которые вносили её за обучение. Из материалов дела видно, что указанная Трахимович прилежно обучалась на Высших женских курсах в Москве на историко-филологическом факультете и все годы её обучения город

405

выдавал ей стипендию .

Однако, не так много женщин пользовались подобными стипендиями. Нельзя сказать, что войсковое начальство или городская управа ставили какие-либо препоны в получении женщинами образования. Политика распределения средств на образование была ориентирована в большей степени на подготовку учительниц со среднеспециальным образованием. Не секрет, что многие девушки, окончившие Высшие женские курсы, не возвращались на родину и не работали по специальности, тем самым не оправдывая затраченных на них средств.

С 70-х гг. XIX в. во многих женских гимназиях и епархиальных училищах Северного Кавказа открывались 8-е дополнительные педагогические классы. Согласно отчету Попечителя Кавказского учебного округа за 1882 г., в округе было 6 женских гимназий и 6 прогимназий ведомства МНП. Из них на Северном Кавказе отмечено три женские

гимназии - Ставропольская Ольгинская гимназия (1876), Ставропольская женская гимназия св. Александры (1849) и Владикавказская женская Ольгинская гимназия (1861). В первой и последней существовал 8-й педагогический класс, по окончании которого можно было получить звание домашней наставницы или учительницы начальных училищ⁴⁰⁶. В Кубанской области до 1900 года работали 2 женские гимназии с педагогическим классом: Кубанская войсковая женская гимназия в Екатеринодаре (1863)⁴⁰⁷, Екатеринодарская городская женская гимназия (1884)⁴⁰⁸. В Терской области до 1900 г. были открыты следующие учебные заведения, дававшие звания учительниц: Владикавказская Ольгинская гимназия (1861, гимназия с 1874), Пятигорская женская прогимназия (1892)⁴⁰⁹. Кроме того, профессию учительницы можно было получить в трех Епархиальных женских училищах: Ставропольском (1875)⁴¹⁰, Екатеринодарском (1894)⁴¹¹, и Владикавказском (1894)⁴¹².

В первые 2 десятилетия XX в. резко изменилось в лучшую сторону положение в женском образовании на Северном Кавказе. Открылось множество женских учебных заведений: низших, средних и профессиональных. Это связано с изменениями в правительственной политике по отношению к женскому вопросу, а также с осознанием пользы для общества и государства женского образования региональными представителями власти.

Согласно списку учебных заведений ведомства МНП, в 1909 г. на Северном Кавказе правительственных средних учебных заведений (гимназий и прогимназий) для женщин было около 30⁴¹³. Примерно в 20-ти из них работал 8 педагогический класс. За 27 лет, с момента открытия первых педагогических классов на Северном Кавказе, возможность для женщины получить специальное педагогическое образование увеличилось более чем в 3,5 раза.

1 сентября 1909 г. была открыта первая в Российской империи женская учительская семинария в г. Екатеринодаре, в 1913 г. преобразованная в Женский Педагогический институт⁴¹⁴.

Во Владикавказе в 1916 г. женское училище (Осетинская женская школа Аксо Колиева (1862) было преобразовано в женскую педагогическую школу⁴¹⁵. Выпускницы этого учебного заведения и до переименования получали право преподавать в начальных училищах. Педагогическая направленность школы сложилась изначально. Это первая школа в Северной Осетии, открывшаяся тогда, когда только самые смелые девушки в национальных регионах решались получить знания, полезные для дальнейшей самостоятельной деятельности. Первые выпускницы этой школы в большинстве своем шли работать учительницами в приходские школы. Так писала газета «Терек» об этом учебном заведении в 1913 г.: «За время существования школу окончило около 500 учениц. Большинство из них по окончании получают места учительниц в осетинских церковно-приходских школах, как-то по инерции неся миссию русификаторш края»⁴¹⁶.

За 1900-1917 г. только в Екатеринодаре открылись еще в трех женских гимназиях педагогические классы: 3-я Екатеринодарская женская гимназия (1911); 4-я Екатеринодарская женская гимназия (1914), 5-я Екатеринодарская женская гимназия (1912)⁴¹⁷. Кроме того, педагогические классы были в Армавирской

женской гимназии (1901), в Ставропольской (1905 г) 3-ей женской гимназии, в Петровской женской гимназии (1912), в Воронцово-Александровской женской гимназии (1913).

В Терской области также как в Ставропольской губернии и Кубанской области, ощущался недостаток в педагогах. Поэтому здесь тоже

шел активный процесс увеличения числа средних учебных заведений с педагогическим уклоном.

За 1900-1917 г. здесь были открыты следующие учебные заведения с педагогическими классами: в 1905 г. во Владикавказе - 2-я женская гимназия, в 1916 г. Владикавказское 3-х классное женское училище, по инициативе В.Г. Шредерс было преобразовано в гимназию, с 8-м дополнительным педагогическим классом;⁴¹⁹ в 1902 г - Грозненская женская гимназия, Кисловодская женская прогимназия в 1905, Минераловодская женская гимназия - 1911, Кизлярская женская гимназия - 1912⁴²⁰.

Надо отметить, что попечителем Кавказского учебного округа Н. Рудольфом в 1914 г. был поднят вопрос и развернута дискуссия о дальнейшем развитии женского образования вообще и профессионального в частности. Циркулярным предложением Попечителя Кавказского учебного округа от 29 января 1914 г. за № 2941 были обозначены проблемы из четырех пунктов. Циркуляр был направлен в женские учебные заведения с предложением педагогическим советам отозваться на решения этих задач. Это были предложения по организации при женских гимназиях: 1) начальных училищ для подготовки лиц, проходящих курс педагогического дополнительного класса; 2) дополнительных классов, с двухгодичным курсом учения; 3) специальных двухгодичных педагогических курсов для подготовки начальных учительниц из лиц, окончивших прогимназические классы; 4) профессиональных классов или отделений: коммерческих, почтово-телеграфных, домоводственных, по отраслям сельского хозяйства, прикладных искусств и т.п. Попечитель отмечал, что, отвечая на поставленные вопросы, педагогические и попечительные советы женских

гимназий всесторонне осветили их .

В 1892 г. одногодичные дополнительные классы женских гимназий были всюду преобразованы в двухгодичные. С этого времени открытие одногодичных классов не разрешалось до 1905 г., когда Министерство народного просвещения разрешило преобразовать, по желанию педагогических и попечительных советов, двухгодичные классы в одногодичные.

В этом разрешении (7 августа 1905 г. за № 11363) Министерство указывало, что мотивом к означенной замене курсов послужили неоднократные заявления «со стороны родителей, общественных управлений, Попечительных советов и учащихся о желательности замены двухгодичного курса дополнительного класса женских гимназий одногодичным»⁴²². Согласно этому распоряжению в Кавказском учебном округе с 1905-1906 уч. г. дополнительные классы были преобразованы в одногодичные, за исключением Бакинской Мариинской 1-й женской гимназии и Екатеринодарской Екатерининской 1-й женской гимназии. Так, с сожалением отмечает Н. Рудольф, под натиском волны освободительного движения 1905 г. и в угоду меньшинства делается сокращение той или иной части гимназического курса, которая давала возможность лучше подготовиться к практической деятельности за

423

порогом средней школы. Отвечая на 3-й поставленный вопрос попечителя, большинство гимназий высказались за увеличение курса дополнительного класса до 2 лет.

После изменения «узаконений о женских гимназиях» 1916 г. многие гимназии вместо 8-го дополнительного класса открыли двухгодичные педагогические курсы с несколькими отделениями, дававшими специализацию по определенным предметам. По окончании таких курсов выпускницам присваивалось звание учительницы Высшего начального училища (такое же, как после сдачи экстерном экзаменов в учительских институтах). Так в 1917 г. 8 класс 1-й Екатеринодарской женской гимназии

(бывшая Кубанская войсковая женская гимназия) был преобразован в педагогические курсы с двухгодичным обучением. Он имел три отделения: историко-словесное, физико-математическое, естественно-историческое.

Кроме указанных путей приобретения специального педагогического образования был широко распространен следующий. При мужских учебных заведениях создавались комитеты для производства испытаний на звание учителя (учительницы) высшего начального училища. В циркулярах попечителя Кавказского учебного округа отмечается, что в 1913 г. такие комитеты были открыты в следующих городах: Елисаветполе, Баку, Петровске, Пятигорске, Армавире, Майкопе, Екатеринодаре, Новороссийске, Батуме, Эриване, Ейске, Владикавказе, Тифлисе, Ставрополе⁴²⁴.

425

В 1910 г. открылись в Майкопе, в 1912 - в Ставрополе, в 1913 во Владикавказе⁴²⁶ учительские институты. Хотя женщины не обучались на очных отделениях этих учебных заведений, они могли сдать экзамены на базе институтов на звание учительницы Высшего начального училища по избранным предметам. Так, в 1914 г. было подано 21 прошение на имя Директора Ставропольского учительского института от учительниц низших начальных училищ, выпускниц восьмого дополнительного класса женских гимназий и епархиальных училищ Кубани и Ставрополья. Все были допущены к испытаниям, 17 из них, успешно сдав экзамены, получили звание учительницы Высшего начального училища. Двое из них получили специальность «история», 1 - «естественная история и география»,

427

остальные «русский язык» и «математика». В 1916 г. было подано 8 прошений, 6 из соискательниц получили искомое звание, двое не прошли испытание и в получении звания им было отказано⁴²⁸. Надо отметить, что пройти испытания было очень не просто. Например, чтобы получить звание учительницы Высшего начального училища по специальности «русский

язык», надо было сдать экзамены по педагогике, «методике русского языка», «методике арифметики» и успешно провести пробные уроки по избранной специальности в училище при Учительском институте в незнакомой аудитории. Причем, судя по представленным в фонде письменным работам, к оценке знаний экзаменаторы относились весьма строго.

Звание учительницы можно было получить и на специальных курсах для «учителей и учительниц», организуемых Управлением Кавказского учебного округа на базе учительских институтов и женских гимназий и других учебных заведений. Окончание этих курсов давало право преподавать в высших начальных училищах. На занятиях курсов можно было также повысить уровень знаний или получить дополнительную педагогическую специальность.

В первом десятилетии XX в. (с 1909 г.) руководством Кавказского учебного округа ежегодно устраивались курсы для учителей и учительниц, по окончании которых они повышали квалификацию или получали специальность. Так, при Управлении Кавказского учебного округа в 1909 г. были открыты курсы гимнастики для учителей. Успешно окончившие курсы получали свидетельство, предоставлявшее право преподавания гимнастики в средних учебных заведениях. Эти курсы были организованы как для учителей, так и для учительниц, однако обучались на этих курсах в основном женщины. В 1912 г. курсы прошли 29 учительниц Кавказского учебного округа, 26 из них получили свидетельства об окончании курсов⁴²⁹. В отчете попечителя Кавказского учебного округа о проведении курсов для учителей и учительниц за 1911 г. отмечалось, что «наиболее широкое развитие получили курсы методического характера: на этих курсах учащие начальных, частью городских училищ могли обновить и углубить свои знания, преимущественно по приемам преподавания предметов из курса низших учебных заведений»⁴³⁰. Эти курсы носили довольно масштабный характер и проходили одновременно в нескольких городах округа.

Например, курсы по отраслям сельского хозяйства, а именно - по консервированию и сушке плодов были организованы в Елисаветполе при ремесленном училище, курсы смешанного характера сельскохозяйственные и общеобразовательные для учителей городских училищ и двухклассных были устроены на Северном Кавказе в г. Анапе, курсы ручного труда работали сразу в 4 пунктах - Тифлисе, в Слободе Крымско-солдатской, в м. Хоне при учительской семинарии, в г. Владикавказе. Курсы гимнастики проходили в Тифлисе, при этом автор отмечает, что за 3 года существования этих курсов (1909-1911) в 6 пунктах округа было подготовлено 492 учителя гимнастики, из них - 350 учителей и 142 учительницы. Кроме гимнастики по «скользящей» системе на курсах готовились руководители детских игр. На курсы МНП было отпущено 1500 р, общий расход составил в сумме 11268 р. Кроме того, учителям начальных училищ были устроены командировки на курсы: шелководства и пчеловодства в г. Тифлисе при Шелководственной станции (курсы ежегодные), и сельскохозяйственные курсы в г. Сухуми при опытной станции Министерства землеустройства и земледелия⁴³¹. Попечитель Кавказского учебного округа не без гордости подчеркивает, что с каждым годом число пунктов, на базе которых проходили курсы, росло, количество обучающихся учителей и учительниц увеличивалось. Так, в 1910 г. пунктов работало 20, в 1911 - 23, в 1910 году курсы

432

прошли 1051 чел., а в 1911 - 1426 учителей и учительниц .

С разрешения попечителя Кавказского учебного округа с 1907 г. в Анапе на средства Кубанского казачьего войска проводились ежегодные сельскохозяйственные курсы для учителей и учительниц Кубанской области. Главной целью Анапских курсов было сообщение учителям народных школ Кубанской области теоретических и практических знаний по различным отраслям сельского хозяйства. Учителям читались лекции по земледелию, пчеловодству, виноградарству, виноделию, по вопросу о

вредных насекомых и способах борьбы с ними. В свободное от занятий время учителя слушали лекции по учебно-школьному делу и общеобразовательным предметам. На указанных курсах

433

обучалось 296 человек, из них 183 учителя и 113 учительниц .

Однако, как показывала практика, подготовка дипломированных специалистов не успевала за быстрым ростом новых учебных заведений разного типа. Поэтому, особенно в отдаленных районах, принимали на работу учителей и учительниц с любым званием и образованием. У некоторых даже не было звания учителя, просто человек окончил какое-нибудь учебное заведение и обладал некоторыми навыками преподавания и набором необходимых знаний. Так, например, в Терской области в 1905 г. общее число городских и сельских одноклассных училищ равнялось 163 (41 городское и 122 сельских), в них учительниц, окончивших курс в учебных заведениях - 24 в городских и 14 в сельских, не имеющих учительских свидетельств - 7 человек⁴³⁴. Попечитель Кавказского учебного округа отмечал: «Жизнь показывает, что спрос на учительницу так велик, что едва 60% занимают места лица со специальной подготовкой, - большинство неполноправных или приобретших звание по экзамену или 6-ти месячному стажу на основании ст. 2724. Св. зак. Т. XI.»⁴³⁵.

Как показал исторический анализ, всю вторую половину XIX в. развитие медицины на Северном Кавказе не успевало за количеством роста населения. Катастрофически не хватало врачей и младшего медицинского персонала. Большим уважением пользовались различные знахари и повивальные бабки. Это объясняется малым количеством медицинских учебных заведений в Кавказском крае. В Тифлисскую и Кубанскую фельдшерские школы принимали только мужчин. В 1850 г. на рассмотрении Медицинского департамента был проект Григория Ивановича Пустырникова, казака Донского торгового общества, об

учреждении в г. Ставрополе и Новочеркасске школ для обучения повивальному искусству. Однако, эти школы открыты не были⁴³⁶.

Женское медицинское образование вообще развивалось очень медленными темпами. Первая община сестер милосердия появилась в 1844 г., в Крымскую войну русские женщины из этой общины впервые участвовали как медицинский персонал. В это время женщины показали, что лучше мужчин способны ухаживать за больными и ранеными воинами. Они стали надежными помощницами хирургов и других врачей, которые давали лестные отзывы о сестрах и становились в ряды сторонников получения женщинами высшего медицинского образования. Но первые врачебные курсы для женщин открылись в Санкт-Петербурге только в 1872 г. К 1879 г. медицинское образование женщина могла получить только в 7 пунктах. Это: Женские высшие врачебные курсы в Петербурге; Школа для лекарских помощниц и фельдшериц петербургского лазаретного комитета; Школа фельдшериц Общины св. Георгия в Петербурге; Фельдшерский женский курс Петербургской Покровской общины; Школа фельдшериц воспитательного дома в Санкт-Петербурге и Москве; Мариинская школа для фельдшериц в Москве. К перечисленным заведениям можно отнести ещё 24 общины сестер милосердия, причем на всем Кавказе действовала только одна - Тифлисская женская община сестер милосердия⁴³⁷.

В 1916 г. в университетских городах России только в 5 женских высших учебных заведениях можно было получить высшее медицинское образование: в Петроградском женском медицинском институте; на Московских Высших женских курсах имелось медицинское отделение; Женском медицинском институте в Москве; в медицинском отделении при Высших женских курсах в Киеве; в Харьковском женском медицинском институте .

С 1877 г. при содействии Общества попечения о больных и раненых воинах (с 1879 г. - Общество Красного креста) в городах Северного Кавказа, местными комитетами общества поднимается вопрос об открытии

курсов сестер милосердия в регионе. В некоторых городах Северного Кавказа действовали курсы сестер милосердия именно во время войн: Русско-турецкой 1877-1878 гг, Русско-японской 1904-1905 гг. и I Мировой 1915-1918 гг. Курсы сестер милосердия, как правило, организовывали при госпиталях. Теоретические и практические занятия в них вели практикующие врачи госпиталя.

В 1877 г. в Ставрополе местным Дамским комитетом Красного креста были организованы курсы сестер милосердия. Проводились они на базе Ставропольского военного госпиталя под руководством врачей. Руководителем по медицинской части был главный врач Ставропольского военного госпиталя доктор медицины, действительный статский советник г. Скоковский⁴³⁹.

По окончании войны приобретенные знания и навыки женщины - сестры милосердия могли применять, работая сиделками, или продолжать свою деятельность в госпиталях и больницах городов Северного Кавказа.

Как правило, по окончании войны такие курсы заканчивали свою работу, однако, как показала практика, существовала острая необходимость в действии постоянных медицинских курсов для женщин.

Еще в 1844 г. в Санкт-Петербурге была создана принцессой Терезой (внучка Российского Императора Павла I) первая в Европе женская община (Свято-Троицкая), сестер милосердия, которые самоотверженно трудились в период Крымской войны (1853-1856 гг). По примеру Санкт-Петербургской общины на

Северном Кавказе силами местных комитетов Красного креста в конце XIX - начале XX в. создаются такие общины.

О необходимости открытия в Екатеринодаре Кубанской общины сестер милосердия заговорили в 1892 г. В этом же году была создана особая комиссия при Кубанском местном управлении Российского общества Красного креста. Был выработан устав общины, утвержденный главным управлением общества 1 декабря 1893 г. Открытие Кубанской общины

сестер милосердия состоялось 7 июня 1894 г. в г. Екатеринодаре⁴⁴⁰. Учреждение этого заведения немного облегчило острое положение с нехваткой медицинского персонала. Главной целью его было - дать медицинские знания девушкам, желавшим посвятить себя делу помощи больным и раненым. В первый год было принято 5 испытуемых и 1 сестра милосердия, получившая это звание от Керченского местного управления. Для ведения занятий по обучению и подготовке к уходу за больными сестер и испытуемых был избран доктор медицины А.Н. Скворцов, для наблюдения за религиозно-нравственным развитием, преподавания им Закона Божия и «наставления их в правилах веры» - священник о. Григорий Виноградов⁴⁴¹. Обучение испытуемых велось по программе, принятой 19 февраля 1882 г. Главным управлением Красного креста. Кроме практического курса испытуемые изучали следующие предметы: Закон Божий, анатомию, физиологию, общую и частную патологию, уход за больными и ранеными, уход за роженицами и детьми, гигиену, хирургию, фармацию, фармакологию и рецептуру, оказание помощи в экстренных случаях⁴⁴². По окончании обучения испытуемые сдавали экзамены по всем изучаемым предметам и практике в присутствии комиссии, состоящей из попечителей общины и преподавателей курсов. В случае успешно показанных знаний, испытуемые получали звание сестры милосердия и только после этого могли направляться в командировки или распределялись по городским и станичным больницам и частным домам для ухода за больными.

В 1913 г. при общине открылись первые курсы «запасных сестер военного времени», на которые записались 24 слушательницы. К 1915 г. по спискам общины уже числилось 47 штатных сестер милосердия и 16 испытуемых, 2 запасных, 25 запасных сестер военного времени и 39 сестер милосердия военного времени, из которых 1 штатная и 16 испытуемых находились в интернате общины и в командировках. Во время I Мировой войны в 1915 г. на театр военных действий

было отправлено 117 сестер милосердия - выпускниц Кубанской общины Сестер

443

милосердия .

В 1902 г. в Пятигорске начала работу Община сестер милосердия местного отделения Красного креста. В 1907 г. в общине служило и обучалось 16 сестер и испытуемых. Сестрой-настоятельницей общины была И. Образцова⁴⁴⁴.

В начале I Мировой войны с первым потоком раненых в города Северного Кавказа, обнаружилась острая необходимость в медицинском персонале. Местными властями был поставлен вопрос об ускоренном выпуске фельдшеров, сестер милосердия и санитарок по уходу за больными и ранеными. На заседании общего собрания членов местного отдела общества Красного креста 24 июля 1914 г. было принято решение об организации одногодичных курсов по подготовке сестер милосердия и указано, что шестинедельные курсы не разрешаются, исходя

445

из опыта русско-японской войны .

На курсы принимали девушек с образованием не ниже четырех классов гимназии. Всего было подано 81 заявление, хотя вначале планировалось принять не более 30 человек. В итоге было сформировано две группы, в которые зачислили 66 человек. В их числе было немало детей крупных чиновников, предпринимателей, представителей интеллигенции: дочь губернатора Елена Мавило, дочь генерала в отставке Софья Мачканина, родственница вице-губернатора Ширвашидзе. Занятия на курсах вели лучшие врачи г. Ставрополя. Когда основной теоретический курс был пройден, с 27 августа 1914 г. слушательниц распределили по госпиталям. Им было назначено содержание в 20 рублей в месяц и стол от госпиталей⁴⁴⁶.

Однако, при сложившейся ситуации на фронте, Главное управление Российского общества Красного креста телеграммой от 14 сентября 1914 г. обязало ставропольское местное управление того же общества односторонние курсы подготовки сестер милосердия сократить до 2-х месяцев, курсы сиделок также

447

довести до 2 месячного срока .

На этих курсах учащимся преподавали такие дисциплины, как физиология, анатомия, хирургия, учение о перевязках, о лекарствах, уход за больными, внутренние болезни, «заразные» болезни, «душевные» болезни. Слушатели курсов в период учебного процесса регулярно дежурили в госпиталях. Опыт по ускоренной подготовке сестер милосердия показал, что это наиболее приемлемый путь обеспечения госпиталей медицинским персоналом. Поэтому съездом городских глав Кавказского края в сентябре 1914 г. было возбуждено ходатайство перед Кавказским окружным управлением Красного креста увеличить число курсов

448

сестер милосердия .

В 1914 г. в Ставрополе была создана фельдшерско-акушерская школа, с четырехлетним курсом обучения. Школа готовила «сведущих и опытных фельдшериц и повивальных бабок I разряда». Сюда принимали лиц женского пола без сословного и конфессионального ценза, достигших 16 летнего возраста, с образованием не ниже 4-х классов гимназии. Плата за обучение была невысокой - 10 рублей в год⁴⁴⁹. Школа пользовалась большой популярностью среди жителей Северного Кавказа. В первый год существования было принято 50 девушек, во втором учебном году на первый курс поступила 61 ученица⁴⁵⁰, в 1916/1917 уч.году было принято на первый курс 35 девушек⁴⁵¹. В первые два года работы школы, в ней обучались женщины преимущественно православного вероисповедания, были также лютеранского, армяно-григорианского, и иудейского

вероисповеданий. В 1916/1917 уч. г. в педагогический совет фельдшерско-акушерской школы поступило прошение кабардинки Саровой, с просьбой принять её без предоставления документов об образовании. В протоколе заседания педагогического совета школы отмечалось: «Совет, признавая исключительное положение Саровой, которая, в случае окончания фельдшерской школы будет пионеркой в деле проникновения в мусульманскую среду кабардинцев медицинских знаний, единогласно постановил возбудить ходатайство о разрешении принять Сарову без предоставления документов об образовании» . Однако, это чуть ли не единственный случай, в изучаемый период, когда женщина-мусульманка решилась получить профессиональное медицинское образование. Тем не менее, само прошение и решение педагогического совета говорит о проникновении в женскую мусульманскую среду желания и возможности занять место в обществе не только как жены и матери, но и как специалиста социально-значимой профессии.

Что касается профессиональных учебных заведений промышленных и ремесленных специальностей, то здесь вырисовывается следующая картина. В 1888 г. при Министерстве народного Просвещения была учреждена особая комиссия по вопросам женского профессионального образования. Комиссия, изучив фактическое состояние этого дела и отметив, что число существующих женских специальных школ «ничтожно», разработала проект закона и «Положение о женском профессиональном образовании в России». Предполагалось организовывать женские специальные школы семи и четырехгодичные. Но, ни проект закона, ни «Положение» так и не были приняты. Фактическое состояние женского профессионального образования в стране перед I Мировой войной было так охарактеризовано в объяснительной записке к новому проекту «Положения о женских профессиональных учебных заведениях», представленному Министерством народного просвещения в Государственную думу 18 февраля 1914 г.: «Женское профессиональное

образование в России не организовано, и развито в весьма недостаточных размерах. Законоположения, касающиеся народного просвещения, не предусматривают ни общих руководящих начал, ни способов для распространения и правильной постановки сего образования. Существующие ныне в незначительном числе учебные заведения для профессионального образования женщин обязаны своим учреждениям преимущественно частной инициативе: открываясь и развиваясь без определенного плана, они остаются не объединенными и в большинстве случаев не имеют ни ясно выраженной цели преподавания, ни твердо установившегося учебного курса, ни соответственной организации»⁴⁵³. В проекте упомянутого «Положения» предусматривалась организация следующих шести типов женских профессиональных школ и классов: 1) рукодельные классы и профессиональные отделения при женских средних и низших общеобразовательных школах; 2) профессиональные школы; 3) ремесленные училища; 4) профессиональные училища; 5) профессиональные гимназии; 6) курсы профессиональных знаний.

Однако, этот проект реформы не был проведен. По собранным И.Н. Михайловым сведениям на 1 января 1901 г. по всей России насчитывалось всего лишь 129 женских профессиональных школ, где обучалось около 10 тысяч человек. Только в 9-ти из этих женских учебных заведений давалась, кроме специальных знаний, общеобразовательная подготовка за курс женской гимназии, в 26 -ти - за курс женской прогимназии и в 69 -ти школах общеобразовательные предметы вовсе не преподавались⁴⁵⁴.

Различны были взгляды на цели профессионального образования женщин в России, а также на виды ремесел, которым «непредосудительно» обучать женщин. Подавляющее большинство деятелей в области женского образования считало, что женщинам наиболее пристойны ремесла, полезные и необходимые в домашнем обиходе. Только немногие понимали необходимость готовить женщин к квалифицированному труду на промышленных предприятиях страны. В подавляющем большинстве в

профессиональных женских школах и на курсах дореволюционной России женщин обучали белошвейному, вышивальному, вязальному, кружевному, портновскому и некоторым другим ремеслам, которые считались женскими профессиями⁴⁵⁵.

В 70-е годы XIX в. в Русском техническом обществе в С-Петербурге на заседаниях, проходивших в марте - мае 1879 г., был поднят вопрос о женском профессиональном образовании. Была создана подкомиссия, которая выработала проект положения о женских профессиональных школах, проект был разослан по различным учреждениям. Наряду с конкретными предложениями по организации женского профессионального образования, ставились вопросы о его актуальности и цели. Большая часть участников заседания высказались за то, что целью создания профессиональных учебных заведений надо считать «правильное и основательное обучение девушек занятиям и ремеслам, как полезным в домашнем быту, так и могущим обеспечить самостоятельный заработок»⁴⁵⁶.

В столичных городах женские профессиональные школы стали открывать в 70-е гг. XIX в. Они были ориентированы на девушек низших сословий и создавались частными лицами и различными обществами, такими как Женское патриотическое общество, Общество для поощрения трудолюбия, уже упомянутое Русское техническое общество и др. Так, в 1872 г. была открыта женская ремесленная школа в Санкт-Петербурге Женским патриотическим обществом. Целью этой школы было «дать возможность некоторым сиротам, призреваемым Женским патриотическим обществом, получить разностороннее ремесленное образование, систематически преподаваемое». Для поступления в школу требовалось уметь читать и писать по-русски, иметь первоначальное понятие об арифметике, элементарное познание в рукоделии. Полный курс обучения длился 2 года, из общеобразовательных предметов преподавались: Закон Божий, русский язык, арифметика, практический обзор всех частей света и описание России, история России, рисование. Специальные дисциплины: дамское

портное дело, белошвейное, корсетное, различные системы шитья на машине. По окончании учебного заведения выпускницы, окончившие с отличием, получали диплом и 43 рубля,

4
5
7

остальные - свидетельство о том, что окончили двухлетний курс в заведении .

На Северном Кавказе в конце XIX в. действовали, в основном, рукодельные классы при женских гимназиях и курсы швей, организуемые благотворительными и просветительными обществами.

Так, в 1899 г. Ставропольским обществом содействия воспитанию и защите детей был открыт приют для девочек и учебная мастерская, основная цель которой - научить девочек приюта основам швейного дела. Однако, в мастерскую принимались и приходящие ученицы, которые платили за обучение. В отчете общества за 1899 г. отмечалось, что школа открыта на 100 учениц, 60 бесплатных и 40 платных. Платят ученицы за 9 месяцев по 2 рубля в месяц, взрослые по 5 рублей в месяц⁴⁵⁸. Желавших было так много, что существовала целая очередь, состоящая из 50 человек - кандидаток. В учебную мастерскую швейного дела принимались ученицами лица, окончившие начальную школу или обучающиеся в воскресных школах. Это учебное заведение готовило мастеров по пошиву нижнего белья и мастеров по пошиву дамского платья. По возрасту, девочки были разделены на три группы.

Для получения дополнительной профессии многие девочки - гимназистки обучались швейному делу в этой мастерской. В отчете за 1911 г. отмечалось, что за последние 4 года часть учениц мастерской были также ученицами Ставропольских гимназий и епархиального училища⁴⁵⁹. Большая часть учениц были представительницами низших сословий. Так, в 1915 г. в этой мастерской обучались девушки крестьянского сословия - 25 чел, мещанки - 82, детей чиновников - 3 чел, казачьего сословия - 1, дворянок -

1⁴⁶⁰. За время обучения в мастерской преподаватели школы и учредители старались организовать и культурный досуг детям, устраивали совместно с ученицами вечера, водили их на спектакли и народные гуляния, благотворительные вечера. На новогодние праздники для них была устроена ёлка в женской воскресной школе «Общества содействия воспитанию и защите детей», прогулки в лес «с угощением и чаем». Учебная мастерская указанного общества просуществовала вплоть до 1917 г. и дала образование более 1000 девушкам и женщинам из бедных слоев Ставрополя.

В Ставрополе работала Женская профессиональная школа швей при Иоанно-Марьинском женском монастыре, где обучали белошвейному делу и пошиву платьев. Она содержалась на средства монастыря и благотворителей⁴⁶¹.

В 1909 г. попечителем Кавказского учебного округа Н.Ф. Рудольфом составляется «План дальнейшего насаждения промышленного образования в Кавказском крае», который являлся, по сути, планом развития профессионального образования на Кавказе. Уже в 1910 г. в Пятигорске была проведена сводная выставка ученических изделий промышленных учебных заведений Кавказского учебного округа. Здесь были представлены работы мужских и женских учебных заведений. Организаторы выставки ставили задачу не только «проверить правильность применяемых методов обучения», но и собрать данные о новых

2

462

открываемых учебных заведениях .

По данным организаторов второй выставки, которая также проходила в Пятигорске, в 1914 г. на Северном Кавказе женских профессиональных учебных заведений всего было 50. В отчете они разделялись на женские профессиональные школы, их всего 4 - Ейская женская профессиональная школа рукоделия; 1-я Екатеринодарская школа кройки и шитья; 2-я Екатеринодарская школа кройки и шитья, Пластуновская женская

профессиональная школа рукоделия и женские профессиональные отделения и классы, которых 46⁴⁶³. В упомянутом выше циркуляре Попечителя Кавказского учебного округа 1914 года от 29 января № 2941, четвертым пунктом предлагался вопрос о целесообразности создания профессиональных классов или отделений: коммерческих, почтово-телеграфных, домоводственных, по отраслям сельского хозяйства, прикладных искусств на базе женских гимназий. Большинство гимназий округа высказалось за открытие таких курсов и только 18,2 % высказались против⁴⁶⁴.

Педагогические советы Ставропольских женских гимназий св. Александры и Ольгинская отметили то явление, что далеко не все выпускницы 7-го класса женских гимназий поступали в 8-й дополнительный специальный педагогический класс: некоторые из них, по разным причинам, довольствовались окончанием курса семи классов и по выходе из гимназии посвящали себя практической деятельности. Девушки поступали на службу в магазины, конторы, казенные учреждения в качестве переписчиц, телеграфисток и т.п. Среди учениц гимназии была и такая категория лиц, которые не имели склонности к педагогической деятельности но, все - таки поступали в 8-й дополнительный класс. Для одних педагогическая деятельность была едва ли ни единственным средством обеспечить себя заработком. Для других окончание 8-го педагогического класса было ступенью к высшему образованию. Исходя из этих соображений, педагогические советы гимназий решили, что бифуркация в курсе гимназии с учреждением профессионального отделения, отвечавшего запросам местной жизни, являлась

465

желательной .

В Ставропольских женских гимназиях воспитывалось свыше 1000 девушек, из которых ежегодно оканчивали полный курс до 80 чел., и, кроме того, 15-20 чел. выходили по разным обстоятельствам, большей частью по

бедности из 5-го и 6-го классов гимназии - следовательно, число всех учениц, оставляющих ежегодно гимназии, доходило до 100. Все они искали заработка, соответствовавшего их образованию. Те девушки, которые окончили в гимназиях не более 4-х младших классов в дальнейшем занимались швейным делом или шли работать горничными и приказчицами. Воспитанницы гимназий, окончившие полный курс, давали частные уроки по домам и этим трудом зарабатывали себе на жизнь. Наиболее доступным для этого средством представлялись бухгалтерские классы, окончившие курс находили бы применение своим знаниям как в пяти Ставропольских банках и находящихся в Ставрополе торговых конторах, так и в крупных селениях, местах

466

скупки зерна и проч . В течение истекшего десятилетия курсы фактически функционировали только три учебных года; в ближайшие после учреждения годы не было подходящего лица для преподавания специальных предметов; просуществовав один год, они по той же причине снова закрылись до 1912 г.⁴⁶⁷ .

Таким образом, бухгалтерские курсы при Ставропольской Ольгинской женской гимназии впервые открылись в 1902 г. и в течение 10 лет работали полноценно всего три года. В 1912-1913-м уч. г. записалось на курсы 34 ученицы, а окончило их 14; в 1913-1914 учебном году записалось 18, а обучалось 8, из которых 4 ученицы 8-го дополнительного класса, а прочие - посторонние лица. Плата

468

взималась только с последних .

В 1914-1915 уч. г. окончило бухгалтерские курсы и получило свидетельства 22 ученицы, из которых 16 человек принадлежали к числу учащихся в местных

женских гимназиях, главным образом это были ученицы Ольгинской женской

гимназии, и 6 человек посторонних .

Остальные женские гимназии Кавказского учебного округа выразили лишь пожелания о том, чтобы на их базах открывались дополнительные профессиональные коммерческие курсы и классы.

Итак, женское специальное и профессиональное образование на Северном Кавказе второй половины XIX - начала XX в. развивалось более медленно, чем в столичных городах и городах центральных губерний. Это было связано, прежде всего, с особенностями социально-экономического развития изучаемого региона. Северный Кавказ во второй половине XIX в. только приступил к строительству мирной жизни после окончания долгой и изнурительной Кавказской войны.

Наиболее востребованной на Северном Кавказе в изучаемый период была педагогическая специальность. В огромном регионе в середине века только начинали открываться начальные учебные заведения, школы грамотности, воскресные школы, тем самым, обнаруживая потребность в специалистах - педагогах, прежде всего. Это нашло отражение и в создании педагогических классов и курсов, дававших возможность получать звания учительниц. В начале XX в. появились специальные педагогические учебные заведения, которые давали женщинам возможность получить более полное профессиональное педагогическое образование. Надо отметить, что недостаточное распространение на Северном Кавказе получило женское медицинское образование, несмотря на то, что острый недостаток медицинских работников, особенно медиков-женщин, ощущался во всех населенных пунктах Северного Кавказа. В первое десятилетие XX в. по мере втягивания Северного Кавказа в общероссийский рынок появилась потребность в специалистах в области бухгалтерии и коммерции, что нашло свое отражение в создании коммерческих классов и курсов этих специальностей.

Хотя, Северный Кавказ в изучаемый период был сельскохозяйственным регионом, женское сельскохозяйственное образование не получило широкого распространения, хотя тенденции его развития наблюдались в первое десятилетие XX в. На Кубани и Ставрополье Сельскохозяйственными обществами открывались временные сельскохозяйственные курсы для всех желающих.

Во второй половине XIX в. большая часть населения Северного Кавказа не пользовалась фабричной одеждой. Женщины из бедных слоев населения ткали и шили одежду для всей семьи сами. В конце XIX - начале XX в. с развитием торговли в городах Северного Кавказа стало возможным приобретать фабричные ткани. В это время наблюдалось повышение жизненного уровня населения, многие мещане и крестьяне могли себе позволить шить вещи на заказ, в связи с чем, стала востребованной профессия швей. Поэтому в конце XIX в. получили широкое распространение учебные мастерские, готовящие швей, модисток и портных.

Итак, как показал исторический анализ, со второй половины XIX - в первое десятилетие XX в. в России наблюдался интенсивный процесс становления и развития женского образования. Как и по всей России, северокавказским обществом была проведена огромная работа по становлению и развитию женского образования на Северном Кавказе. Наибольшее распространение здесь получило начальное образование для женщин. Оно развивалось параллельно с мужским, его содержание ничем не отличалось от последнего. Большой популярностью среди женщин региона пользовались воскресные школы. Для большого числа северокавказских девушек и женщин воскресные школы давали единственную возможность научиться читать и писать. Поскольку образование было платным, приоритет обучения оставался на стороне

мужского пола это связано с патриархальными традициями в семьях, где считалось, что женщине образование не обязательно, а лишь желательно.

Как показал исторический анализ, в начальных учебных заведениях Министерства народного просвещения в основном обучались девочки православного и армяно-григорианского вероисповедания. Начальное женское образование среди мусульман не получило в изучаемом регионе широкого распространения. Девочки наряду с мальчиками обучались в мусульманских школах, двух видов - мектебе и медресе.

На Северном Кавказе во второй половине XIX - начале XX вв. происходило становление и интенсивное развитие среднего женского образования. Здесь действовали следующие типы женских средних учебных заведений: гимназии - Мариинские, МНП и частные учебные заведения. Самой многочисленной группой являлись гимназии МНП. Они финансировались Министерством, городскими обществами, благотворительными организациями и частными лицами. К 1920 г. на Северном Кавказе было более 30 подобных гимназий. Частные учебные заведения были 1, 2 и 3 разряда. В отличие от центральных областей, здесь частные школы не могли конкурировать с министерскими и Мариинскими.

В изучаемый период на Северном Кавказе наряду с указанными, появляются и учебные заведения, дававшие профессиональное образование северокавказским женщинам. Наиболее востребованной в это время оказалась педагогическая специальность, что нашло отражение в росте количества педагогических классов и курсов. В целом, развитие женского образования благоприятно отразилось на повышении уровня самосознания и самооценки женской личности. Полученное образование женщины стремились реализовать. Работая по специальности, женщина могла не бояться остаться без попечения мужа или родственников. Получая специальность, женщина также приобретала возможность реализовать себя в обществе, стать социально значимой личностью.

Глава 3. Социальная активность и профессиональная деятельность женщин на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в.

§ 1. Дамские общества и кружки во второй половине XIX – начале XX вв.

Одним из направлений общественной деятельности женщин Северного Кавказа во второй половине XIX - начала XX вв. было создание и работа женских благотворительных и просветительных обществ. На Северном Кавказе наибольшее распространение они получили в конце XIX начале XX в. Дамские комитеты и общества сыграли огромную роль в развитии образования и просвещения, помощи социально-незащищенным слоям населения региона.

На основе изученного материала, по роду деятельности женские общества можно разделить на благотворительные и прогрессивные. Обе эти группы выполняли просветительские функции. Женские благотворительные общества стали организовываться в городах Северного Кавказа в конце 40-х -начале 50-х гг. XIX в. По целям и задачам женские благотворительные общества, в свою очередь, разделялись на общества, целью которых было организовывать учебные заведения, и общества, основной целью которых была организация помощи социально незащищенным слоям населения и помощь больным и раненым воинам. По сути, последние помогали правительству организовывать госпитали, подготовку медперсонала во время войн и т.д.

К первой группе благотворительных обществ можно отнести одно из старейших обществ, образованное еще в 1849 г. - женское благотворительное общество св. Александры в Ставрополе. Его основательницей стала княгиня Елисавета Ксаверьевна Воронцова, жена наместника на Кавказе. Главной его целью было «учреждение заведения для воспитания и необходимого образования девиц недостаточных

родителей в г. Ставрополе»⁴⁷⁰. До отмены большевиками женских обществ, оно продолжало нести свои обязанности по содержанию женского учебного заведения. Во время войн - Русско-турецкой, Русско-японской и I Мировой общество св. Александры принимало активное участие в подготовке провизии и другой помощи воинам. В повседневной жизни члены общества старались обеспечить воспитанниц женского учебного заведения всем необходимым - дать кров, пищу и образование беднейшим жительницам г. Ставрополя и всего региона. Впоследствии женское учебное заведение, рассчитанное на 40 девушек, стараниями членов общества св. Александры было преобразовано в гимназию с более 300-ми воспитанницами. К первой группе можно отнести и первое женское благотворительное

471

общество в Кубанской области, которое было открыто в 1862 г. В 1860 г. по инициативе Н.С. Иваниной, урожденной Шпилевской, супруги генерал-майора, собрался кружок дам, который поставил себе задачу открыть благотворительное общество для продвижения женского образования на Кубани. Утверждено общество было только через два года, и первой его председательницей стала супруга Наказного атамана Елена Сергеевна Суморокова-Эльстон. Главной целью Екатеринодарского женского благотворительного общества была организация женских учебных заведений на

472

Кубани \ С 1865 г. деятельность общества развернулась в станицах. Общество открыло женские школы в станицах Полтавской, Ладожской, Отрадной, Уманской, Баталпашинской, Андрюковской. Постепенно повышался интерес к образованию девочек среди казачьего населения. В конце 70-80-х гг. XIX в. это стало естественной необходимостью, что позволило обществу, открывая женские школы, передавать их станичным обществам. По отчету общества за 1875 г. на его средства содержались 5 женских одноклассных и двухклассных

473

школ . В 1889 г. в ведении общества было 4 школы, в 1914 г. общество содержало 22 открытые им же школы для девочек. Екатеринодарское женское благотворительное общество являлось пионером в продвижении женского элементарного образования в Кубанской области. Открыв более чем в 30 населенных пунктах школы, оно подготовило население к осознанию того, что образование женщине также необходимо, как и мужчине⁴⁷⁴.

Самую многочисленную группу составили общества, главная цель которых состояла в том, чтобы помогать бедным слоям населения.

Во все времена самыми социально незащищенными слоями населения считаются старики, женщины и дети. Когда государство мало заботится о своих гражданах, они ищут способ получить помощь вне государственных структур. Большую работу в помощи детям проводили дамские благотворительные общества, созданные специально для этого. Пятигорский Дамский кружок образовался в 1904 г., во время Русско-японской войны. Изначально его целью была посильная помощь действующей армии. Когда окончилась война, кружок был переориентирован на помощь работающим женщинам и организовал «Ясли» для детей поденно работающих родителей. В конце 1906 г. на средства кружка был основан ещё и постоянный приют для бедных детей, круглых сирот и полусирот г. Пятигорска. Кружок стал называться «Дамский кружок

475

попечения о бедных детях» . Его пожизненной председательницей стала госпожа А.В. Богданова. Кружок состоял в ведении Комитета попечительства о трудовой помощи состоявшего под августейшим покровительством Её императорского Величества императрицы Александры Федоровны.

С каждым годом количество сирот увеличивалось, и в 1911 г. было решено приобрести собственное здание для приюта. В 1912 г. кружком

призревалось уже 28, а в 1914 г. - 48 детей, оставшихся без родителей. Надо отметить, что дети, попадавшие в подобные приюты воспитывались до 15-17 лет. По достижении этого возраста воспитатели и попечители старались устроить дальнейшую судьбу детей. Нередко на средства общества дети определялись в специальные и профессиональные учебные заведения. Получив профессиональное образование, в дальнейшем бывшие воспитанники приюта могли сами себя обеспечивать. Так, например, в 1912 г. из приюта вышло 2 сирот - Валерий Болейко 14 лет и Евгения Болейко 16 лет. Мальчик был определен в Тифлисскую фельдшерскую школу, девочка окончила Пятигорскую профессиональную школу, выдержала при Владикавказской ремесленной управе экзамен на мастерицу и теперь могла зарабатывать себе на хлеб самостоятельно⁴⁷⁶. Пятигорский дамский кружок попечения о бедных,

47
7

образованный в 1912 г., содержал приют - ясли для детей обоего пола .

3 мая 1914 г. «Состоящий под Высочайшим Императорского Величества покровительством Романовский комитет» направил во все губернии и области письма, в которых требовалось сообщить, сколько есть детских приютов в данных местностях, в каком они состоянии и нужна ли помощь, кроме того, в анкете был вопрос о том, нужна ли организация сиротских приютов в той или иной местности. По отчету, составленному начальником Терской области, видно, что в селах и станицах Терской области сиротских приютов не имелось. В городах Пятигорске, Кисловодске, Грозном были сиротские приюты, и многими приютами заведовали женщины. В Пятигорске, указанное «Общество попечения о бедных детях», заведующая приютом - Добровольская Е.Я., во Владикавказе приют содержало благотворительное общество, в котором работали лица обоего пола. В Грозном это «Общество призрения сирот-девочек в память 300-летия благополучного царствования Дома Романовых», его председательницей была жена инструктора персидской

кавалерии, есаула Штольдер Елена Варфоломеевна. В Кисловодске работал Софийский приют для детей, которым управлял доктор Хомяков⁴⁷⁸.

Для Северного Кавказа характерно образование национальных женских обществ. Как выяснилось, наиболее социально активными в этом оказались армянки. В начале XX в. было организовано несколько национальных женских обществ. Женское армянское благотворительное общество было образовано в 1907 г. в Пятигорске⁴⁷⁹. Его целью было содействие нуждающимся лицам армянского происхождения в г. Пятигорске. Помощь общества выражалась в выдаче нуждающимся «продовольствия, отопления и одежды натурою», единовременными или периодическими пособиями, в «приискании работы». Учредительницами общества были жена священника О. Д. Шхиньянц, жена потомственного гражданина Н.С. Попова и жена купца М.Л. Оганова⁴⁸⁰. В дальнейших планах общества имелось намерение открыть приюты для стариков и детей обоего пола и профессиональную школу. Из отчета общества за 1909 г. видно, что деятельность его членов была направлена на помощь неимущим жителям Пятигорска, в основном, армянской национальности. В 1909 г. выдавались ежемесячные пособия, оказывалась единовременная помощь в покупке дров и лекарств, а также оплачивалось репетиторство ученику Мыдыкьянцу и ученице

⁴⁸¹

Абрамян Марии .

В 1906-1907 гг. открылись дамские национальные благотворительные общества в других городах. Это Екатеринодарское Дамское Евангелическое лютеранское благотворительное общество, Екатеринодарское Дамское армянское благотворительное общество и Майкопское женское армянское благотворительное общество⁴⁸². Целью Екатеринодарского дамского евангелического лютеранского благотворительного общества было «вспомоществование нуждающимся лицам евангелическо-лютеранского вероисповедания, находящимся в

Екатеринодаре», целью дамских благотворительных армянских обществ «вспомоществование лицам армянского происхождения». Членами общества могли быть и мужчины. Однако, основную работу проводило правление общества, состоящее из дам, живущих в указанных городах и имеющих определенный социальный статус. Так, в составе Евангелического лютеранского благотворительного общества были жена пастора Е.А. Асмус, жена провизора Э.К. Шиллинг, жена купца А.Ф. Текстер, преподавательницы женского Мариинского института М.А. Цернакс и Е. Я. Дуват. В качестве членов правления Екатеринодарского дамского армянского общества состояли жена местного ревизора Е.К. Терумова, жена жителя эриванской губернии Г. П. Сатуньянц, мещанка Г.Д. Чубарова, акушерка А. М. Берекчиан, учительница армянского училища Е. С. Орокверцхова, жена армянского священника Т.А. Вартаньянц, дочь мещанина В.Г. Есаян. В 1908 г. Екатеринодарское дамское армянское благотворительное общество прекратило свою деятельность, передав свои капиталы в образованное Кавказское Армянское благотворительное общество в Екатеринодарское отделение. Женщины, участвовавшие в образовании прежнего общества, во вновь открытом также продолжали свою деятельность. Из 158 человек в его составе было 49 дам⁴⁸³.

Наиболее многочисленную группу составляли женские благотворительные общества, основной целью которых была организация помощи больным и раненым воинам, которые сыграли неоценимую роль в помощи армии во время войн. Это Общества попечения о больных и раненых войнах, позже переименованные в Дамские комитеты общества Красного креста.

В заботе о раненых воинах и семьях погибших в России был учрежден «Комитет о раненых». Пример создавшей принцессы Терезы в 1844 г. в Санкт-Петербурге первую в Европе женскую общину, готовящую сестер милосердия, побудил к созданию в 1867 г. Российского общества

попечения о раненых и больных воинах - Организацию, впоследствии получившую название Российского общества Красного Креста. На Северном Кавказе действовали местные комитеты этого общества, а при них - дамские комитеты.

15 января 1877 г. в Ставрополе по инициативе супруги начальника губернии Н. Д. День был организован комитет общества попечения о больных и раненых войнах⁴⁸⁴. Управление комитета под председательством Н.Д. День состояло из вице - председательницы Ж.И. Зиссерман, действительных членов М.Г. Васильевой, Е.Н. Бенедиктовой, Е.А. Смалевской, Л.В. Барсовой. Как сказано в отчете общества, «Составившись на первых порах исключительно из женского населения Ставрополя, комитет приобрел себе членов и в уездах. К концу 1877 г. он насчитывал в своем составе всего 266 человек, из них:

485

действительных членов - 103, членов-соревнователей 16» . Деятельность общества распространилось почти на все уезды Ставропольской губернии. Так, в Ставрополе насчитывалась 51 дама - член комитета, в Ставропольском уезде

- 72, в Новогригорьевском уезде - 98, Медвеженском - 43, Александровском - 1, Калмыцком Большедербетовском улусе - 1. В уставе и отчетах отмечалось, что членами общества могли быть те лица, которые имели более или менее значительное влияние на окружающее их общество, пользовались уважением и доверием в его среде. В Ставрополе это были жены чиновников, в уездах членами общества стали, в основном, мужчины. Это объясняется тем, что «женщина в крестьянской среде у нас, как и везде не играет выдающейся самостоятельной роли. Если же в состав комитета и вошли некоторые женщины, то это были не крестьянки, а жены чиновников административного и судебного ведомств, учительницы сельских школ, жены волостных и сельских писарей» - писалось в отчете комитета общества⁴⁸⁶. Комитет общества проводил большую работу по привлечению

новых членов. Однако, многие мужчины, узнав о существовании комитета, искренне сочувствуя общей беде и под влиянием подъема патриотических настроений изъявляли добровольное желание стать его действительными членами. Так, государственный крестьянин села Петровского Новогригорьевского уезда Василий Кузенко выразил свою готовность быть членом Дамского комитета. Он внес единовременно положенную плату по званию члена впредь за пять лет - 50 рублей, сверх того, обязался за себя и своих сыновей Ефрема и Лукьяна во все время войны

487

ежемесячно вносить в комитет по 3 рубля . Таким образом, дамский комитет не состоял исключительно из женщин, однако они играли главную роль в управлении и организации, вели основную организационную работу, документацию. Деятельность комитета заключалась в сборе средств, вещей и пожертвований для нужд армии и отправке их в зону боевых действий. 26 апреля 1877 г. обществом были открыты курсы сестер милосердия при Ставропольском военном госпитале⁴⁸⁸. Дамский комитет занимался подбором кандидатур для выполнения этой миссии и взял на себя все расходы не только по организации курсов сестер милосердия, но и по снабжению их всем необходимым во время пребывания на фронте в Русско-турецкую войну 1877-

1878 гг. Так в июне 1877 г. комитет подготовил и отправил на фронт 11 сестер милосердия и обеспечивал их пребывание там всю войну⁴⁸⁹.

К подготовке сестер милосердия для зоны боевых действий дамский комитет и Общество Красного Креста в г. Ставрополе отнеслись большой ответственностью. Поступило множество прошений от женщин разного возраста и сословий, не побоявшихся отправиться на фронт со столь опасной миссией. Это были вдовы военных, жены и дочери чиновников и священников. Замужние женщины должны были помимо всех требуемых документов предоставить подписку мужа о том, что тот не препятствует желанию своей супруги обучиться на курсах для сестер милосердия и

отправиться на фронт⁴⁹⁰. По окончании курсов каждой выпускнице прошедшей испытания выдавалось специальное удостоверение в том, что она прошла курсы и достойна звания сестры милосердия⁴⁹¹. (См. приложение 3).

Деятельность членов Ставропольского Дамского комитета во время Русско-турецкой войны была отмечена Знаками отличия Красного Креста второй степени. Награды получили: председательница, супруга генерал-майора Нина День, помощница председательницы, супруга надворного советника Жозефина Зиссерман, заведующая складом, вдова статского советника Евгения Смолевская⁴⁹². Темнобронзовые медали в память о Русско-турецкой войне, с лентами получили сестры милосердия, работавшие в зоне боевых действий: Мария Буздижан, Варвара Алексеева, Людовика Домбровская, Наталья Просекова, Стефанида Лукаева, Ольга Чиркова, Марья Андриевская и монахини, также работавшие сестрами милосердия - Агафоника Шаталова, Евдокия Прядкина, Екатерина Серкова, Пелагея Тинькова⁴⁹³.

В новом качестве и с другими членами общество продолжило работу и в I Мировую войну, исполняя те же функции, что и во время Русско-турецкой. Ставропольский при Красном Кресте дамский комитет вновь образовался 31 июля 1914 г. по инициативе и при непосредственной организации супруги Ставропольского губернатора Марии Ильиничны Янушевич. На первом же заседании были избраны члены правления, ими стали: председательницей - М. И. Янушевич, её товарищами - княгиня Е. А. Шервашидзе, Л. К. Стефанович и еще 16 членов. Главная цель общества на общем собрании была определена так: «Дамский комитет при своем открытии задался целью, прежде всего, оборудовать постельным и носильным бельем, по возможности, предполагавшиеся к открытию в Ставрополе госпитали для больных и раненых воинов, при чем было решено построить белье из хорошей материи с целью

использовать его после войны в мирных целях» .

К 1 января 1915 г. в обществе состояло уже 88 действительных членов -женщин. Всего за полгода работы комитет оборудовал 1100 кроватей, выдав госпиталям 39295 вещей на сумму 38896 рублей. Были организованы пункты сбора пожертвований, где дамы комитета безвозмездно работали ежедневно, был устроен склад, где велся строгий учет всех поступивших и отпущенных вещей, белья, продуктов⁴⁹⁵.

Комитетом было дано обязательство изготовить белья для полного комплекта воинов Самурского и Гунибского полков, белье для бань, работавших в действующей армии. Для этого была налажена работа по изготовлению одежды и белья в рукодельных классах женских школ и гимназий г. Ставрополя.

Под эгидой Ставропольского при Красном Кресте Дамского комитета с сентября организовались дамские комитеты и кружки в селах Ставропольской губернии. Это Ладовско-Балковский, Медвеженский, Летнеставочный, Благодаренский, Виноделинский Дамские комитеты. Благодаря сельским женским обществам было собрано и отправлено на фронт 28666 штук теплых вещей, табаку, сахару и чаю на сумму 36000 рублей⁴⁹⁶. Дамский комитет Красного Креста продолжал свою работу вплоть до выхода России из войны в 1918 г.

С 1877 г. на Кубани, как и во всей России, распространил свою деятельность комитет помощи больным и раненым воинам. В составе правления Екатеринодарского местного управления общества значились как мужчины, так и женщины, однако, наблюдалась тенденция передачи проблем милосердия и благотворительности на попечение женщин. В 1897 г. из 16

членов правления 5 женщин, в 1901 г. из 16 - 4 мужчины, остальные

⁴⁹⁷

женщины .

В военное время большая часть работы в тылу ложилась на женщин. Они одними из первых откликались на общую беду, организовывали комитеты и благотворительные пункты. Когда началась Русско-японская война, во все области России был разослан рескрипт Государыни - императрицы Марии Федоровны, «возложившей на все органы общества Красного Креста заботы об облегчении страданий воинов». Как писалось в отчете, этот призыв нашел горячий отклик в сердцах членов комитета Кубанской общины Е.И. Малама, которая с полным самоотвержением и энергией приняла на себя труд лично руководить этим сложным делом. По постановлению общего собрания, решено было организовать сбор пожертвований и приступить к заготовлению материального имущества для лазарета на 100 кроватей⁴⁹⁸.

8 апреля 1894 г. в Екатеринодаре была открыта Кубанская община сестер милосердия. До 1904 г. она состояла в ведении Кубанского местного управления Российского общества Красного Креста и управлялась особым попечительным советом⁴⁹⁹. В 1904 г. был применен к Кубанской общине утвержденный 13 мая 1903 г. Государственной Императрицей Марией Федоровной «нормальный» устав общин сестер милосердия Российского общества Красного Креста и состоялось полное отделение общины от Кубанского местного управления с образованием комитета общины⁵⁰⁰. С этого момента Кубанская община сестер милосердия действовала как самостоятельное образование, вела отдельную документацию и бухгалтерию, печатала отчеты. Однако, основной статьей расходов местного управления оставалась община, кроме того, попечительный совет общины состоял из дам -членов местного управления РОКК, - и вся история существования общины, её деятельность неразрывно связаны с деятельностью Екатеринодарского местного управления Красного Креста.

Постановлением Кубанского местного управления общества Красного Креста, от 8 апреля 1894 г., на основании §§ 7и 8 устава Кубанской общины был избран попечительный совет в составе

попечительницы - почетной гражданки Е.П. Якунинской, товарища её - жены полковника С.Ф. Бек и заведующего хозяйственной частью и делопроизводством - полковника И.Г. Домбровского⁵⁰¹. Главной целью создания общины была подготовка сестер для оказания помощи больным и раненым воинам в военное время, а также организация врачебной помощи в станицах, городских больницах и в частных домах. Для ведения занятий по обучению и подготовке к уходу за больными сестер и испытуемых был избран доктор медицины А.Н. Скворцов, для наблюдения за религиозно-нравственным развитием сестер, преподавания им Закона Божия и для наставления их в правилах веры - священник протоирей о.

502

Григорий Виноградов, который состоял в этой должности до 1917 г. Большую роль сыграли кубанские сестры милосердия во время Русско-японской и I Мировой войны. В 1905 г. усилиями Местного управления общества Красного креста был подготовлен и отправлен в Харбин плавучий лазарет «Кубанская область». Личный состав лазарета состоял из старшего врача лазарета и уполномоченного доктора медицины И.Я. Миеровича, младшего врача и уполномоченного доктора медицины И.Д. Скочко, 2

503

студенток, 7 сестер милосердия и 14 санитаров . Пять кубанских сестер из состава лазарета Миеровича были выделены для работы в перевязочном летучем отряде. Этот отряд работал на передовых позициях, помогая раненым на поле боя. Врачи лазарета «Кубанская область» и многие сестры за свою

самоотверженную деятельность по уходу за ранеными и больными воинами

504

были удостоены награждения орденами и другими знаками отличия .

В 1914 г. был открыт лазарет Кубанской общины сестер милосердия⁵⁰⁵. Его персонал состоял из докторов и сестер милосердия общины. 5 апреля 1915 г. на театр военных действий было отправлено 117 сестер, подготовленных Кубанской общиной сестер милосердия.

В Пятигорске под эгидой Красного Креста так же, как и на Кубани, работала община сестер милосердия. В мирное время её деятельность заключалась в обслуживании колоний Красного креста на Кавказских Минеральных водах. Из отчета за 1906 г. видно, что сестры и испытуемые в указанном году были заняты на следующих объектах: в Пятигорской колонии надзором за приготовлением пищи на 185 чел. были заняты 2 сестры; в столовой - 1 сестра; по уходу за больными - 1 сестра; в Ессентукской колонии, для ведения хозяйства, счетоводства и надзора - 2 сестры; в Железноводской колонии для ведения хозяйства и счетоводства и надзора за больными - 2 сестры. В лечебнице и амбулатории при Пятигорской общине - 2 сестры и 1 сестра в аптеке. В глазном кабинете работала безвозмездно возвратившаяся с Дальнего Востока сестра волонтерка - Н.Ф. Набокова, при чем относилась к своим обязанностям с редкой любовью и неутомимостью. В больнице Пятигорского благотворительного общества работали 2 сестры. На частных

506

дежурствах находилась одна сестра .

С начала I Мировой войны в г. Пятигорске, так же, как и в других городах Северного Кавказа, активизировали свою деятельность дамские комитеты и общества. 27 августа 1914 г. по приглашению городского головы состоялось организованное собрание Пятигорских дам в связи с событиями военного времени для оказания помощи больным и раненым воинам. На это собрание явилось 52 дамы, которые организовали Дамский комитет Красного Креста. Собрание избрало председательницей известную в Пятигорске в качестве активного организатора многих благотворительных обществ и мероприятий госпожу Богданову А.В., которая к тому времени уже состояла в Дамском кружке «Ясли». Деятельность Пятигорского дамского комитета Красного Креста была направлена на помощь и заботу о раненых и больных воинах,

507

поступавших в госпитали городов Кавказских Минеральных вод .

На первых собраниях комитет наметил следующие цели: 1. оборудование лазаретов, устраиваемых для раненых; 2. организация работы по шитью белья. Работы по изготовлению теплой одежды и белья для армии были налажены в женской профессиональной школе, женской гимназии, 2-х классном женском училище, в рукодельных классах Алексеевского, Николаевского, Горячеводского училищ, мастерских Сахаровой и Ивановой. Всего за 1-й год было сшито 34231 шт. белья. Кроме того, комитетом организовывались благотворительные сборы и вечера, где собирались средства для покупки ткани

508

и других расходов, связанных с военным временем .

В 1917 г. в Пятигорском дамском комитете Красного Креста состояло 159 дам - жительниц Пятигорска. Председательницей комитета состояла госпожа Богданова А.В., товарищем её М.А. Ржаксинская, секретарем С.И. Штеллер, казначеей О.В. Шерстюкова. Членами правления общества состояли 22 дамы, которые наряду с правлением были основными организаторами всей деятельности комитета.

В 1916 г. комитетом были устроены благотворительные сборы на отправку подарков для солдат в ставку государя императора и на постройку здравниц в Крыму. Собранные 475 р. 52 к. были переданы в кассу городского самоуправления на пасхальные подарки воинам, из общих сумм комитетом было ассигновано на эту цель свыше 2000 р. Через А.И. Рунич, от сбора на Минеральных водах поступило 361 р, пожертвований от частных лиц - 1215 р. 19 к. Подарки были отправлены 84 пехотному Ширванскому его Величества полку, 264 Георгиевскому полку, казакам 1-го, 2-го и 3-го Волгским полкам пластунам, артиллеристам 3-го Кавказского Мортирного дивизиона и 595-й Терской дружине, пропорционально количеству людей в каждой части. Из этой суммы на 200 р. было приобретено папирос и отправлено главноуполномоченному

Российского общества Красного креста на Кавказе Голубеву для раненых, находящихся в лазаретах Красного креста, расположенных вблизи позиций.

Ввиду же насущной нужды последних в белье,

22-го июля был устроен специальный сбор на белье и табак, давший 567 р. 91

509

к.

Кроме благотворительных сборов, дамский комитет активно занимался организацией помощи инвалидам войны. Сначала помощь выражалась в форме пособий из особого фонда. В 1916 г. дамским комитетом были организованы учебные мастерские для обучения инвалидов сапожному и портному ремеслам на 25 чел. Большую поддержку в этом оказал комитету пятигорский уездный комитет Всероссийского земского союза, представивший бесплатно помещение для инвалидов и принявший на себя расходы по отоплению и освещению мастерских. Все остальные расходы обеспечивал дамский комитет⁵¹⁰. В 1917 г. в мастерских обучалось 17 инвалидов. Обучение велось под руководством приходящих, оплачиваемых комитетом инструкторов. Заведующей мастерскими была Е.П. Федотова, сотрудницами - Е.П. Назарова, Е.Г. Кривенко и А.И. Рысина. Оборудование было закуплено также на средства комитета. Инвалиду, прошедшему курс обучения и сдавшему экзамен, выдавались инструменты для первоначального обзаведения и свидетельство ремесленной управы на звание мастера⁵¹¹.

Кроме того, дамы постоянно пополняли средства общества членскими взносами, собирали пожертвования, устраивали благотворительные вечера. Дамским комитетом была организована библиотека для раненых воинов.

Как и в других городах Северного Кавказа, в Пятигорске во время войны было открыто благотворительное кафе «Чашка чаю». Его организатором выступило указанное дамское общество. Доходы от кафе общество направляло на устройство учебной мастерской для инвалидов. По

отчету за 6 месяцев своего существования доход кафе составлял 4598 р. 56 к, что было направлено на приобретение инвентаря для мастерской. Заведующей кафе «Чашка чаю» была М.К. Барт, казначеей В.Н. Чебиш. Средства, вырученные с продаж в кафе, кроме мастерских, направлялись и на другие благотворительные цели. Так, например в 1917 г. часть средств была направлена на нужды сирот

512

призреваемых Дамским кружком «Ясли» .

Пятигорская община сестер милосердия, под эгидой Пятигорского Дамского комитета, активизировала свою деятельность во время I Мировой войны. Сестры теперь направлялись в новые лазареты, специально организованные для поступающих на лечение раненых солдат и офицеров.

В 1906 г., 12 марта, в Екатеринодаре было образовано общество

513

«Братской помощи воинам, пострадавшим в Русско-японскую войну» . Впоследствии общество стало называться «Кубанским обществом братской помощи увечным воинам». Надо отметить, что в его названии не присутствует слово «дамское», однако попечительницами общества состояли дамы. Так, в отчете за 1916 г. председательницей правления общества состояла супруга наказного атамана Кубанской области С.И. Бабыч, вице-председательницей состояла госпожа Е.А. Калери. Члены правления: В.М. Федорова, Л.Н. Глинская, С.Б. Камянская, М.Г. Пужай, А.И. Камянская, Е.И. Протасова, З.П. Корсун, А.Н. Шапарева, Л.С. Ягодкина, А.П. Майгур, К.П. Гаденко, В.П. Белый и П. Д. Проскурин⁵¹⁴. Как видим, из всех членов правления только 2 мужчины, основная работа легла на плечи дам, поэтому представляется возможным отнести это общество к «Дамским благотворительным обществам». Деятельность общества заключалась в помощи пострадавшим от войн, в первую очередь, конечно, раненым и больным воинам, потерявшим способность работать, их семьям. Ежегодно выдавалась пенсия: постоянная и единовременная. В 1916 г. под патронатом общества состояло 46 постоянных пенсионеров, в

том числе - 1 офицер, 20 казаков, 18 солдат, 1 матрос, 4 горца, 1 вдова и 1 воспитанница Посполитакинского училища. Размер пенсии колебался от 36 до 300 рублей в год. Многие пользовались пенсией с 1907 г.⁵¹⁵ В 1916 г. силами общества и стараниями его попечительницы С.И. Бабыч был открыт Инвалидный дом с общежитием при нем для инвалидов и с оборудованными мастерскими - 2 портняжными, шапочной и сапожной. Как писалось в отчете,

«Общество стремиться не только дать приют увечным воинам, но и главным образом дать им возможность самостоятельно зарабатывать кусок хлеба. С этой целью были открыты мастерские, в которых обучали ремеслам, а по окончании учебы общество, снабдив обученного инструментами и необходимыми принадлежностями по его специальности, отпускало его на родину с тем, чтобы он продолжал избранное дело»⁵¹⁶. Неоценимую услугу в деле сбора средств для благотворительных нужд во время I Мировой войны оказало Благотворительное кафе «Чашка чаю», открытое дамскими обществами

517

Екатеринодара . Доход от кафе направлялся в различные благотворительные общества. Так, в 1916 г. от кафе на счет Кубанского общества братской помощи

518

увечным воинам поступило 1000 рублей . В 1915 г. газета «Кубанский курьер» сообщала, что за 13 дней существования «Чашка чаю» выручила более 1000 рублей, оказав помощь 50 семьям беженцев⁵¹⁹. Благотворительное кафе, организованное дамами, пользовалось большой популярностью среди жителей и гостей Екатеринодара. Многие стремились туда отдохнуть и провести время с пользой для общего дела. В 1916 г. «Кубанская мысль» писала: «Сравнивая с «Чашкой» в других городах, убеждаешься, насколько своеобразна и мила

Екатеринодарская «Чашка», этот радушный семейный дом хорошего

520

тона...» .

Множество женских благотворительных обществ в Терской области было устроено во время I Мировой войны. Как, например, Владикавказский дамский

521

кружок «Чашка чаю» (1915) и Грозненский дамский кружок «Чашка чаю» (1915). Целью этих кружков было оказание помощи пострадавшим от войны. Устав Владикавказского кружка был утвержден в конце декабря 1915 г., в нем указывалось: «Общество имеет своей целью собирание средств для обращения таковых на помощь лицам в той или иной форме пострадавшим от настоящей

522

войны, а также ее участникам, нуждающимся в этом» . Учредительницами кружка были жена полковника Ольга Николаевна Темченко, жена присяжного поверенного Мария Константиновна Скуридина, дворянка Елизавета

Михайловна Андриевская, жена надворного советника Екатерина Георгиевна Гасумянц, жена присяжного поверенного Зинаида Абрамовна Малкодова и др. В уставе также указывалось, что «членами общества могут быть все правоспособные лица женского пола, уплатившие установленный членский

523

взнос - 3 рубля в год» . В § 5 устава указывалось, что с целью наибольшего потока средств общество открывает в г. Владикавказе кофейню для продажи кофе, чаю, молока, какао, шоколада, прохладительных напитков, минеральных вод, булок, пирожков и т.д., получающийся доход обращается на удовлетворение прямой цели общества. § 4 гласил: «средства общества образуются из единовременных пожертвований деньгами и материалами, членских взносов и прибыли от операций общества, а также устраиваемых

524

обществом публичных чтений, концертов, лекций и спектаклей» . Преследуя главную цель - помощь пострадавшим от войны общество

выполняло и просветительные функции, устраивая лекции и публичные чтения. Газета «Терские ведомости» постоянно печатала заметки о деятельности общества. Отмечала, что открытая дамами чайная стала широко популярной в городе. Здесь проводились музыкальные вечера, концерты с участием местных актеров-любителей. Вырученные средства были использованы исключительно для

525

оказания помощи беженцам, бедным и сиротам .

Вторую группу так называемых «прогрессивных» кружков составили общества, целью которых было просвещение женщин и борьба за равноправие женщин и мужчин.

Надо отметить, что начало XX в. характеризуется стремлением многих женщин России всех сословий стать не просто грамотными, а образованными, чтобы изменить свою жизнь, сделать что-то большее в своей жизни, чем их предшественницы. На этом поприще в провинции большую роль играли именно просветительные общества для женщин и организованные женщинами. Так, Дамский кружок в городе Георгиевске, был организован в 1910 г. по примеру Тифлисского Общества Кавказских женщин. Его целью было способствовать обучению своих членов на почве взаимного содействия их умственному и моральному развитию и улучшению их материальных условий. Инициаторы образования кружка - жена титулярного советника А.А. Сусникова, жена торгового казака А.П. Рудохина, учительница М.Н. Киселева, жена купца Е. А. Артамонова⁵²⁶.

Главной задачей кружка было просвещение женщин города Георгиевска. В уставе сказано, что для достижения целей кружок устраивает: публичные лекции, курсы и собеседования на различные темы, устраивает литературные и музыкальные, семейные вечера, спектакли, танцы, экскурсии. Кружку предоставлялось право иметь свою библиотеку, читальню, музей и выставки

дамских работ . Читались лекции по вопросам детских и женских болезней, о методах воспитания, об основах психологии. Также проводились занятия по рукоделию и кулинарии, представительницы кружка давали уроки для неграмотных девушек и женщин.

По примеру Тифлисского и Георгиевского просветительных обществ для дам в Екатеринодаре 21 апреля 1912 г. заявлено о создании «Женского клуба» «группой прогрессивных женщин». 17 мая того же года состоялось учредительное собрание этого клуба, на которое явились 30 женщин, желавших «проявить себя общественно, заниматься самообразованием. устраивать

528

развлечения и отдых от мелочей повседневной жизни» . Ответственным распорядителем клуба были С. Глинская и Ю. Маглиновская. В клубе состояло 152 человека. Силами членов клуба было организовано 6 комиссий: литературная, педагогическая, профессиональная, хозяйственная и по развлечениям. По предложению Ю. Маглиновской 23 февраля (8 марта) 1913 г.

529

впервые в Екатеринодаре был отмечен Международный женский день . Женский клуб многое сделал и для практической помощи женщинам. В 1913 г. открылся детский сад, детская библиотека и швейная мастерская. За первый год существования дамы открыли секцию гимнастики и подвижных игр на воздухе, прочитано членами клуба 10 литературных лекций: об А.П. Чехове, И.А.

Гончарове, Н. А. Некрасове и других русских классиках. Госпожа Микони и Франгуполо выступили с рефератами: «Вечно женственное в произведениях Бернарда Шоу» и «Женские типы в произведениях Жоржа Санд». В 1915 г. непосредственный член клуба Ю.Я. Маглиновская открыла курсы стенографии,

где сама преподавала . Деятельность Женского клуба в Екатеринодаре имела довольно широкий резонанс. Было множество недовольных мужчин, которые привыкли, что женщины сидят дома, а если и создаются женские общества, то только для благотворительности. В периодике даже появляются карикатуры на так называемых «прогрессивных женщин». Само создание и существование таких клубов носило действительно прогрессивный характер, так как членами клуба становились и могли пользоваться кружками, присутствовать на занятиях и в секциях женщины разных социальных слоев и классов.

Социальный состав дамских обществ был довольно разнообразным, однако на протяжении изучаемого периода он существенно менялся. Если в 5060-е гг. XIX в. членами и учредительницами обществ были супруги наказных атаманов и местных градоначальников, губернаторов, чиновников, купцов, то в конце XIX - начале XX вв. в правлениях обществ кроме указанных, появляются женщины-врачи, городские и сельские учительницы, то есть -представительницы интеллигенции. Надо отметить, что в северокавказских женских обществах на протяжении всего изучаемого периода практически не встречалось крестьянок, очень мало было мещанок. Сами женщины того времени объясняли это так: «... Что касается женского населения в комитете, то в уездах главным образом представлены мужчины. Явление это объясняется так: женщины в крестьянской среде у нас, не играет выдающейся самостоятельной роли. Если же в состав комитета и вошли некоторые женщины из населения уездов, то эти женщины не крестьянки, а жены чиновников административного и судебного ведомств или учительницы сельских школ,

жены волостных и сельских писарей» . На основе изученного материала можно добавить следующее. В 50-60-е гг. XIX в. занимались общественной деятельностью образованные женщины. Поскольку в это время образование было доступно в основном представительницам высших сословий, то и

участвовали в социальной жизни региона женщины, имевшие привилегированное положение - супруги наказных атаманов и местных градоначальников, губернаторов, чиновников. Почти все они были дворянками. В конце XIX - начале XX вв. все сословия были втянуты в образовательный процесс. Все больше женщин из непривилегированных сословий, получая образование и профессию, повышали свой социальный статус. В этот период стало появляться множество учительниц, библиотекарей, телеграфисток, женщин медицинских работниц, выходцев из крестьян, мещан и бедных казаков. Многие из этих женщин становились членами дамских комитетов и обществ. Именно эти женщины были наиболее социально-активными. Поскольку они сами были из народа, через свою деятельность, могли реально влиять на общественную жизнь региона, на изменение гендерного традиционализма в северокавказском обществе.

Итак, дамские общества, начавшие историю своего существования с середины XIX в., к началу XX в. получили довольно широкое распространение на Северном Кавказе. Благотворительность и просветительство - это основные направления деятельности обществ согласно их целям на протяжении всего периода истории их существования. К 1917 г. работало более 30 дамских комитетов, кружков и обществ разной направленности. (См. приложение 4)

Дамские благотворительные общества много сделали для помощи социально незащищенным слоям населения. Благодаря дамским обществам, содержавшим детские приюты, многие сироты получили профессии и смогли устроиться в жизни. Особое внимание женских обществ было направлено на развитие женского образования, что дало возможность девочкам, из бедных семей, получить образование и реализовать полученные знания. Инвалиды - ветераны войн, обретали новую специальность и уверенность в завтрашнем дне. В начале XX в. под влиянием Российского женского движения и, во многом, благодаря просветительной деятельности дамских обществ, женщина всех сословий

стала играть все большую роль в семье и обществе. Повысилась общая культура жизни северокавказского населения, появилось все больше «прогрессивных» женщин, желавших проявить себя в социальной жизни городов и поселков Северного Кавказа.

§2. Деятельность женских северокавказских монастырей и общин

К концу XIX в. в России активизировалась деятельность женских монастырей. По словам архимандрита Георгия, - «Значительное увеличение числа женских монастырей в XIX в. нельзя объяснить одним только подъемом аскетических настроений у русских женщин. Это было не только проявление

532

религиозных исканий» . И. К. Смолич связывает подъем социальной активности женщин XIX в. с реформами Петра I в XVIII в.: «Реформы Петра Великого, проводившиеся с целью европеизировать Россию, принесли изменения в положение женщины в семье и в общественной жизни. Хотя эти изменения в разных слоях народа проявлялись медленно и по разному, все же следствием их везде было усиление стремление женщин к самостоятельности и к образованию. О том, что эти стремления могли заметно повлиять на общественную жизнь, свидетельствует та роль, которую сыграла русская

женщина в духовной истории России уже в начале 2-й четверти XIX

533

столетия» .

Стремление к образованию, охватившее все слои общества в России, могло быть удовлетворено и в монастыре. Именно женские обители развернули в эту эпоху широкую деятельность в области народного просвещения. По словам упомянутого автора, русская крестьянская девушка в повседневном монастырском быту находила для себя такие занятия, которые были ей хорошо знакомы и в родительском доме: всякого

рода домашнюю и хозяйственную работу. Можно утверждать, что поступление в монастырь давало удовлетворение её духовным исканиям, не требуя радикальной перемены в образе жизни, при этом её общественное положение повышалось, а вся её жизнь обретала глубокий смысл⁵³⁴. Женские православные монастыри активно занимались и просветительной и благотворительной деятельностью. По словам архимандрита Георгия, социально-благотворительная деятельность играла главную роль в жизни женских обителей и была гораздо обширнее, чем в мужских монастырях. Объясняется это не только различием между мужской и женской натурой, но и тем, что многие женские монастыри выросли именно благодаря своей социально-благотворительной миссии, стали в этом отношении

5
3
5

примером для других обителей и приобрели признание и любовь народа .

В 1887 г. российские монастыри содержали 93 больницы и 66 приютов для престарелых, две трети которых приходились на женские монастыри, при этом мужских монастырей было тогда 469, а женских только 202. В эпоху Александра III (1881-1894) правительство поощряло учреждение церковноприходских школ, почти во всех женских монастырях открывались такие школы, обычно для девочек, и всегда на средства самих монастырей⁵³⁶.

Как уже отмечалось, в XIX в. наблюдался стремительный рост монастырей, чаще всего по инициативе самих женщин, предварительно объединявшихся в общины. Эти общины придерживались общежительного устава. Возникали они всегда по инициативе отдельных подвижниц. Женщины и девушки собирались вместе за каким-нибудь рукоделием, которое начиналось и заканчивалось общей молитвой. За работой грамотные читали аскетические книги. Впоследствии складывалась община с совместным проживанием сестер. Они жили на выручку от продажи изделий своего изготовления. Общая молитва постепенно приводила к введению правильного монастырского богослужения, Божественную

литургию совершали священники из близлежащих приходов. Наконец, сестры обращались в Синод с прошением

537

преобразовать их общину в женский монастырь .

К концу 80-х гг. XVIII в. в России насчитывалось 80 женских монастырей, в 1810 - 94 женских обители, в 1855 - 129 монастырей с 2508

538

монахинями и 6606 послушницами . По данным 1916 г., в стране насчитывалось 469 мужских монастырей (11332 монахов и 9603 послушников). Численность обитательниц такого же числа женских монастырей (16285

монахинь и 54 903 послушниц) - более чем в три раза превышала

539

соответствующие показатели по мужским монастырям .

История возникновения всех женских монастырей на Северном Кавказе примерно одинакова. В отличие от монастырей центральной России, где женские обители часто создавались благодаря старцам - основателям, таким как преподобный Серафим - основатель Казанской Дивеевской общины, преподобный Амвросий Оптинский - основатель сестринской общины в Шамордине и др., на Северном Кавказе женские монастыри появлялись благодаря самим женщинам. Время и частота их появления крайне неравномерны. Первые женские монастыри здесь появляются в конце 40-х гг. XIX в. К 1917 г. насчитывалось 13 женских монастырей и общин на Северном Кавказе⁵⁴⁰. (См. приложение 5).

Первым женским монастырем, основанном на Северном Кавказе, можно считать Успенский женский монастырь, возведенный по указу Екатерины Великой. Императрица Екатерина II в своем именном указе, данном Святейшему Синоду об открытии Моздокской епархии, повелела открыть около Моздока два монастыря - мужской и женский, оба второго класса. В последнем, по предназначению Государыни, должны были учиться дети женского пола закону Божию и «мастерствам, в жизни потребным и находить прибежище беспомощные вдовы, которые бы надзирали за воспитанием детей». Святейший синод, вследствие

Высочайшего указа, сделал со своей стороны распоряжения и подробные наставления епископу Гаию. Женская обитель была учреждена при Успенской церкви и была названа Успенским женским монастырем. По указу Святейшего Синода 16 октября 1799 г. Моздокская епархия была упразднена, а с нею вместе был закрыт и Успенский монастырь.

Бывшая настоятельница монастыря Ефимия и три послушницы были переведены в Астраханский Благовещенский монастырь⁵⁴¹.

Одним из первых женских монастырей на Северном Кавказе, возникшим в изучаемый период, можно считать открытый в мае 1848 г. Иоанно-Марьинский женский монастырь в г. Ставрополе. Считается, что он был открыт

542

по инициативе епископа Иеремии . Хотя в «Историческом описании Иоанно-Марьинского женского монастыря в городе Ставрополе» вышедшем в 1898 г., неизвестный автор немного иначе описывает историю основания обители. В 40-х г. XIX в. в городе существовало небольшое общество женщин, которые добровольно «несли обеты иноческие - девство и пост», в праздники собирались вместе, читали божественные и душеспасительные книги, пели псалмы Давида и богослужебные песни, иногда принимали на себя, по приглашению, попечение о больных, а в свободное время занимались рукоделием. Организатором этого небольшого общества была Марфа Фетисьева, которая, случайно встретившись с епископом Кавказским, в доме у

знакомых, предложила ему создать обитель для женщин и внесла свои 150

543

рублей .

Надо отметить, что первый Кавказский епископ действительно принял основную работу по организации обители на себя. Он сразу же начал переговоры о покупке места для строительства монастыря. Жители города приняли большое деятельное участие в сборе пожертвований, 21 февраля 1848 г. мещанин Яков Скоморохов пожертвовал участок в 2 десятины 1063 кв. сажени, 23 мая 1848 г. было освящено место закладки храма⁵⁴⁴. Первоначально обитель основана под названием

приюта для сирот духовного звания женского пола. В 1850 г. приют получил название Иоанно-Марьинской женской общины, в 1859 г. утвержден монастырем⁵⁴⁵.

Первой настоятельницей общины стала Марфа Фетисьева в 1849 г., к 1851 г. в обители уже насчитывается 39 инокинь. В 1853 г. в списках монастыря значилось 104 женщины, в 1855 - 130 человек, в 1874 уже 226,⁵⁴⁶ в 1914 - 493

547

насельницы .

Монастырь, выросший из женской общины, увеличивался с каждым годом благодаря стараниям епископов, местной администрации, жителям всего Кавказа, и конечно же, монахиням.

При монастыре к 1900 г. было 4 церкви, водяная мельница, 2 маслобойни, 3 пруда для различных хозяйственных надобностей, больница, церковно-

548

приходская школа на 45 мест, в которой обучались дети обоего пола . В 1910 г. школу посещало уже 88 мальчиков и девочек, 8 из них жили в монастырском общежитии, 80-приходящих. Школа получила статус второклассной. Преподавали в ней три учительницы и 1 законоучитель. Учительницы - 2 со

средним образованием, 1 - со специальным педагогическим образованием, что

549

говорит о довольно высоком уровне школы .

Иоанно-Марьинский монастырь играл огромную роль в жизни жителей города Ставрополя и всей губернии. В монастырь приходили за помощью и утешением все социальные слои населения.

Повседневная жизнь монахинь состояла из ежедневного непрерывного труда и молитв. Труд составлял главную обязанность и необходимость в жизни сестер. Поступая в монастырь, все сестры старались научиться чему-либо, чтобы зарабатывать себе на пропитание. В обители монахини занимались рукоделием и работой по собственному жизнеобеспечению. Тут пряли, ткали, плели, вязали и шили. Многие из сестер работали в саду и огородах, другие трудились на поле и сенокосах, грамотные учили сестер и приходящих лиц чтению, письму и даже церковному

пению. В свободное время инокини несли труд чтения псалтыри на стороне или «по чину обители» внутри своих келий читали и молились⁵⁵⁰.

Каждой поступившей в монастырь женщине находилась работа по способностям. Ремесло стараниями настоятельниц непрерывно совершенствовалось. Так, например, игуменья Серафима (70-е гг.) многое сделала для усовершенствования белошвейного дела - работы шелком, синелью, серебром, золотом. Для этой цели она выписала из Москвы опытную в этом деле благочестивую монахиню Феофанию, которая обучала новым приемам ремесла не только сестер обители но и приходящих девочек церковноприходской школы⁵⁵¹. Вскоре работы сестер Иоанно-Марьинского монастыря славились на всю Ставропольскую епархию.

Если говорить о социальном составе монахинь, то это были, большей частью, крестьянки и мещанки Ставрополя.

Несколькими месяцами позже в Черноморской области образовалась Марие-Магдалинская Черноморская женская пустынь - в сентябре 1849 г., по многочисленным просьбам казачек. Деятельное участие в её устройении принял наказной атаман генерал-майор Рашпиль Г. А. Инициатива создания монастыря принадлежала его близкой родственнице, монахине Полтавского Ладинского

552

монастыря Митрофании (в миру Матрена Степановна Золоторевская) . «В 1846 г. некоторые из черноморских казачек, посвятивших себя иноческому житию и рассеянных по разным монастырям Малороссии, навещая свою родину, стали высказывать искреннее сокрушение об отсутствии в войске Черноморском женской обители, стали жаловаться, что на чужбине нередко слышат они упреки, как это черноморский край, обильно наделяющий приношениями чуждые монастыри ежегодно, не имеет до сей поры своей женской обители? Их благочестивый ропот в соединении с религиозным народным желанием, подвиг генерала Рашпиля возбудить ходатайство об учреждении пустыни. С открытием женской обители осуществились давние мечты черноморцев дать женской половине населения христианской просвещение. В то же время пустынь эта стала приютом и убежищем для вдов и сирот, которых было немало и в станицах. Со всей Кубани потянулись сюда

казачки обустройства и обживать обитель» . Согласно положению об учреждении пустыни, принятому военным советом войска в декабре 1848 г. Пустынь предназначалась для лиц женского пола собственно войскового сословия. Для устройства пустыни и для её довольства отвести свободное место на реке Кирпили, между станицами Роговской и Тимашевской, в количестве 171 десятины и 35 десятин под водами земли. Сооружение обители производилось за счет приношений и пожертвований. На содержание обители были выделены из войсковой казны средства, однако предписывалось заниматься впредь добычей соли, чтобы получать собственные средства. От войска было назначено 8 казаков внутренней службы для ведения работ по экономии и охране обители⁵⁵⁴.

Свое название пустынь получила в честь великой княгини, августейшей супруги наследника престола Марии и в честь св. равноапостольной Марии Магдалины, которая наравне со св. Николаем и св. Андреем была наиболее почитаема казачеством.

При монастыре была открыта школа для девочек, пользовавшаяся большой популярностью среди кубанцев. Посетив в 1861 г. монастырскую школу, наказной атаман Иванов Н. А. в своем письме настоятельнице Митрофании писал об увиденном: «... без всякого сомнения, одно из первых мест может занимать женская Мариинская общежительная пустынь, с воспитательным при ней заведением - образуя благочестивых жен, для простого домашнего быта, удаляющего раздор, приносящего отраду, заведение это, проливающее истинный свет скромного образования на 200 питомиц, поставлено высоко... в смысле понимания женщины-матери, достойной этого имени»⁵⁵⁵. К концу XIX в. при пустыни был учрежден детский исправительный приют.

К началу XX в. Марие-Мадалинская пустынь из маленькой общежительной пустыньки превратилась в красивый своекошный третьеклассный монастырь. К этому времени в станице Роговской пустынь владела 500 дес. земли и имела дополнительный надел в 340 дес. в станице Должанской Ейского отдела. В 14 каменных и саманных корпусах проживало около 600 человек. При пустыни имелся

кирпичный завод, 2 торговые лавки, одна ветряная мельница и 2 странноприимных дома⁵⁵⁶.

При Марие-Магдалинской пустыни имелось отделение Кубанского женского исправительного приюта и церковно-приходское училище для детей казаков близлежащих станиц и хуторов. Её влияние на духовную жизнь епархии было значительным. По её примеру по всей Кубани возникали женские

557

общины и скиты, пустыни и монастыри .

Покровская женская община (Покровская Мариинская женская пустынь) вблизи станицы Динской Кубанской области, была устроена в 1849 г. Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы построена на благотворительные пожертвования и стараниями бывшего начальника штаба генерал-лейтенанта Григория Рашпиля⁵⁵⁸.

В государственном архиве Краснодарского края автором был обнаружен любопытный документ: фонд, состоящий из 1 дела - «Послужного списка настоятельницы, монахинь и послушниц Покровской женской общины за 1902 г», который дает представление о жизни и деятельности обитательниц пустыни. Согласно этому списку, крестьянок было 51, мещанок-6, казачек - 22, духовного звания - 1, всего 80 человек. По возрасту они распределяются следующим образом: до 15 лет - 2, до 20 лет - 18, от 21-30 - 49, от 31 до 45 - 5, от 45 и более - 6 человек⁵⁵⁹. Мы заметили, что, несмотря на то, что пустынь находилась в казачьем районе, крестьянки составляли основную массу послушниц. Надо отметить, что контингент пустыни был довольно молодой, большая часть женщин молодого возраста - до 30 лет. Настоятельницей была монахиня Рафаила (39 лет). Как и в других обителях женщины занимались рукоделием, хозяйством, обучали и обучались грамоте, занимались благотворительностью.

Георгиевский женский монастырь был основан в 1879-1880 гг. вблизи станицы Государственной Терской области. Здесь же в 1882 г. был построен и освящен храм св. великомученика Георгия⁵⁶⁰. Известно, что в 1879 г. отставной гвардейский подполковник Михаил Спиридонович Ласточкин приобрел 300 десятин пустынной земли у Курского канала от р. Терек вблизи станицы Государственной для устройства

на ней женской обители для подготовки сестер милосердия. С благословения епископа Германа Ласточкин начал работу по устройству обители. Впоследствии М.С. Ласточкин стал священником при этом монастыре. Архиепископ Герман тоже принял деятельное участие, он пожертвовал более 20 икон и отправил в создаваемую общину несколько монахинь из Иоанно-Марьинского женского монастыря⁵⁶¹.

Надо отметить, что этот монастырь создавался как на средства светских благотворителей, так и стараниями других женских монастырей. Согласно рапорту первой настоятельницы Георгиевского женского монастыря монахини Агафоники в 1881 г. поступили следующие пожертвования на строительство монастыря: от купцов Таврической губернии, занимающихся овцеводством по степям Ставропольской губернии и Терской области Наума Яковлевича Карпушина сосновых брусьев на сумму 475 рублей, конь в 50 рублей, дроги новые на железном ходу - 60 рублей, корова с телком - 55 р., всего на сумму 680 рублей; Никифора Яковлевича Карпушина - 100 сосновых половых досок на сумму 200 рублей и конь на сумму 50 рублей, итого - 250 рублей; Ивана Петровича Кравченко - кровельного железа на 150 рублей, от неизвестных благотворителей: Новая плащаница малинового полубархата, подсвечник, пара хоругвей с изображением икон Божьей матери и св. Николая Чудотворца и Богоявления⁵⁶².

В Кавказских Епархиальных ведомостях за 1881 г. была опубликована статья о «крайних нуждах» обители в Терской области, благодаря которой многие читатели газеты откликнулись. Так настоятельница Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни игуменья Олимпиада вместе с казначеей, прочитав указанную статью, пожертвовали 50 рублей на устройство храма новоучрежденного Георгиевского женского монастыря⁵⁶³. В 1891 г. живший по соседству овцевод пожертвовал Георгиевскому монастырю 10 десятин земли и кирпичи для постройки школы для сирот с условием устройства при ней образцовой сельскохозяйственной фермы. За 10 лет существования Георгиевской обители число насельниц монастыря возросло до 150 сестер, что потребовало строительства нового просторного храма. 23 апреля 1896 г. ректором Ардонской семинарии архимандритом Иоанном (Алексеевым) была осуществлена закладка монастырского собора. 18 апреля 1904 г.

величественный храм Рождества Богородицы освятил епископ Владикавказский и Моздокский Владимир (Сеньковский)⁵⁶⁴.

В 1917 г. монастырь возглавляла монахиня Сиодония, под началом которой было 37 мантийных монахинь, 14 рясофорных послушниц, 3 послушницы и 150 сестер на испытании. Георгиевская женская обитель просуществовала до 20-х г. XX в., после установления Советской власти в стенах обители был создан приют для беспризорных детей⁵⁶⁵.

Новопокровская женская обитель (Покровский женский монастырь) образовалась по инициативе вдовы войскового старшины Анны Алексеевны Радченковой, которая пожертвовала земельный участок вблизи станицы Динской для устройства женского монастыря. Большую помощь в создании обители оказали монахини Ставропольского Иоанно-Марьинского монастыря, которые собирали средства для этого. К 14 октября 1896 г. монахиня Иоанно-Марьинского монастыря Архелая построила на этом участке молитвенный дом, признанный благочинным готовым к освящению в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Освящение состоялось 10 ноября 1896 г. Молитвенный дом был сделан из соснового леса с одной главой, увенчанной металлическим крестом. С западной стороны к дому сделана пристройка из пяти комнат с особым крыльцом для житья монахинь. В 1897 г. здесь проживали 64 монахини и послушницы. К 1903 г. кроме молитвенного дома у общины имелось пять корпусов для помещения сестер, странноприимный дом, здание школы для окрестных детей, дом для священников с надворными постройками, хозяйственный двор, строился большой кирпичный храм, заканчивалось строительство монастырской гостиницы. В 1903 г. община купила 16 десятин земли, подворье с домом в Екатеринодаре, 27 десятин леса в станице Ставропольской, устроила кирпичную церковь на участке Волошина в станице Корсунской. С 12 апреля 1904 г. община стала называться Покровским женским монастырем. В 1909 г. на благотворительные пожертвования построена новая двухэтажная кирпичная церковь с тремя престолами: главный - во имя Покрова Пресвятой Богородицы,

правый - в честь Архангела Гавриила, левый в честь Евангелиста Иоанна Богослова и св. праведной

97

Анны . Как и в любой женской обители, при монастыре действовала школа смешанного типа. В 1914 г. в монастыре было 114 монахинь⁵⁶⁶.

Спасо-Преображенский Сентинский женский монастырь (вблизи древнего православного храма у карачаевского аула Сенты Баталпашинского отдела Кубанской области) вырос из женского скита во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Основательницей женской обители можно считать Евдокию Макарову, поскольку с ее именем связан рост и дальнейшее развитие общины. Е. Макарова была сестрой милосердия в Русско-турецкой войне. Работая во Владикавказском госпитале, узнала о возникшем ските и вместе с послушницей грузинского женского монастыря св. Георгия Евдокией Финенской отправилась туда. По пути к ним присоединились другие женщины. Поселившиеся у Святой горы, начали ремонт своими силами. Поставили в древнем храме дубовый иконостас без позолоты, где установили принесенные ими иконы. Грубой работы железный крест купола храма заменили на новый, изготовленный на Эльбрусском свинцово-серебряном руднике. Стены с фресковой живописью сохранили, остальные части стен храма были выбелены и отштукатурены. Тогда же женщины соорудили небольшую каменную церковь в честь

Преображения Господня, звонницу с колоколами, отлитыми на том же руднике,

⁵⁶⁷

построили кельи для себя .

Евдокия Макарова стала главной среди сестер и обратилась с письмом к епископу Кавказскому и Екатеринодарскому Герману об учреждении женского монастыря у подножия Святой горы с древним храмом.

Разрешение последовало в 1892 г. К тому времени в скиту находились более 70 женщин. По ходатайству Архиепископа Агафодора монастырь был утвержден Святейшим Синодом в 1897 г. Благодаря устройству здесь женского монастыря,

древний храм впервые отреставрирован и освящен в честь Преображения Господня в 1895 г. Храм находился на довольно высокой горе в

568

трех верстах от монастыря .

Торжественное открытие монастыря состоялось 22 октября 1897 г., на нём присутствовал архиепископ Агафодор. Со времени официального утверждения монастыря Евдокия Макарова, до этого причисленная как послушница к Ставропольскому Иоанно-Марьинскому женскому монастырю, с пострижением в монашество стала настоятельницей образованного Спасо-Преображенского монастыря⁵⁶⁹.

В 1903 г. в монастыре имелись каменный, сложенный руками сестер, молитвенный дом, новый храм с освященный в 1903 г. престолом во имя св.

570

мученика Агафодора⁵⁷⁰.

Владикавказский Покровский женский монастырь был образован благодаря инициативе Евдокии Федоровны Лозенко (в иночестве Евпраксия), во Владикавказе появилась женская община. Для её обустройства Городская управа отвела небольшой участок земли, на котором в 1892 г. была воздвигнута церковь, перевезенная сестрами из станицы Терской. С первого же дня в храме стали проводиться богослужения.

Казанский Агафодоров женский общежительный монастырь находился в селе Винодельном Ставропольской губернии. Виноделенская Казанская женская община была учреждена Агафодором, архиепископом Ставропольским и Екатеринодарским в 1909 г. в память его родителей: чтеца Флегонта и Евдокии. Для этого им были куплены у Ставропольского акцизного управления, уцелевшие после пожара здания и усадьба бывшего Винодельненского казенного винного склада. На учреждение общины и устройство церкви при ней Агафодором было пожертвовано 42 тысячи рублей.

Первой настоятельницей монастыря стала монахиня Раиса (в миру -Александра Онисимова). Монахиня Раиса попала в Ставропольский Иоанно-Марьинский женский

монастырь в 1870 г. Прошла послушание и была пострижена в монахини в 1909 г., указом Ставропольской духовной

571

консистории назначена начальницей Винодельческой женской общины .

Первоначально женская община состояла из 12 человек, к 1913 г. их было 80. К 1913 г. при общине имелся храм во имя Казанской иконы Божьей Матери, странноприимный дом, 42 келии для монашествующих, трапезная, псалтырная, просфорная и другие необходимые постройки. В общине жили около 80 сестер. Хозяйство велось самостоятельно и сестры содержались на местные средства. В 1913 г. сестры во главе с настоятельницей обратились к епископу Кавказскому и Екатеринодарскому Агафодору с просьбой преобразовать существующую

572

общину в женский общежительный монастырь . По ходатайству Агафодора от 24 декабря 1913 г. Святейший Правительствующий Синод указом от 19 августа 1914 г. преобразовал общину в женский общежительный монастырь с наименованием его Казанским Агафодоровым, с таким числом сестер, коим обитель окажется в состоянии содержать на Собственные средства⁵⁷³. Таким образом, обитель не получала государственное обеспечение и в документах не раз подчеркивается что монастырь должен содержаться на собственные средства. Социальный состав послушниц был однородным практически все послушницы были мещанского и крестьянского сословий⁵⁷⁴.

Свято-Троицкий женский монастырь в Терской области появился благодаря стараниям - владелицы «хутора Хомяковой» Нальчикского округа, Екатерине Хомяковой, дочери известного славянофила, богослова и поэта Алексея Степановича Хомякова, который некогда изрек «Не строй десять университетов, создай одну обитель!». Как видно из отношения строительного отделения Терского областного правления за 24 ноября 1895 г., она впервые обратилась «с просьбой о разрешении ей построить в названном хуторе на свои средства церковь во имя Святой Троицы, при сем представила и план

575

предполагаемой постройки... » . Первоначально, Хомякова хотела построить храм, для того, чтобы устроить там православный приход. Однако, прихожан было очень мало из-за его удаленности от населенных пунктов с православным населением. Тогда она решила устроить на территории храма женскую общину⁵⁷⁶. Так в декабре 1904 г. «при Свято-Троицкой церкви Вольского прихода, что в имении г. Хомяковой, стала устраиваться - пока неофициально -женская община с приютом для детей... Община начиналась при 2-х монахинях,

577

4-х послушницах и пяти приютянках в возрасте от 2-х до 6 лет» .

История создания этой общины еще примечательна тем, что жертвователями на ее устройство были благотворители из столицы. Как видно из документа, к открытию Троице-Серафимовской общины поступили следующие пожертвования: 12.08.1905 г.: от московского купца Федора Васильева Долгинцева - 500 рублей; от Московской купчихи Праскевы Ивановны Овечкиной -100 руб.; московская мещанка Аграфена Никифоровна Смирнова, урожденная Воротягина просит принять Его преосвященство Гедона Епископа Владикавказского и Моздокского в дар десять десятин земли с крупным лесом, оцененный в 12 тысяч рублей, лично ей принадлежащий и находящийся в Московской Губернии Вереysкого уезда Петровской волости, при деревне Хлоповой, близ селца Красково. Земля эта в 32 верстах от Москвы по Брянской дороге в 1 1/2 верстах от железнодорожной станции

578

Апрелевка .

Свои права на даримую в пользу общины землю, как и заботы о выстроенной церкви, г. Хомякова передает приглашенной ею из Калужской Епархии бывшей устроительницы тамошней женской общины «Отрада и Утешение» послушнице матери Екатерины, урожденной Менцендорф, лично известной г. Хомяковой. Содержание священнику, - сказано в акте передачи от

3 августа 1905 г., - помимо назначенного казенного жалованья, будет выдавать (и выдает) община в размере 25 руб. в месяц, сверх того, полное довольствие, а также выстроить дом из 4-х комнат (до постройки дома священник будет помещаться в доме

из 3-х комнат, где сейчас детский приют). Предполагается закончить постройку здания приюта, где временно поместятся сестры женского общежития (12 детей и 20 сестер). Больница устроится при церкви при первой же возможности. Содержанием будущей общины будет являться труд насельниц обители по обрабатыванию жертвующей г. Хомяковой 41 десятины земли и рукоделием, а также церковный доход и дар благотворителей⁵⁷⁹.

Женская община была официально утверждена в 1907 г. Согласно определению Святейшего Синода от 10 января 1907 г.: «Государь Император 9 февраля 1907 г. Высочайше соизволил на принятие вновь учрежденного в Нальчикском округе Терской области, в честь преподобного Серафима Саровского женскою общиною 40 десятин земли, жертвующей дочерью штабс-ротмистра Екатерины Хомяковой»⁵⁸⁰. В декабре 1907 г. по прошению г. Хомяковой и по определению от 20 ноября 1908 г. Святого Синода, женская община во имя Серафима Саровского чудотворца была переименована в Свято-Троицкую Серафимовскую с отчислением существующего при ней прихода с причтом к приходу ст. Зольской⁵⁸¹.

В первые два года существования обители Екатерина Алексеевна Хомякова на свои средства построила несколько зданий, где размещалась кельи

582

насельниц, школа-приют для 40 сирот. Детей обучали ремеслам, преимущественно вязанию чулок на вязальных машинах, бесплатно переданных общине Министерством торговли и Промышленности. «Вязанию детей обучала особая инструктор, получающая содержание из того же министерства. Продажа изделий чулочного производства и служит главным образом источником содержания общины. Дети принимали участие в чтении и пении при богослужениях. Община призревала сирот бесплатно. Начальница обители, Ольга поглощена изысканием средств для жизни общины». В 1915 г.

общине из государственного бюджета для расширения имеющегося приюта для детей погибших воинов было выделено 10000 рублей. С этого времени приют вырос с 40 до 150 воспитанниц. «Помимо школьного обучения, всех детей приучают к ручному

труду, а теперь по окончании курса начальной школы будут переводить в открытую художественно-ремесленную школу» -

583

сообщалось в епархиальном журнале . Согласно данным, Л.И. Денисова, «сестры содержали больницу с амбулаторией»⁵⁸⁴.

Свято-Троицкий женский монастырь в Терской области - один из немногих, в деятельности которого государственные учреждения принимали активное участие. Община оказала неоспоримо благотворное влияние на жителей округа, она не только давала приют сиротам женского пола, но и возможность получить специальность, стать кем-то значимым в жизни.

Несколько нетипична для Северного Кавказа история становления Кизлярского Кресто-Воздвиженского женского монастыря. Этот монастырь являлся самой древней иноческой обителью на территории Владикавказской епархии. Высокопреосвященный Иоанн, архиепископ Манглийский, православный миссионер в Дагестанской области, принимая во внимание выгодное для дела миссии положение этого города, ходатайствовал об открытии при Кизлярской Крестовоздвиженской церкви, построенной грузинами, мужского монастыря. Это ходатайство имело успех. Монастырь был открыт при Астраханском епископе Илларионе (1731-1755 г), который в 1739 г. возвел в сан архимандрита первого кизлярского настоятеля игумена Даниила. Итак, мужской православный монастырь в Кизляре был образован в 1736 г. Архимандрит Даниил, был родом из Грузинских князей, он много сделал для становления и упрочнения обители.

Кизлярская обитель за всю историю своего существования несколько раз переживала периоды упадка. Причинами этому были как частые набеги горцев на обитель, так и многочисленные стихийные бедствия. Монастырь несколько раз подвергался полному разорению и практическому уничтожению. Но благодаря стараниям иноков возрождался вновь.

В начале XX в. вновь наблюдался упадок внутренней жизни монастыря. Интересен отрывок из отчета о состоянии Владикавказской епархии в 1907 г:

«Нравственное состояние в монастыре печально. Всякие меры оказываются безрезультатными, тем более, что у монастыря имеются свои виноградники.

585

Прихожу к мысли преобразовать этот монастырь в женский» .

В 1908 г. последовал указ Священнейшего Синода о преобразовании монастыря. Оставшуюся братию (13 монахов и 20 послушников) перевели в

586

другие монастыри епархии .

Первой настоятельницей теперь уже женского Крестовоздвиженского монастыря стала игуменья Нина. Под её руководством сестры обители своим трудолюбием и желанием строго следовать монашескому образу жизни быстро снискали уважение со стороны местных жителей. В 1911 г. в монастыре проживало 5 мантийных монахинь, 70 послушниц, из них 14 - рясофорных. В городе Петровске (Махачкале) у монастыря имелось подворье. С

установлением Советской власти на Северном Кавказе монастырь был

587

закрыт .

Женская община во имя святой праведной Анны Кашинской была учреждена в городе Грозном 21 апреля 1909 г. 23 апреля казаками станицы Ильинской общине была отдана старая деревянная церковь. Других сведений об этой общине найти не удалось⁵⁸⁸.

Итак, тенденция возрастания места и роли женских монастырей в исследуемый период была обусловлена совокупностью объективных и субъективных причин. Во-первых, образованные женщины, стремившиеся к реализации своих духовных потребностей, могли выбрать богослужебную деятельность своим жизненным кредо или заняться просветительской деятельностью в монастырской школе; во-вторых, в монастырях традиционно обретали чувство покоя и независимости женщины, не сумевшие выйти замуж

- «вековушки», чтобы не быть обузой для своих родителей и родственников; в третьих, поступление в монашество, поднимало социальный статус женщины. Крестьянки, казачки, мещанки, дворянки - перед Богом и людьми они все равны и

выполняли любую работу в монастыре не зависимо от сословия, а согласно способностям. Крестьянки, в повседневной монастырской жизни занимались привычной для себя работой, но социальный статус их, несомненно, повышался. Единственным местом, для большинства женщин Северного Кавказа в XIX - начале XX вв., из бедных семей, где они могли проявить свои организаторские способности, состояться как личность во второй половине XIX - начале XX вв. была семья. Жизнь в монастыре - было своеобразной альтернативой состояться женщине - как успешной и социально значимой личности, занимаясь благотворительностью, воспитанием сирот или любым другим общественно полезным делом; в четвертых, в монастырской обители находили приют девочки-сироты, которые там же получали образование и обучались рукоделиям или мастерству в церковных видах ремесел. Многие из воспитанниц впоследствии посвящали себя богослужебной деятельности. Наконец, успехи женских монастырей в хозяйственной деятельности, в культуре и просвещении, развитии ремесел привлекали к себе большее число женщин из местного населения.

Социальный состав женских монастырей и общин Северного Кавказа был достаточно однороден. Подавляющее большинство послушниц и монашествующих составляли выходцы из семей крестьян, мещан, солдат и казаков. На Северном Кавказе, в отличие от таковых в центральной России, не было привилегированных монастырей, в которых послушницами и монахинями состояли женщины из дворянских сословий. Большая часть монастырей была образована из общин, созданных добровольно самими женщинами. Их трудами и заботами строились и расцветали православные монастыри, неся просвещение и распространяя христианство на Кавказе, что в изучаемый период было делом государственной важности. Не последнюю роль сыграли женские монастыри в развитии женского образования, устраивая женские профессиональные и школы-грамоты, давая возможность девушкам и женщинам разных социальных слоев приобрести специальность и зарабатывать самостоятельно.

Неоспорима роль женских монастырей в благотворительной деятельности. Многие монахини во время войн становились сестрами милосердия, шли на войну вместе с солдатами и офицерами, рискуя собственной жизнью. Кроме того, окрепшие обители помогали материально другим бедствующим общинам и монастырям, жертвовали суммы на различные благотворительные акции.

Основным источником финансирования устроенных обителей являлось их хозяйство. Многие монастыри устраивали на своих подворьях мельницы, ремесленные мастерские, небольшие заводы, выращивали хлеб, содержали огороды и сады, продукцию с которых они продавали на ярмарках. В Кубанской и Терской областях казачьи войска принимали деятельное участие в жизни женских монастырей. Они давали защиту отдаленным монастырям (дежурство казаков - охранников), нередко помогали во время страды и субсидировали отдельные надобности монастырей. Большую роль в обеспечении северокавказских женских монастырей сыграли частные благотворители, жертвовавшие деньги и материалы на строительство храмов и других сооружений при монастырях.

Таким образом, потребность женщин в защите, в материальной и моральной поддержке, с одной стороны и духовной независимости, самореализации, религиозно-нравственном совершенствовании, с другой, нашла свое отражение в росте количества женских монастырей и общин, увеличении численности их обитательниц. Женские монастыри давали страждущим чувство покоя и защищенности, кров и пищу для неимущих, обучали грамоте, специальностям, приобщали к совместному бескорыстному труду на благо всех и каждого. Будучи центрами культуры и просвещения края, показывали местному населению пример хозяйственной деятельности.

§3. Профессиональные занятия женщин на Северном Кавказе

Если до середины XIX в. основной целью женского образования было подготовить домашних хозяек и добродетельных матерей семейств, то в конце XIX в.

женщины получали специальное и профессиональное образование, чтобы посвятить свою жизнь избранной деятельности. Медленно, но методично женщины все больше вторгались в мужское профессиональное пространство. Наиболее распространенной профессией, избранной женщинами, являлось учительство. Правительственное положение «О допущении женщин на службу в общественные и правительственные учреждения», в частности, указывало: «Поощрять женщин на поприще воспитательном, где они уже ныне занимают должности учительниц в начальных школах и низших классах

гимназии. А будет представляться возможным, то представлять учебному

589

ведомству расширять круг их деятельности на этом поприще» .

Многие русские педагоги поддерживали эту идею. Так, В.Д. Сиповский указывал на черты, «выгодно отличавшие женщин - учительниц от мужчин -учителей это большая добросовестность в отношении к своим обязанностям и большая сердечность в отношении к учащимся - два качества в педагогическом деле весьма ценные... Дети, малоуспешные или почему-либо отставшие от класса, вызывают у учительниц гораздо более, чем у учителей, искреннего участия, более желания помочь им, хотя бы это стоило и большего труда и значительной затраты времени. В сельских школах, в деревнях, где положение учительницы и материальное, и во всех других отношениях крайне

трудное, она является в буквальном смысле настоящей подвижницей. И это не

590

исключение, а типичное явление» .

Государственная заинтересованность в распространении среди женщин педагогической профессии, возможность активной реализации образованными женщинами своих творческих и профессиональных способностей, в какой-то мере материальной самостоятельности, стимулировали в стране быстрый рост численности женщин-учительниц в начальных школах различных ведомств, в частных и средних учебных заведениях. При чем с каждым годом количество учительниц и преподавательниц в школах увеличивалось. Так, в Ставрополе, когда женские

учебные заведения только начинали свою работу, в них преподавали мужчины - преподаватели мужской гимназии, а в начале XX в. в женских гимназиях, наряду с педагогами-мужчинами, преподавали учительницы большей частью со специальным педагогическим образованием.

Надо отметить, что образовательный ценз учительниц в школах разного типа с каждым годом рос. В количественном отношении учительницы в начале века еще проигрывали своим коллегам - учителям, но в образовательном цензе нередко превосходили их. Девушки, окончившие гимназии и епархиальные училища со специальными педагогическими классами, желая посвятить себя профессиональной деятельности, или по другим соображениям, шли работать на учительские должности в любые школы. Отправлялись даже в самые захолустные села и станицы. Лишь небольшое количество мужчин, окончивших гимназии, учительствововали в народных и церковно-приходских школах. Так, согласно Обзору Ставропольской губернии за 1878 г., контингент учащихся в народных школах распределялся следующим образом: законоучителей - 83 (ими могли быть только мужчины, в начале XX в. небольшое количество женщин преподавали Закон Божий в отдаленных селениях, где не было поблизости священника); 72 учителя и 47 учительниц. По образовательному цензу: из 72 мужчин-учителей получили образование в учительской семинарии - 11, в духовных и уездных училищах - 13, средних учебных заведениях - 4, в начальных училищах - 16, домашнего образования - 6. Из 47 учительниц: в средних учебных заведениях, с званием домашней учительницы - 13, в женских прогимназиях - 9, в женских педагогических курсах при Кубанской учительской семинарии - 2, приобрели звание начальных учительниц по экзамену - 8 и домашнего образования - 15. То есть, все 47 учительниц либо имели специальное педагогическое образование, либо получили право преподавать, сдав специальные экзамены, и только 50 мужчин-учителей имели достаточное для преподавания образование, 22 из них окончили, возможно, только приходские училища⁵⁹¹.

По отчету о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1901 г., на Северном Кавказе учащихся в начальных училищах было: 3319 человек, из них -

мужского пола - 2699, женского пола - 620. По образовательному цензу учащие распределялись следующим образом. Кубанской области имеют учительские звания - 559 учителей и 325 учительниц, всего же 884 преподавателя. В Ставропольской губернии - имеющие звания учителя - 112 человек, учительницы - 146 человек, всего - 258. В Терской области всего учащихся - 1393 человека, имеющие звания -

592

мужчины-учителя - 858, учительницы - 535 . При более детальном изучении образовательного ценза учителей представляется следующая картина. Учительницы, окончившие педагогические курсы, составляли в трех областях - 10 чел, 8-е классы - 172 чел, 7-е классы женских гимназий - 89, институты - 46 человек, епархиальные училища - 71, начальные училища - 16, частные училища - 4. Мужчины-учителя, окончившие учительские семинарии и институты - 336, гимназии - 4, городские уездные училища - 314, начальные училища - 49, реальные училища - 8, духовные семинарии - 13, духовные училища - 8, прогимназии - 6. Не окончившие курсы учителя: учительские семинарии и институты - 17, гимназии - 46, реального училища - 26, духовные семинарии - 18, домашнего воспитания - 32. Учительницы - не окончившие

593

курса женской гимназии - 96, института - 6, домашнего воспитания - 42 .

В женских гимназиях и прогимназиях образовательный ценз мужского персонала составлял: окончившие семинарии - 13, духовные академии - 4, российские университеты - 37, другие высшие учебные заведения - 9, средние учебные заведения - 6, домашнее образование получили - 4, низшие учебные заведения - 5 чел. Женский персонал: высшие женские курсы - 3, педагогические курсы - 1 , 8 класс гимназии - 6 3 , 7 класс гимназии - 4, прогимназии - 1, институт - 32, епархиальные училища - 3, начальные училища - 4, домашнего образования - 7, имеют учительские звания - 7

594

человек .

В 1910 г. всего учителей и учительниц в Ставропольской губернии было 892 чел. Из них законоучителей и вероучителей - 362; учителей со специальным

образованием - 158, со средним и начальным - 61 и без образовательного ценза - 35. Учительниц - со специальной подготовкой и образованием - 91, со средним и начальным - 167 и без образовательного ценза - 18⁵⁹⁵.

Мы видим, что, образовательный ценз мужчин - учителей и женщин - учительниц начальных школ, несомненно, был ниже, чем учителей гимназий и прогимназий. Но примерная картина образовательного ценза мужского и женского персонала не менялась. Большее количество мужчин-учителей, работавших в учебных заведениях региона, окончили высшие учебные заведения, женщины - учительницы окончили средние специальные учебные заведения в большем количестве, чем мужчины. Однако, мужчин - учителей больше и среди тех, кто не имел специального педагогического образования.

В средних учебных заведениях, уже существовавших и вновь открываемых, должны были преподавать только учителя, получившие специальное педагогическое образование. В 80-90-х гг. XIX в. в средних женских учебных заведениях, в основном, преподавали мужчины, женщины занимали должности библиотекарей, секретарей, смотрительниц и надзирательниц. Но к началу XX в. появляются дипломированные специалистки с высшим образованием. С 1912 г. учительницей азбучного класса, а затем и естественной истории Ольгинской женской гимназии работала выпускница Петербургских Высших женских естественных курсов М.А. Лоховицкой-Скалон, Анна Павловна Максименко, дочь священника, окончившая в 1900 г. Ставропольское епархиальное училище⁵⁹⁶. Она также принимала активное участие в устройстве сельскохозяйственных курсов, устроенных Ставрополь-Кавказским сельскохозяйственным обществом в г.

Ставрополе с 22 ноября по 15 декабря 1912 г., участвовала в создании учебной

597

программы курсов и читала там лекции по химии .

Во 2-й Владикавказской женской гимназии с 1912 по 1920 гг. работала выпускница Московских высших женских курсов, историко-филологического

факультета, участница Всероссийского съезда преподавателей русского языка (27 декабря 1916 г. по 4 января 1917 г.) Ольга Николаевна Абрамова,

⁵⁹⁸

урожденная Щербина . Начальницей Владикавказской Ольгинской школы была Людмила Ивановна Прижевальская, окончившая курс в Московском Александровском институте⁵⁹⁹.

В Терской области учащихся в 1896 г. было 683, из них учителей - 566, учительниц - 117. Данных по образовательному цензу нет⁶⁰⁰.

В Кубанской области в 1910 г. учащихся во всех учебных заведениях дирекции народных училищ состояло: учителей и учительниц - 2813 человек, из них учителей - 1856 чел., учительниц - 957 чел. По образовательному цензу они распределялись следующим образом: 812 учителей и 19 учительниц получили образование на педагогических курсах и в семинариях; в гимназиях - 28 учителей и 509 учительниц; в институтах - 77 учителей и 54 учительницы, в реальных училищах - 36 учителей, в прогимназиях, городских и прочих училищах - 594 учителя и 171 учительница, домашнее образование получили 309 учителей и 112 учительниц, 92 учительницы окончили курс Кубанского Мариинского института⁶⁰¹.

В Кубанской области в 1915 г.: в учебных заведениях дирекции народных училищ состояло учащихся - 3976 чел. По сословиям учащие распределялись следующим образом: казачьего сословия: 2198, мужчин - 1090, женщин - 1108, не казачьего сословия 1778: мужчин - 601, женщин - 1177, дворян и чиновников - 913, духовного звания - 288, городского сословия - 918, нижних воинских чинов - 1831, иностранцев - 26. По образовательному цензу: получившие высшее образование учителей: 29, учительниц - 23, на педагогических курсах и учительских семинариях учителей - 1042, учительниц - 212, получивших образование в гимназиях - учителей - 58, учительниц - 882, в институтах - учителей - 134, учительниц - 47, в реальных училищах - учителей - 491, в прогимназиях и уездных училищах - 493, учительниц - 411. Домашнее образование получили: учителя - 303, учительницы - 188, выпускницы Кубанского Мариинского института учительниц - 100⁶⁰².

С каждым годом наблюдался рост численности учительниц. Повышался их образовательный уровень. Однако, надо отметить, что учительская заработная плата была не высока. Уровень жизни учителей и учительниц начальных школ был довольно низким. Зарплата учительниц была не одинаковой, она колебалась приблизительно от 280 до 350 р. в год. (См. приложение 6). Для сравнения, телефонистка в начале XX в. получала заработную плату в размере 700 р. в год. Учителей обеспечивали казенной квартирой и прислугой. Станичные и сельские общества заботились об учителях. Помогали им с отоплением и другими жизненно необходимыми вещами. Судя по газетным и другим материалам того времени, учителя жили небогато.

По подсчетам исследователя истории интеллигенции юга России А.Г. Данилова, в 1906 г. из 1041 учителя - мужчины при средней зарплате 442 р. 27 человек (2,6%) получали менее 300 р. в год, т.е. меньше 25 р. в месяц, 378 чел. (36,3%) получали от 300 до 400 р. в год. Даже по официальным данным, 40% учителей мужчин получали жалование ниже среднего. Автор подчеркивает, что положение учительниц было еще тяжелее. Их зарплата выросла всего в 1,2 раза, для сравнения зарплата учителей - мужчин в 1,4 раза. В 1881 г. оплата их труда составляла 87,2% от зарплаты учителей-мужчин, в 1906 г. - только 78,5%⁶⁰⁴.

В 1902/3 уч. г. в Москве состоялся съезд представителей обществ вспомощевания лицам учительского звания. На этом съезде с докладом выступила делегат общества взаимопомощи учащим и учивших в народных училищах Кубанской области Е.Д. Вагнер. Её выступление было достаточно эмоциональным: «. жизнь учительствующего представляет в большинстве случаев сплошной ряд унижений, несправедливостей, лишений - просто одно сплошное мытарство... Бесправное, задержанное положение сельских учителей. учителя в тисках нищеты и одиночества мучаются в неисчислимых страданиях. В деревню идут люди воодушевленные жаждой полезной общественной службы, мечтою о подвиге,

самопожертвовании. Но к сожалению деревня - это то, обо что разбиваются самые горячие, самые пылкие

мечты о просвещении темноты и невежества. Не всякому дана сила вынести

605

страдания, и многие оканчивают чахоткой или душевным расстройством» .

Правление общества взаимного вспомощевания учащихся и учивших в начальных училищах Кубанской области в 1904 г. провело анкетирование среди учительниц и учителей Кубанской области. Всего в анкетировании приняло участие 110 учителей - 95 мужчин и 11 женщин. 10 ответов было от заведующих 2-х классными училищами, остальные от учителей и учительниц 2-х классных, одноклассных, станичных, сельских и хуторских училищ. Большая часть опрошенных говорили о довольно бедственном положении. И все говорили о том, что учителя живут в основном за счет подработок. Для улучшения условий жизни на Северном Кавказе, как и по всей России, стали создаваться различные учительские общества взаимного вспомощевания. Так, на Кубани в конце XIX - начале XX в. было создано «Общество взаимного вспомощевания учащихся и учивших в начальных училищах Кубанской области». В 1912 г. в Ставропольской губернии было открыто «Общество взаимного вспомощевания учащим и учившим в церковных школах Ставропольской епархии». Эти общества адресно помогали бедным учителям и учительницам. Так, в отчете о деятельности Ставропольского общества указано следующее: «Деятельность правления общества в 1913 г. состояла в принятии членских взносов и записи их в приходно-расходную книгу общества, в ежемесячном свидетельствовании сумм общества и ведении денежных операций, в назначении и выдаче денежных пособий и беспроцентных ссуд особенно нуждающимся учащим в церковных школах епархии, состоящим членами общества, а также в решении вопросов, имеющих целью увеличение средств общества и вообще его развитие»⁶⁰⁶. Очень часто за помощью в такие общества обращались именно учительницы. В этом же отчете упоминается: «Из оборотного капитала в 1913 г. израсходовано 998 р. 92 к. В частности: 1. выдано безвозвратных пособий учительницам - Евгении

Александровне Брянской и Надежде Кузьминичне Мошко по 25 р. одной и 50 другой. В 1912 г. безвозвратные пособия не назначались. Выдано в беспроцентную ссуду: учительницам Клавдии Зотиковне Капраловой - 50 р, Анне Белявской - 50 р., Ольге Андреевне Губных - 50 р, Анастасии Геогриевне Лещенко - 50 р, Надежде Кузьминичне Мошко - 25 р. Итого учительницам - 225 р, учителям - 350 р»⁶⁰⁷. Кроме того, общество организовывало поездки учителей на отдых. Так, в этом же году общество выделило пособия учащим жившим летом в Тебердинском учительском санатории на сумму 94 р. 17 к.⁶⁰⁸

18 мая 1897 г. Министерством образования был утвержден устав «Общества взаимной помощи учащим и учившим в Терской области». Согласно уставу целью общества являлось: помогать нуждающимся учащим и учившим в городских училищах по положению 1872 г. в двухклассных и одноклассных сельских училищах МНП, в приходских и начальных училищах подведомственных дирекции народных училищ Терской области, денежными пособиями и другими видами помощи⁶⁰⁹.

Оплата труда в средних учебных заведениях была неравномерной. Иногда преподавательницы совмещали 2 и более должностей. Например, надзирательница 2-й Владикавказской женской гимназии княжна Елена Сумбатова исполняла должность надзирательницы и библиотекаря, за что получала 300 и 180 р. в год, итого - 480 р.,⁶¹⁰ учительница немецкого и французского языка Вера Стрельяновна Хаджи - Спиропуло с учетом совмещения всего, получала в год 925 р.⁶¹¹ Во Владикавказском женском училище общества мещан (1907-1912) учительницы и учителя имели жалования в размере от 120 до 720 р. М.И. Гришковская получала 720 р. в год, Е.И. Акимова - 600 р, М.А. Николаева - 360 р, А.С. Рожанская - 360 р., учитель пения Г.К. Гурский - 60 р. в год, учительница рукоделия А.К. Коронская - 120 р. в год священник П.И. Власов - 100 р., М.А. Николаева - 360 р.⁶¹²

Во Владикавказской женской школе общества ремесленников (1906-1912) заведующая А.З. Цыбизова, имея звание домашней учительницы получала 600 р. в год, учительницы: Е. И. Колесникова - 480 р, В.А. Путянина - 480 р.⁶¹³ Многие учительницы совмещали преподавание в нескольких школах и училищах. Так,

учительница рукоделия А. К. Коронская, получившая специальное образование в Петербургской мастерской рукоделия, работала в двух указанных училищах, плюс к тому в 3-м Владикавказском одноклассном

училище, 1-м Владикавказском одноклассном училище, везде получала по 120

614

рублей .

Таким образом, зарплата учительниц, надзирательниц, воспитательниц в женских средних учебных заведениях колебалась от 120 до 720 р. в год. Совмещая должности, можно было зарабатывать до 1200 р. в год. Многие учительницы занимались репетиторством.

Одним словом, положение учителей и учительниц в городах было намного выгоднее, престижнее и выше оплачиваемо, чем в селах. В конце XIX - начале XX вв. наиболее ощутимо проявлялась существенная разница между городом и деревней. Деревня всегда была более консервативна, чем город. В указанный период в деревне традиционно те, кто учились или занимались умственным трудом - считались бездельниками. Поэтому детей отпускали в школу с большой неохотой, и подчас тогда, когда дома не нужна была помощь ребенка. Учительницы, попадавшие в села с таким отношением к учебе, к своему труду, сталкивались с непреодолимой стеной непонимания и невежества. Многие не выдерживали и возвращались в город. Но большая часть учительниц все-таки умела находить точки соприкосновения с сельскими и станичными жителями и оказывала большое влияние на развитие просвещения и образования, как среди детей, так и среди взрослого населения. Если в селе было несколько школ, учителя и учительницы, библиотекари объединялись в различные кружки, устраивали публичные чтения и лекции для взрослого населения. В школах совершенно безвозмездно устраивали с детьми спектакли и концерты, неся просвещение в самые отдаленные села и станицы Северного Кавказа. Девочки брали пример с учительниц, и многие из них тоже старались получить образование. Так, село Ольгинское Терской области известно своими довольно прогрессивными взглядами среди населения. Там довольно активно работало просветительное и

культурно-экономическое общество, собиравшее жителей на различные культурно-просветительные мероприятия⁶¹⁵. В этом обществе активно работали учительницы местных школ, вместе с детьми они устраивали спектакли, чтения и лекции. В этом селе и под влиянием такого окружения выросла известная осетинская писательница и публицист Роза Кочисова. (См. приложение 7).

Итак, социально-экономическое положение учительниц было неодинаковым. Безусловно, в народных и сельских школах было труднее работать, но, тем не менее, в конце XIX- начале XX в., как уже показано, в этих школах работало довольно большое количество учительниц. Причины, по которым шли работать женщины в народную школу были весьма разнообразны. В эпоху общественно - демократического подъема многие девушки и женщины действительно видели свое предназначение в служении обществу и народу. Другие шли работать в такие школы, потому что это был единственный источник существования для получивших образование женщин. Так, автором в Государственном архиве Ставропольского края был обнаружен любопытный документ. Выпускница Ставропольского Епархиального женского училища подала прошение в Ставропольскую дирекцию народных училищ с просьбой о том, чтобы устроить её в какую-нибудь школу, «пусть даже в самом отдаленном селе», так как она, дочь умершего священника, живет на иждивении своего дяди, дьяка в Ставрополе, у которого у самого 4 дочери и

616

средств к существованию в этой семье практически никаких . Девушка посылала несколько писем, где настойчиво просила о распределении её в любую, даже самую бедную школу. Таким образом, для некоторых женщин, та небольшая зарплата, которая была у учительниц и то, что давало сельское общество - жилье и отопление было единственной возможностью выжить.

Медицинская карьера стала доступна женщинам после открытия первых Женских высших врачебных курсов в Петербурге и фельдшерских курсов. Во время Крымской войны, когда была учреждена Крестовоздвиженская община сестер милосердия под начальством горячего сторонника реформы женского образования

Н.И. Пирогова, женщины впервые показали, что они могут и должны работать в медицине.

Но после войны оставался неясным статус женщин-медиков. В отличие от Англии, где сестры милосердия в годы Крымской кампании обрели поддержку и общества, и двора, в Петербургской Медико-хирургической Академии сделали исключение лишь для В. А. Кашеваровой, прикомандированной учиться на 5 лет с дальнейшим возвращением в Оренбургский край для лечения башкирского народа⁶¹⁷. Спустя годы, в результате расширения сети школ, медицинских учреждений и сферы услуг, правительство разрешило женщинам поступать на службу в общественные и правительственные учреждения по специальностям: акушерка, фельдшер, аптекарь, по учебному ведомству, счетной части и телеграфному делу⁶¹⁸.

На Северном Кавказе до начала XX в. профессиональных женщин врачей было очень мало, поскольку отсутствовали женские медицинские учебные заведения в регионе. Однако, при нехватке врачей ни один населенный пункт не обходился без знахарок и повивальных бабок. Испокон веков знахарство и повивальное искусство было прерогативой женщин. Все знания передавались по наследству. Дочери с детских лет учились у матерей и бабушек принимать роды и ухаживать за роженицами и новорожденными.

Пока в центральной России шли бурные дебаты среди ученых мужей на тему, способна ли женщина к образованию вообще и к медицинскому, в частности, Ставропольская палата государственных имуществ выступила с предложением к Ставропольскому губернатору привлечь к делу оспопрививания женщин в 1866 г.⁶¹⁹ В документе говорилось: «... государственные крестьянки были приглашаемы к занятию оспопрививания, но изъявила желание на это только крестьянка Прасковейской волости села Кумского Прасковья Купаева, о высылке её к окружному врачу, для обучения оспопрививания, сделано распоряжение. Других желающих пока не оказалось. Не желание женщин заняться общественной службой, естественно по новости дела, к которому они не привыкли. Тут сможет действовать и опасение ответственности. Надо полагать, что со временем, когда женщины свыкнутся с иными

понятиями и будут иметь, хотя одинокие примеры женского оспопрививания, недостатка в желающих не будет. Тем более, что циркуляром министерства Государственных имуществ от 4 сентября 1864 г. за № 60 назначены оспопрививательницам денежные вознаграждения в количестве от 10 до 25 рублей, соразмерно привитых оспы младенцев. Для занятия этого привлекаются крестьянки хорошего поведения, не обремененные семействами

620

и добровольно изъявляемых на это свои желания» .

На Северном Кавказе, как ни в одном другом регионе, ощущалась острая потребность в медицинских работниках, поэтому здесь не наблюдалось особых препятствий к занятиям женщин медициной.(добавить) Однако, само отсутствие женских медицинских учебных заведений не только в регионе но и по всей России, тормозило решение вопроса о медицине здесь.

После распространения деятельности на Северный Кавказ общества Красного креста с появлением курсов «Сестер милосердия», открытием фельдшерских и акушерских курсов в городах Северного Кавказа появилось все больше женщин-медиков. Кроме того, местные городские общества, казачьи войска оплачивали обучение некоторых девушек на фельдшерских, акушерских и Высших медицинских курсах.

В 1897 г. в Ставропольской губернии всех врачей было 43, 21 из них состояли на государственной службе и 22 были вольнопрактикующими - среди них не было ни одной женщины. Фельдшеров в Ставропольской губернии работало 89, из них только 9 женщины-акушерки в сёлах Старомарьевском, Безопасном, Петровском и Прасковейском, остальные женщины - акушерки работали в Ставрополе⁶²¹.

В 1914 г. в Ставропольской губернии было всего 82 врача, фельдшеров -177, повивальных бабок и фельдшериц-акушеров - 40. Кроме того, с образованием земства для женщин появились вакансии в уездных земских управах и больницах. Так, Санитарный отдел Ставропольской уездной земской управы, организованный в октябре 1913 г., состоял из заведующего отделом доктора К.Г. Славского, приглашенного из Московского губернского земства и счетчицы-фельдшерицы А.П.

Воден⁶²². Кроме того, женщины самоотверженно трудились на опасных, заразных участках. Как отмечает составитель обзора, было организовано два отряда из 2 врачей и 6 фельдшеров. Больших эпидемий в губернии за 1914 г. не наблюдалось. Вследствие этого фельдшерский персонал работал в губернии при участках в тех местах, где наблюдались единичные заразные заболевания. Активно работала женщина-врач К.Г. Граф с отрядом, главным образом, в Медвеженском уезде, ввиду эпидемии оспы около с. Белой Глины, принявшей значительные размеры⁶²³. В этом же году была создана лаборатория в с. Дивном для исследования грызунов губернии на чуму и для постановки диагностики чумы при заболеваниях людей. Во главе этой лаборатории стояла женщина-врач Е.И. Попова. Сотрудниками её были два студента-медика. Вследствие одновременной угрозы чумы с юга и востока губернии были организованы 6 врачебных амбулаторий, каждая в составе врача и 2 лиц фельдшерского персонала. Из 6 врачей - 5 женщин К.Г. Граф, Д.Н. Манчурова, Р.И. Корсакова, Е.А. Миркова и А.С. Новикова⁶²⁴.

В Терской области в 1910 г. трудилось 56 повивальных бабок⁶²⁵. В 1913 г. в Кубанской области из 55 врачей, служивших по городскому станичному и сельскому общественным управлениям, было 3 женщины. В Ейской городской больнице - женщина-врач Екатерина Романовна Сологуб, в Майкопской городской больнице - женщина-врач - Варвара Николаевна Жилинская, в станице Старощербиновской общественный женщина-врач Хesia Эльевна Гуревич. Больше женщин-врачей в списках вольнопрактикующих врачей. Из 111 вольнопрактикующих врачей - 13 женщин⁶²⁶.

Конечно, это небольшие цифры, в процентном соотношении в городских больницах служили всего 1, 65 % женщин, вольнопрактикующих - 14, 43%, однако, если вспомнить, что еще 50 лет назад вовсе не было в регионе женщин-врачей, окажется что это довольно высокий показатель при том, что высших учебных медицинских заведений в области не было на тот момент.

Несмотря на появление юридических факультетов на Высших женских курсах, женщин-юристов на Северном Кавказе в изучаемый период было не много. Это

связано с тем, что женщины-юристы не допускались на юридические должности в государственные учреждения. Юридической практикой они могли заниматься только в качестве вольнопрактикующих.(проверить)

Заметный прорыв в движении эмансипации женщин произошел на рубеже XIX-XX веков. Наиболее передовым в женском вопросе всегда считалось Министерство путей сообщения. На железной дороге женщины-кассиры появились еще в 1863 г., а в 1901-м было разрешено назначать женщин на должности помощников начальников небольших станций.

Наименьшее число женщин в изучаемый период было занято в коммерции, бухгалтерии, телеграфе. Эти довольно новые для женщин профессии, осваивали немногие женщины, да и коммерческие учебные заведения для женщин появились на Северном Кавказе лишь в начале XX в. Оплата труда на этих работах была достаточно высокой, по сравнению с таковой у учительниц и городских врачей. По данным переписи 1897 г., женщин, работающих на телеграфе в Ставропольской губернии было всего 4 чел., тогда как мужчин, - 171 чел., в торговле было занято 610 женщин, в полиграфическом производстве женщин не было⁶²⁷.

В начале XX в. женщины появились и в издательском деле. В Кубанской области за 1906-1907 г. сразу несколько женщин открыли или работали главными редакторами газет разной направленности. Борисова Вера Михайловна была редактором газеты «Степь широкая», Городецкая Александра Александровна - редактором ежемесячного иллюстрированного журнала «На Кавказе» в г. Екатеринодаре, Сазонова Ольга Федоровна -издателем газеты «Свобода печати», Яцемирская Екатерина Ивановна -редактором газеты «Свобода жизни», Надежда Ивановна Устинович издавала в Екатеринодаре иллюстрированный юмористический журнал «Эхо», Лидия

Дмитриевна Безходарная издавала газету «Дубинка» . Газета «Дубинка», получила свое название по известной окраине Екатеринодара, где проживали в основном рабочие и демократически настроенная интеллигенция. Статьи, публиковавшиеся в этой газете были довольно демократичными, на злобу дня. В 1906 г. против её

редактора - Лидии Безходарной возбуждалось дело в окружном суде за опубликование противоправительственных материалов⁶²⁹.

В Терской области в издательском деле были заняты Анненская А (публиковалась в политико-экономической и литературно-общественной газете «Терский край» в г. Грозном), Валаева Н.А (издатель литературно-политической газеты «Хабар» (См. 9), Доманская Н.З (издатель прогрессивной ежедневной общественной газеты «Терское эхо»), Кибардина А.И. и Попова Н.С. (были редакторами «Пятигорского эха»), Казарова А.П - (редакционный издатель газеты «Терек» (Владикавказ)⁶³⁰.

В 80-х гг. XIX в. - первом десятилетии XX в. множество женщин появилось среди творческой интеллигенции. Это прежде всего, женщины - писательницы и артистки. Большая часть представительниц, занятых в этой области, не имела специального артистического или литературного образования. Так, Роза Кочисова считается в современной республике Северная Осетия - Алания первой осетинской женщиной - непрофессиональной писательницей. Роза родилась в крестьянской семье в с. Ольгинском 12 мая 1888 г. Родители были едва грамотные, но всем детям старались дать образование. Её брат стал офицером царской армии. Роза окончила 2-х классную школу. Затем поступила во Владикавказскую женскую гимназию, но, проучившись там три года, не смогла продолжить обучение во Владикавказе из-за отсутствия средств. Следующие 3 года она проучилась в Ташкенте, где служил её брат, и 7-й класс окончила во Владикавказе⁶³¹. Роза Кочисова умерла в 22 года. У нее осталось немного произведений, в основном это пьесы, написанные для постановки спектаклей, в кружке любителей сцены в г. Владикавказе и в с. Ольгинском, среди них пьесы «Хитрец» и «Сумасшедший пристав», «Лгун», «Солнце - мой свидетель, земля - мстительница за меня», «Завет отца или моя любовь»⁶³².

С детства Роза была довольно активной девочкой. Во время летних каникул она занималась в театральном кружке, организованном в с. Ольгинском. Сценарии для постановки спектаклей писала Кочисова - это были её первые произведения. Роза собирала осетинский фольклор, записывала воспоминания и рассказы стариков и

своей матери о жизни и быте в давние времена. Собранные материалы стали основой для её пьес⁶³³.

Первая пьеса Розы Кочисовой «Наш пристав сошел с ума» построена на основе осетинской народной сказки, сюжет которой распространен среди сказок многих других народов. В пьесе писатель персонифицировала образы людей, присутствующие в сказке в обобщающем виде⁶³⁴. В новой трактовке произведения все персонажи не только получили имена, но и были более ярко представлены и раскрыты образы мужчин и женщин. Писатель наделила их яркими характерными чертами характера, специфичными для мужчины и женщины. Персонификация персонажей и попытки проявления гендерной идентичности характерно для всех её произведений.

Через свои произведения, в частности, в пьесе «Моя любовь или завет отца», автор пытается показать, что некоторые древние обычаи не приносят счастья людям. Сюжет был выбран не случайно, в пьесе показан обычай кровной мести, где поводом к её началу стало похищение женщины. Умирая, старый Заурбег завещает сыну Камболату отомстить за свою поруганную честь. Почти с самого рождения сына Заурбег прожил в жажде мести некоему Еста Курдиаты, который похитил его жену, когда Камболату не было еще и года. У них родилась дочь Меретхан (Мери), которая воспитывалась в чужой семье, а Еста с женой кочевали из села в село, опасаясь Заурбега. Камболат клянется отомстить, за отца. Встретив Мери после смерти отца, и не зная, кто она, Камболат полюбил её. Открыв ей свои замыслы, он убедился в том, что это та самая Меретхан, которую он поклялся обесчестить. Перед ним дилемма: выполнить клятву, данную отцу, или забыть обо всем и идти за своим чувством. Выхода из этой ситуации герой не находит. Убив Мери, он стреляется сам⁶³⁵.

В этом произведении тонко подмечены черты национального характера героев. Не мог простить Заурбег нанесенного ему оскорбления. Всю свою жизнь он посвящает поискам оскорбителя, ломая свою и чужие жизни. Не сумев лично отомстить своему врагу, он завещает это сыну. Однако сына он просит, не просто убить обидчиков, при чем убить женщину - позор для осетина. Заурбег берет с сына

обещание обесчестить дочь обидчиков - ведь это хуже смерти для женщины. В то время, как мать он просит всячески оберегать. Поведение Заурбега диктовалось местью, читатели и зрители того времени вполне понимали его и сочувствовали. Однако, автор через чувства влюбленных, трагедийность ситуации показывает насколько бессмысленна в данном случае месть.

Женский образ - Мери, самой невинной из всех героев пьесы, возлюбленной Камболата, наделен автором лучшими чертами характера. Мери трудолюбива, гостеприимна, приветлива, скромна, добра, смела: преодолевая застенчивость, она на просьбу Камболата выслушать его сама отвечает признанием: «Я уж и то совесть потеряла, а ты еще не отпускаешь, разве недостаточно, что ты вселил боль в мое сердце?»⁶³⁶. Само признание девушки было новым для того времени, поскольку не допускалось, чтобы девушка выражала свои чувства к молодому человеку. И если это происходило, девушку клеймили позором. Автор же сказанные слова вложила в уста положительной героини произведения. Тем самым, выступив за непосредственность и свободу чувств, в равной степени для мужчин и женщин.

На наш взгляд, автор подчеркнула, что обе женщины - мать и дочь, в данной ситуации, явившись причиной начала кровнительства, по сути, оказались жертвами необдуманных поступков мужчин и заложницами последовавших трагедий.

В пьесе представлены судьбы двух поколений - это всегда наиболее острый конфликтный момент для создания драматической коллизии, но вместе с тем, это не просто проблема отцов и детей. Здесь на первое место выступает протест против адата, тезис раскрепощения чувств.

Роза Кочисова, не только в пьесах поднимала обозначенные проблемы, она неоднократно выступала в прессе против калыма. Одна из публикаций Кочисовой в газете на осетинском языке «Ног цард», сохранилась в ОРФСОИГСИ. Статья называлась «К девушкам Осетии». В ней отмечалось, что обычно на девушку родители смотрят как на товар, который можно продать за большую цену. Они, помимо воли и желания девушки, выбирают ей жениха, того, кто больше платит. Поэтому, выйдя замуж, девушка попадает в положение купленного товара. Автор

упрекает осетинских девушек в пассивности, безропотном подчинении воле родных, придерживающихся старинных обычаев и обращается с призывом: «Довольно нам девушки мириться со своим бесправным положением. Пора и нам требовать своего освобождения от адатов старины, отбросим обычаи взимания калыма и запретим продавать себя»⁶³⁷.

Таким образом, все свое творчество осетинская писательница посвятила борьбе за свободу и равноправие женщин - горянок, за их право быть хозяйками своих судеб. Это была женщина - горянка, любящая и любимая дочь, сестра и верная жена - внешне Роза выглядела вполне традиционно, однако всей душой и всей своей деятельностью она показала, что женщина независимо от сословия и национальности должна и может добиться равноправия и признания в обществе.

Еще одним своеобразным гендерным вызовом явилась судьба осетинской актрисы Авроры Газдановой. В книге «Осетия и осетины» описывается такой случай: «1910 год. Прохожие останавливаются возле афиш (во Владикавказе) с именем артистов балета Горской и Троянова. Никто, кроме самых близких друзей, не знает, что Троянов на самом деле Всеволод Головниченко, а за громким псевдонимом Горская скрывается дочь сотрудника Владикавказского нотариата Данела Газданова. Девочка, названная Авророй, родилась в 1894 г. Семья души не чаяла в своей Алокке (так называли её в детстве). (См. приложение 8) Её даже отправили учиться в Москву, в гимназию. Однако там, впервые увидев балет, девочка из Владикавказа решила во что бы то ни стало поступить в училище. И поступила, тайком бросив гимназию... И, наконец возвращение на родину, для самого ответственного концерта... И, конечно, семья, ни о чем не подозревая, разместилась в креслах в первом ряду. Но увидеть в амплуа балерины осетинку, узнать в «инкогнито из Москвы» ни более, ни менее как Аврору Газданову было неожиданностью разительной, даже совсем недопустимой. По знаку Газдановых - старейшины клана - деда Авроры - все представители династии Газдановых как один покинули свои места и удалились, преисполненные благородного негодования. Подобный демонстративный уход выразительней любых проклятий подействовал на героиню вечера. Аврора уже никогда не возвращалась в

родной дом. Продолжая танцевать, она никогда уже не смогла обрести душевного равновесия. Отверженная собственной семьей, тяжело больная, отторгнутая от родной Осетии, тридцатичетырехлетняя танцовщица скончалась в Париже. Такова судьба первой осетинской балерины»⁶³⁸.

В этом эпизоде ярко прослеживается патриархальный устрой кавказской семьи. Несмотря на век прогресса, ходить на концерты и смотреть спектакли с участием чужих женщин - актрис было можно и приятно. Но совершенно было недопустимо, когда актрисой, да еще и балериной становилась собственная дочь.

Еще одним примером несвойственным для горских женщин явилась жизнь и деятельность Надежды Калоевой, родившейся в Алагирском ущелье в ауле Байком, в семье крестьянина. В фондах ОРФСОИГСИ остались воспоминания её сестры. Н. Калоева была довольно интересной личностью, непохожей на добрую и всеми любимую писательницу, пером отстаивавшую женское равноправие Р. Кочисову, на артистку балета А. Газданову, любовью к искусству и избранной профессии выразившей свой протест традиционному обществу.

Окончив женский Ольгинский приют во Владикавказе, Калоева зарабатывала на жизнь частной практикой, - занималась с детьми «репетированием», состояла в партии эсеров, занималась подпольной политической деятельностью. Она не выступала в печати с призывом к равноправию и вела внешне тихую жизнь. Однако, своей необычной жизнью она выразила отрицание «старых традиций». В начале жизненного пути её можно назвать фанатичной революционеркой, все в семье её считали высоко образованной, все, даже родители слушали её и боготворили. В революционную деятельность она втянула всю семью, в своем доме (уже во Владикавказе) организовывала сходки, подвергая риску всю семью, устроила подпольную типографию. Калоева всем своим поведением демонстрировала отрицание традиционных устоев и неписаных правил поведения женщины. Она коротко стриглась, не использовала косметику, не стремилась выглядеть привлекательной, мещанством считала носить украшения и, что особенно выглядело вызывающим в традиционном обществе и вполне нормальным в революционной

среде, - курила «даже при родителях», как писала её сестра⁶³⁹. История жизни Надежды Калоевой типична для революционеров. Вскоре её сослали в ссылку в Сибирь, где она вышла замуж за меньшевика - грузина, у них родилось двое сыновей. Возвратившись на родину после Февральской революции во время амнистии, она больше не вернулась к революционной деятельности, вышла из партии эсеров. Её муж вошел в грузинское

меньшевистское правительство Жордания, а после Октябрьской революции

640

эмигрировал за границу, оставив семью в Грузии .

Не известно, разочаровалась ли Надежда Калоева в революции, приняла ли внутренне новую жизнь или приняла ли её новая жизнь. На наш взгляд, юношеские мечты юной революционерки столкнулись с жестокой реальностью. Внешняя атрибутика свободной женщины ей нравилась, льстило уважение и даже почитание, проявляемое к ней, но, повзрослев, став матерью и женой, она превратилась в обычную женщину, стремящуюся заботиться о благополучии семьи, здоровье детей. Ведь её политическая деятельность закончилась именно в этот период.

Приведенные примеры - это лишь небольшие эпизоды того времени, отражающие стремление к социальной активности женщин Северного Кавказа. Многие «прогрессивные» женщины здесь сталкивались с непониманием и недоверием. Однако, к 1917 г. все больше женщин можно увидеть работающими, пользующимися авторитетом и занимающими довольно высокое положение в обществе, независимо от национальной и сословной принадлежности. Не следует забывать, что сама по себе общественная деятельность женщин в любом проявлении, воспринималась в то время как нечто новое и необычное. В условиях Северного Кавказа, где ментальность населения отличалась от миропонимания центральной и особенно столичной России, особенно неоднозначным было отношение всего населения к социально - активным женщинам.

Итак, во второй половине XIX - до 1917 г. был проделан огромный путь в становлении и развитии женской профессиональной деятельности. Если еще в середине XIX в. на Северном Кавказе практически не было женщин, занятых в

социальной сфере то в первой трети XX в. это вошло в повседневную необходимость городов, сел и станиц региона. В этот период женщины были представлены почти во всех профессиях, однако наибольшее распространение среди женщин получили профессии учительниц и медиков, поскольку именно эти профессии оказались наиболее востребованы обществом.

Проанализировав различные формы проявления социальной активности женщин Северного Кавказа, мы пришли к следующему выводу. Возможность общественного участия женщин своим появлением обязана, прежде всего, социально-экономическим условиям, создавшимся в то время в России. Когда благодаря ускорившимся темпам экономического развития, женщины стали востребованы во многих отраслях экономики. Получив возможность участвовать в экономической жизни страны, женщины стали требовать и общественного признания себя как активных созидательниц жизни общества, уравнивания социальных и политических прав и возможностей с мужчинами. Все это выразилось в активизации Российского женского движения. Во многом благодаря деятельности многочисленных женских обществ, поддержке прогрессивно настроенной интеллигенции (мужчин) произошло изменение внутриполитического курса российских властей, в какой - то мере признавших необходимость участия женщин в социальной жизни страны.

Социальная активность женщин на Северном Кавказе в наибольшей мере проявлялась в трех формах - создании и активной просветительной и благотворительной деятельности женских обществ, в основании и развитии женских монастырей и общин и в профессиональной деятельности образованных женщин.

Развитие женского образования, появление в северокавказском регионе образованных женщин и увеличение количества женщин желающих стать таковыми привело к созданию и работе женских общественных организаций. На Северном Кавказе, появившись во второй половине XIX в., наибольшее распространение они получили в начале XX в. В начальный период своего существования наблюдалось преобладание благотворительных дамских комитетов и обществ. Они сыграли

огромную роль в развитии образования и просвещения, помощи социально-незащищенным слоям населения на Северном Кавказе. В первое десятилетие XX в. наряду с указанными появляются «прогрессивные» дамские кружки, проповедовавшие равенство и добивавшиеся политического, экономического и морального равноправия мужчин и женщин. Но начавшаяся I Мировая война несколько отвлекла северокавказских женщин от этой деятельности. Они вновь активно занялись благотворительностью, и все силы направили на помощь фронту, беженцам, раненым воинам, сиротам. Вновь стали активизировать свою деятельность дамские благотворительные комитеты и общества, организовывать госпитали и ускоренные курсы сестер милосердия.

Развитие женского образования и работа дамских комитетов и обществ, все это способствовало появлению большого числа работающих женщин интеллигентных профессий. Самой распространенной профессией среди женщин являлось учительство. С каждым годом росло количество работающих женщин-учительниц, они постепенно вытесняли мужчин из начальных, сельских, затем и городских школ. В начале XX в. все больше женщин стало работать и в среднем образовании. Большая часть преподавательниц женских гимназий были дамы, окончившие Высшие женские курсы. Медицинская деятельность женщин не так была распространена как учительство, однако это объясняется отсутствием медицинских учебных заведений для женщин. Тем не менее, женщина-врач в начале XX в. работала на самых опасных участках. В сельских больницах, на заразных пунктах, делая профилактические противочумные и противооспые прививания. Она вела просветительскую работу среди крестьянского населения о пользе чистоты для здоровья. Во многом благодаря такой работе понизилась детская и женская смертность, снизилась заболеваемость и распространение инфекций.

В начале XX в. стало больше женщин - специалистов в области бухгалтерии и коммерции, на почте и телеграфе. Было замечено, что женщины более ответственно относятся к документам, более исполнительны и аккуратны в работе с бумагами. Поэтому в начале XX в. женщин смело стали брать на работу в подобные

учреждения. В начале XX в. на Северном Кавказе многие женщины работали в издательском деле. Нередко встречались женщины-редакторы газет и активные сотрудницы - корреспонденты.

В конце XIX - начале XX вв. наблюдалась активизация деятельности женских монастырей. Они сыграли неоценимую роль в развитии женского начального и профессионального образования. Женские монастыри не только оказывали благотворное культурное и просветительное влияние на северокавказское население, но и явились приютом для сотен сирот, бедных и многодетных женщин, подарив новую надежду и способность жить в тех нелегких условиях.

Заключение

Проведенный анализ источников и литературы позволяет сделать следующие выводы:

1. Реформирование российского общества во второй половине XIX в., подъем общественного движения, сопровождавшийся образованием различных прогрессивных кружков и обществ, предопределил возникновение и развитие «женского движения». Причинами, повлекшими за собой появление «женского движения» в России явился низкий правовой и социальный статус женщин, неразвита система женского образования, дискриминация прав женщины в профессиональной сфере, отсутствие возможности влиять на власть и правительственную политику. Важным итогом «женского движения» России второй половины XIX - начале XX вв. стало формирование нового типа российской женщины, которую отличали стремление к полезной деятельности и профессиональному труду, преданность выбранному делу, скромность, жажда знаний. Необходимость отстаивать свое право на самостоятельное поведение в условиях неготовности общества к повышению социального статуса женщин, стимулировала их социальную активность, способствовала раскрытию их духовного и созидательного потенциала.

2. Анализ источников и литературы показал, что женщина по Российскому законодательству и существующей практике изучаемого периода в правовом отношении была явно дискриминирована. Это было отражено как в семейном праве, ставившем жену в зависимость от мужа, так и в различных постановлениях и нормативно-правовых актах, не допускавших принятия женщин на высокопоставленные должности, ограничивавших доступ женщинам к занятиям интеллектуальным трудом (по сути, долгое время из всех интеллигентных профессий женщина могла занимать только должность учителя)⁶⁴¹.

Наиболее ярко дискриминация женщин проявлялась в наследственном и в семейном праве. Женщина могла получить наследство, только по прямой линии, если не было претендентов - мужчин или по завещанию. При разводе женщина

законодательно и по сложившейся норме того времени, вовсе не была защищена, что выражалось в том, что дети, за редким исключением, оставались с отцом. Это нашло отражение в ряде литературных произведений («Анна Каренина» Л.Н. Толстого и др.). Любая социальная деятельность женщины могла реализоваться с разрешения мужа. Муж должен был дать письменное разрешение для поступления женщины в Высшие учебные заведения, приеме её на работу и тд.

3. Несмотря на распространение российского законодательства на всех жителей, проживавших на территории Северного Кавказа в 60-е гг. XIX в., вся вторая половина XIX в. проходила в сосуществовании двух тенденций -обычного права и официального российского законодательства. В результате население Северного Кавказа формально подчиняясь общегражданскому законодательству, в своем микросоциуме они сохранили свои прежние правовые институты.

Обычноправовые нормы жителей Северного Кавказа имели свои давние корни и основывались на патриархальности общественного и семейного быта. Многие традиции перекликались и переходили из одних обществ, в другие (от горцев к казакам, от крестьянства к казачеству). На положение женщин горских народов к концу изучаемого периода все большее влияние оказывал ислам, тем не менее, неправомерно говорить, что горские женщины изучаемого периода были «забытыми» и «бесправными». На семейный уклад горцев также влияли многочисленные общественные факторы, послужившие причиной выступления горских женщин в начале XX в. против многих традиций уничижающих, по их мнению, достоинство женщины (например, против калыма). Трансформация семейных отношений у казаков и крестьян в конце изучаемого периода, связана как с усилением товарно-денежных отношений, включением Северного Кавказа в общероссийский рынок, приведшего к распаду больших семей, а также с влиянием городской культуры. Распад традиционных патриархальных семей привел к образованию малых семей, где распределение труда и главенствующих ролей в большей степени зависело уже не от традиций и воли старшего, а от личностных качеств женщины и мужчины. В малых семьях женщина, независимо от возраста и статуса играла более значимую роль и имела больший вес в семье.

4. Отражением реальной степени прогресса в обществе и постепенного утверждения женщины в правах стало развитие женского образования. Система женского образования на протяжении всего изучаемого периода постоянно реформировалась. Женское образование развивалось по трем направлениям: начальное, среднее, высшее. При чем женские начальные школы не получили широкого распространения. Начальные школы большей частью были смешанного типа. Среднее женское образование было как сословным так и бессословным.

Становление высшего женского образования шло очень медленно. Долгое время среди ученых мужей шли бурные дискуссии о том, способна ли женщина к науке и к образованию вообще. В итоге в России высших учебных заведений для женщин в 60 - начале 70-х г. XIX в. не было вовсе, женщины могли обучаться только за пределами России. Проблема женского высшего образования решалась очень сложно и непоследовательно. Все основывалось на частной инициативе и не всегда поддерживалось правительством.

Итак, с середины XIX до начала XX вв. под влиянием демократических реформ и женского движения было очень многое сделано для получения и реализации женщинами права на образование. С каждым годом увеличивалось число учащихся женщин. Получение образования постепенно входило в повседневную норму. Это теперь рассматривалось не как из ряда вон выходящее событие, а как простая необходимость.

5. Специфика женского образования на Северном Кавказе во второй половине XIX - начале XX вв. заключалась в том, что основное внимание общества было сосредоточено на создании начальных и средних, в том числе женских учебных заведений, высших образовательных учреждений в изучаемый период в регионе не существовало. Кроме того, призыв к получению образования женщинами вызвал поддержку среди глав администраций Северного Кавказа, интеллигенции, и простых людей. Создаваемые учебные заведения с первых дней существования не вмещали всех желающих девушек. Огромную роль в повышении культурного и образовательного уровня женщин в то время играли учреждения внешкольного образования. На Северном Кавказе для многих женщин такие внешкольные

образовательные учреждения являлись единственной возможностью обучиться грамоте и повысить свой интеллектуальный уровень. Воскресные школы и школы грамоты, организовывались при городских, станичных, сельских и средних учебных заведениях, а также школы, организуемые различными просветительными обществами. Довольно широкое распространение на Северном Кавказе в изучаемый период получило женское профессиональное образование. Особенностью специального и профессионального образования на Северном Кавказе являлось то, что в огромном регионе только в середине XIX в. начинали открываться начальные учебные заведения, школы грамотности, воскресные школы, тем самым, обнаруживая потребность в специалистах -педагогах, прежде всего. В связи с этим, открывались педагогические классы и курсы, дававшие возможность приобретать звания учительниц. В начале XX в. появились специальные педагогические учебные заведения, которые давали женщинам возможность получить более полное образование. В конце XIX в. появились учебные мастерские, готовящие швей, модисток и портных. В первое десятилетие XX в. по мере включения Северного Кавказа в общероссийский рынок появилась потребность в специалистках в области бухгалтерии и коммерции. Надо отметить, что недостаточное распространение на Северном Кавказе получило женское медицинское образование, несмотря на то, что острый недостаток медицинских работников, особенно медиков-женщин, ощущался во всех населенных пунктах региона.

Таким образом, в конце XIX - начале XX вв. на Северном Кавказе начинается довольно интенсивное развитие женского специального и профессионального образования. Открывались новые учебные заведения, дававшие возможность развить свои способности и повысить качественный уровень образования, жительницам Северного Кавказа, не выезжая в столичные города.

6. Социальную активность проявляли, как правило, женщины получившие образование. Одним из проявлений социальной активности женщин Северного Кавказа во второй половине XIX - начале XX вв. стало создание и деятельность женских благотворительных и просветительных обществ. Дамские комитеты и общества сыграли огромную роль в развитии образования и просвещения, помощи

социально-незащищенным слоям населения на Северном Кавказе. Благотворительность и просветительство были основными направлениями деятельности женских обществ, согласно их целям на протяжении всего рассматриваемого периода. Дамские общества, начавшие историю своего существования с середины XIX в., и к началу XX вв. получили довольно широкое распространение на Северном Кавказе.

В начале XX в., наряду с указанными обществами, появились прогрессивные дамские кружки, добивающиеся политического, экономического и морального равноправия мужчин и женщин. Начавшаяся I Мировая война несколько отвлекла северокавказских женщин от этой деятельности. Они вновь активно занялись благотворительностью, и все силы направили на помощь фронту, беженцам, раненым воинам, сиротам. Вновь активизировали свою деятельность дамские благотворительные комитеты и общества, стали организовывать госпитали и ускоренные курсы сестер милосердия.

На первоначальном этапе социальный состав дамских обществ ограничивался дворянками, женами Наказных атаманов, глав администраций и тд., поскольку женщинам высших социальных слоев было более доступно образование. В начале XX в., с развитием женского образования и повышением культурного уровня населения, северокавказские женщины всех сословий стали играть все большую роль в семье и обществе. Появилось много «прогрессивно мыслящих» женщин, желавших проявить себя в социальной жизни Северного Кавказа.

7. Развитие женского образования и работа дамских комитетов и обществ способствовали появлению большого числа работающих женщин интеллигентных профессий. Специфика региона такова, что самой распространенной профессией среди женщин здесь стало учительство. С каждым годом росло количество работающих женщин-учительниц, они постепенно вытесняли мужчин из начальных, сельских, затем городских школ. В начале XX в. большая часть преподавательниц женских гимназий были дамы, многие из которых окончили Высшие женские курсы. Медицинская деятельность женщин не так была распространена как учительство, что

объясняется отсутствием высших медицинских учебных заведений для женщин. Тем не менее, женщина-врач в начале XX в. работала на самых опасных участках: в сельских больницах, на заразных пунктах, делая профилактические противочумные и противооспые прививания. Они вели просветительскую работу среди крестьянского населения о гигиене и санитарии. Во многом благодаря такой работе понизилась детская и женская смертность, снизилась заболеваемость и распространение инфекций.

В начале XX в. все большее появилось женщин - специалистов в области бухгалтерии и коммерции, издательском деле, почтово-телеграфных работниц.

8. Еще одним показателем активизации социальной жизни женщин Северного Кавказа во второй половине XIX в. в начале XX вв. является увеличение роста женских монастырей и общин и их благотворительная и просветительная деятельность. Потребность женщин в защите, в материальной и моральной поддержке, с одной стороны, и духовной независимости, самореализации, религиозно - нравственном совершенствовании, с другой, нашла свое отражение в росте количества женских монастырей и общин, увеличении численности их обитательниц. Женские монастыри давали страждущим чувство, покоя и защищенности, кров и пищу для неимущих, обучали грамоте. Социальный состав женских северокавказских монастырей и общин был примерно одинаковым. Здесь проживали в основном крестьянки и мещанки, меньше было казачек. Для многих женщин низших сословий монастырь был почти единственным местом, где женщина могла получить образование и состояться как социально-значимая и социально активная личность.

Обобщая изложенное, можно сказать, что женщины Северного Кавказа второй половины XIX - начале XX вв. внесли значительный вклад в развитие духовной и социальной жизни региона. В процессе активизации их творческой, профессиональной, общественной и других видов деятельности повысился их социальный статус. За изучаемые десятилетия, самооценка и самовосприятие северокавказских женщин существенно трансформировались, женщины, получив доступ к образованию нашли новые пути самореализации в обществе. До этого

времени единственным местом, где могла реализовать и проявить себя женщина, собственно состояться как личность, была семья. В условиях Северного Кавказа, с его полиэтничностью и многоконфессиональностью, это проявлялось в большей степени, чем в центральной России.

Отмеченные прогрессивные тенденции, с одной стороны, раскрывали специфические особенности духовного развития женщин региона, с другой, характеризовали и подтверждали общие закономерности постепенного и неуклонного возрастания роли женщин в социальной и духовной жизни российского общества.

Примечания

Введение

¹ Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; Её же. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X - начало XIX в.). М., 1997; Её же. Женщина. Гендер. Культура. М., 1999. Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты / Под ред. Ю.Л. Бессмертной. М., 1993; Женщины и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы международной конференции 1993 г. / Отв. Ред. В.А. Тишков. М., 1994; Смирнова Я.С. Трудовые роли и статусы женщины в традиционных обществах народов Кавказа. // ЭО. 1997. №4; Моисеева Л.П. Проблема женской эмансипации в русской литературе 30-40-х годов XIX века. // Общественные науки и современность. 2000. №4. С. 164 - 171; Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина Европейского прошлого. М., 2002. и др.

² Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. №6. С.80-84; Её же. Как заставить заговорить пол? // ЭО. 2000. №2. С.32.

³ Введение в гендерные исследования / Под ред. И.В. Костиковой. М., 2000; Введение в гендерные исследования. Уч. пособие в 2-х частях / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков - СПб., 2001.

⁴ Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Дифференциация материнских и отцовских ролей в семье народов Кавказа: традиции и современность // Женщины и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. М., 1994. С. 185-198; Бабич И.Л. Женщины и миротворчество у кабардинцев // Женщины и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен: М., 1994. С. 84-88; Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. СПб., 1996; Её же. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001; Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX - начала XX века (роль и место в семейной и общественной жизни): Автореферат дис. Доктора ист. Наук. Махачкала, 2001; Канукова З.В. Гендерные аспекты в культуре полиэтничного города (Владикавказ в XIX - начале XX веков) // Гендер: язык, культура, коммуникации. Материалы I международной конференции. Ноябрь, 1999. М.,

1999. С.54; Сабаничева Л.Х. Гендерный аспект обычного права кабардинцев (вторая половина XVI - 60-е XIX века). Нальчик, 2002 и др.

⁵ Край наш Ставрополье. Очерки истории. Ставрополь, 1999. С.143.

⁶ Там же. С.143.

⁷ Карамзин Н. М. Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода. СПб., 1802; Его же. Известие о Марфе-Посаднице // Вестник Европы. 1803. Ч. IX. № 12. С. 294-302. Ср.: Тимирязев В. Французская королева Анна // Исторический вестник. 1894. № 1 (Т. 55). С. 198-209; Бережков М. Н. Елена Ивановна, великая княгиня литовская и польская // Труды IX Археологического съезда в Вильне. М., 1897. Т. II. С. 1-44, и др.

Платонов И. Браки и многоженство в Древней Руси // Сын Отечества. 1831. Т. XIX. № 15; Беляев И. Д. О наследстве без завещания по древним русским законам. М., 1958.

⁹ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869; Его же. Женщина по понятиям старинных книжников // Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872. Ч. 1. С. 129-178; Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848 Т. 1-2; Его же. Одежда женщин в России // Русский художественный листок. 1860. № 3.

¹⁰ Неволин К. А. История российских гражданских законов. СПб., 1851. Т. 1-2; Пахман С. О судебных доказательствах по древнему русскому праву. М., 1851; Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1880; Дебольский Н. Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века. СПб., 1903; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 7. Пг. - Киев, 1915.

¹¹ Рейнгард Н. В. О личных и имущественных правах женщин по русскому закону. Казань, 1885; Соколовский Н. Современный быт русской женщины и судебная реформа // Женский вестник. 1867. № 9. С. 57-83; Фарафонтова Т. Общество попечения о молодых девицах в Санкт-Петербурге // Женское дело. 1899. Кн. 4. С. 152-161; Котляревский Н. Очерки из истории общественного настроения 60-х годов: женский вопрос в его первой постановке // Вестник Европы. 1914. № 2.

¹² Безобразов В.П. О правах женщины. М., 1895; Гуревич Л.Я. Вопрос о равноправии женщин в крестьянской среде // Союз женщин 1907. №. 1; Гоцберг А.Г. Замужняя женщина как неравная личность в современном гражданском праве // Право 19134 №51; Домоховский А.О. О правах женщины в России // Библиотека для чтения. 1862. №7.; Жид П. Гражданское положение женщины. М., 1902.; Лебединский П.М. Современное положение замужней женщины. Тифлис, 1896.; Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910; Ривс В. Женское избирательное право. Киев, 1905.

¹³ Безобразов В.П. О правах женщины. М., 1895. С. 9.

¹⁴ Щапов А.Л. Значение народной женщины в антропологическом и социальном развитии русской народности // Щапов А. П. Сочинения. СПб., 1906. Т. 2. С. 31-55; Его же. Влияние общественного

миросозерцания на социальное положение женщины в России // Там же. С. 55-101; Его же. Положение женщины в России по до-петровскому воззрению // Там же. С. 105-154; Ефименко А. Я. Крестьянская женщина // Дело. 1873. № 2; Она же. Народные юридические воззрения на брак // Знание. 1874. № 1; Харламов И. Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3. С. 59-107.

¹⁵ Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России. 1086-1796. СПб., 1890; Дитрих М. Русская женщина великокняжеского времени. СПб., 1904; Щепкина Е. Н. Женщины в русских университетах // Вестник Европы. 1912. № 9. С. 362-377; Её же. Из истории женской личности в России. Лекции и статьи. СПб., 1914.

¹⁶ Кечерджи-Шаповалова М. В. Женское движение в России и за границей. СПб., 1902.

¹⁷ Тюрберт С. А. Два направления в социализме и женском движении // Союз женщин. 1907. № 5. С. 4-10; Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт-Петербурге. СПб., 1909; Философова А. П. Международный совет женщин // Союз женщин. 1907. № 2. С. 12-15.

¹⁸ Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви // Русский эрос или философия любви в России. М., 1991. С. 232.; Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993; Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991; Соловьев В.С. Смысл любви // Избранное. М., 1990. С. 165-190; Розанов В.В. Женское образовательное движение 60-х годов // Религия и культура. Т. 1.М., 1989. С. 129-141. Степун Ф.А. Встречи. М., 1998. С. 55.

¹⁹ Шаповалов В.Ф. Россиеведение. Уч. пособие для вузов. М., 2001. С.295.

²⁰ Бердяев Н.А. Указ.соч. С.232

²¹ Шаповалов В.Ф. Указ. Соч. С.296.

²² Зинченко Н. Женское образование в России: Исторический очерк. СПб., 1901; Катков М.И. О женском образовании. М., 1897; Шашков С.С. Очерки истории русской женщины. СПб., 1872; Его же. История русской женщины. СПб., 1879. Дюринг Е. Высшее женское образование и университеты. СПб., 1902.

²³

Зинченко Н. Указ. соч. С. 1-2. ²⁴ Благовосветлов Г. Е. Для чего нам нужны женщины. СПб., 1869; Его же. Женский труд и вознаграждение за него. В кн. Благовосветлов Г. Е. Сочинения. СПб., 1882. С. 73-114; Шелгунов Н. В. Вологодские кружевницы // Шелгунов Н. В. Сочинения. Б/г. С. 550-562; Сушинский П. Н. Женщина-врач в России: очерк десятилетия Женских врачебных курсов. 1872-1882 гг. СПб., 1883; Стасов В. В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899.

²⁵

Михневич В. Русская женщина XVIII столетия. Исторические этюды. Киев, 1895; Мордовцев Д. Л. Русские женщины. М., 1993; Шульгин В. О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев,

1850; Чудинов А.Н. История русской женщины в последовательном развитии её литературных типов. Воронеж, 1872.

²⁶ Шульгин В. О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев, 1850. С. XXV.

²⁷ Ельницкий К. Преподавание педагогики // Народное образование. 1906. Т.2. Кн. 9. С.161 - 188; Сиповский В.Д. Избранные педагогические сочинения. СПб., 1911; Стюнин В.Я. Образование русской женщины. Собр. Соч. М., 1954; Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Собр. Соч. Т.1. С. 56-72.

Василевич В. Московский съезд представителей учительских обществ взаимопомощи. 28 декабря 1902 г. 6 января 1903 г. М., 1905; Вахтеров В.П. Внешкольное образование народа. М., 1896; Мягкова К. О положении народных учителей. СПб., 1905; Оленина А., Самарин Ф. Сведения о состоянии земских начальных народных училищ Московской губернии в 1892/93 учебном году. М., 1893; Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. СПб., 1902; Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX в. М., 1912.

²⁹ Ленин В.И. О чем думают наши министры? // Ленин В.И. ПСС. Т.2; К вопросу о политике Министерства народного просвещения // Там же. Т. 23; Гонители земства и Аннибалы либерализма. // Там же Т.5; Нищета народных учителей // Там же Т. 24; Русские и негры // Там же. Т. 22; Известный съезд // Там же Т. 23; Речь на II Всероссийском съезде учителей - интернационалистов 18 января 1919 г. // Там же. Т.37; Речь на II Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне 12 июня 1920 г. // Там же. Т. 41.Его же. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. М., 1987.

³⁰ Самойлова Н. К. Работницы в Российской революции. Пг., 1919; Курская А. Участие женотделов в проведении кампании по ликвидации неграмотности // Коммунистка. М., 1923. № 8. С. 10-11; Ковнатор Р. А. Женский вопрос в свете ленинизма // Там же. 1925. № 1; Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение. Хрестоматия. М.; Л., 1929; Крупская Н. К. Женщина страны Советов - равноправный гражданин: Сборник статей, 1917-1937 гг. М., 1938.

³¹ Самойлова К. Н. Работницы в российской революции. М., 1920; Быстрянский В. Революция и женщина. Пг., 1920; Борьян Е. В борьбе за Октябрь. Ростов-на-Дону, 1927; Богат А. Работница и крестьянка в Красной Армии. М. - Л., 1928.

³² Кондакова Н. И. Женщины в современной общественно-политической жизни // Женщины в общественных движениях. М., 1922; Семашко Н. Еще о больном вопросе // Коммунистка. 1920. № 3/4. С. 19-20; Генс А. В. Аборт в деревне. М., 1926; Наш опыт. О работе советов жен-общественниц. М., 1937.

³³ Рязанова А. Женский труд. М., 1923; Исаев А. Безработица среди женщин и борьба с нею. М., 1926; Рашин А. Женский труд в СССР. М., 1928.

³⁴ Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л., 1929.

³⁵ Цветков И.Л. К истории учительского движения в России // Учитель и революция: Сб. статей и материалов. М., 1925; Малиновский Н.А. Народный учитель в революционном движении. М., 1926; Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в России в конце XIX начале XX в. // Исторические записки. 1951. № 37; Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы (Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 года). М., 1956; Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966; Ониани В. Большевицкая партия и интеллигенция в первой русской революции. Тбилиси, 1970; Чернов Г.И. Страницы прошлого. (Из истории дореволюционной школы Владимирской губернии). Владимир, 1970.

³⁶ Цедербаум С. Женщина в русском революционном движении 1870-1905. Л., 1927; Пунчик А.А., Юркин Н. Ф. Александр Ульянов и кубанцы // Вопросы исторической науки. Краснодар, 1969; Зырянов Ф.Л. Пламенные революционеры. Краснодар, 1990; Латкин В.Ф. и Осадчий И.П. Дорогой борьбы. Краснодар, 1990.

³⁷ Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. Вып. 1. М., 1933; Высший подъем революции 1905-1907 гг. М., 1955; Герои октября. Краснодар, 1967; Среди героев ваши имена. Краснодар, 1965; Великая Октябрьская Социалистическая революция: энциклопедия. М., 1977; Ветров И. С. Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны. М., 1964.

³⁸ Ефремова Н. П. Шестидесятницы // Вопросы истории. № 9. 1978; Ковалева И. Н. Женский вопрос в России 50-60-х гг. XIX в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторические науки. М., 1981; Никитина Т. Женщины в русском освободительном движении 60-70-х гг. XIX века. Авто-реф. дис.... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1971.

³⁹

Дионесов С. М. В. А. Кашеварова-Руднева. Первая русская женщина - доктор медицины. М., 1965; Мусабеков Ю. С. Ю. В. Лермонтова. М., 1967; Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М., 1978.

⁴⁰ Федосова Э. П. Бестужевские курсы - первый женский университет в России (1878-1918). М., 1980; Кулиш Ж. В. Племянница декабриста Мария Константиновна Цебрикова // Наука и религия. 1984. № 3. С. 32-35.

⁴¹ Богословская Л. П. «Что делать?» Чернышевского и женские артели 60-х гг. XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1974; Тишкин Г. А. Чернышевский и раскрепощение женщины // Чернышевский Н. Г. Эстетика. Литература. Критика. Л., 1979. С. 349-358.; Коновалов В. Образ женщины в русской демократической литературе // Уч. зап. Моск. пед. ин-та. М., 1967. № 256; Плуks П. Постановка и решение женского вопроса в русской литературе середины XIX в. // Уч. зап. Рязанск. пед. ин-та. 1967. Т. 39;;

⁴² Щапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 216-219; Миненко Н. А. Взаимоотношения супругов в русских крестьянских семьях Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в. // Советская этнография. 1978. № 2; Она же. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII - первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М., 1975; Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; Он же. Бытовой аспект семейной драмы Грозного // Советская этнография. 1981. № 6. С. 137-140; Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в. Л., 1982.

⁴⁴ Бабишин С. Д. О грамотности женщин в городах Киевской Руси // Вопросы истории СССР. Харьков, 1980. Вып. 25. С. 136-142; Пушкарева Н., Левина Е. Женщина в средневековом Новгороде XI—XV вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. М., 1983. № 3. С. 78-89; Пушкарева Н. Л. Социально-правовое положение женщин в Русском государстве X—XV вв.: вопросы преступления и наказания // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 121-126; Мединцева А.Л. Грамотность женщин на Руси XI-XIII вв. по данным эпиграфики // Слово о полку Игореве и его время. Л., 1985. С. 218-240.

⁴⁵ Московский Центр Гендерных исследований, Центр Гендерных исследований в г. Иваново и др.

⁴⁶ Пушкарева Н.Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории //Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С. 69-95.

⁴⁷ Уварова Т. Е. Женщина в обществе и культуре: этноисторические традиции и современность (зарубежные концепции 70-80-х гг.). М., 1987. С. 12-24.

⁴⁸

Пушкарева Н. Л. Женщины России и Европы... С. 301-302

⁴⁹ Там же. С. 307.

⁵⁰ Карпович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. Л., 1990; Лунинский Э. Княжна Тараканова. М., 1991; Горский С. Жены Ивана Грозного. Воронеж, 1991; Семевский М. И. Очерки и рассказы из русской истории XVII в.: Царица Катерина Алексеевна. Анна и Виллим Монс. 1692 - 1724. М., 1994; Иванов Л. Л. Замечательные женщины (с древнейших времен до наших дней). Волгоград, 1991; Дубинский Н. Женщина в жизни великих и знаменитых людей. М., 1994; Кутергин В. Ф. Женщины древнего мира на троне и в семье: художественно-исторические портреты. Саранск, 1994; Кушнир В. Женщины-миссионерки. СПб., 1994; Весельницкая Е. Женщины в мужском мире. СПб., 1993; 2-е изд., доп. СПб., 1995 и др.

⁵¹ Хмеляунскене Е. П. Женское движение в условиях демократизации советского общества. Опыт социол. анализа: Автореф. дис.... канд. философ. наук. М., 1991.

⁵² Кон И. С. Введение в сексологию. М., 1988; Женская психология / Составитель Н. А. Литвинцева. М., 1994; Барчунова Т. В., Мешанин Ю. М. К вопросу об идеалах рациональности и

так называемом женском стиле мышления в науке // Вечные философские проблемы. Новосибирск, 1991. С. 155-171; Жизненные сценарии женщин и сексуальность. Екатеринбург,

Рамих В. А. Материнство как социокультурный феномен. Ростов-на-Дону, 1995; Гачев Г. Эрос и психея русской женщины // Гачев Г. Русский Эрос. М., 1994.

⁵⁴ Записки и воспоминания русских женщин XVIII - первой половины XIX века. М., 1990; Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Тула, 1990; Женская судьба в России: Документы и воспоминания / Под ред. Б. С. Илизарова. М., 1994; Девичество. Хороводы, посиделки, святки, гадания, любовные песни, частушки, заговоры / Сост. Л. А. Астафьева, В. А. Бахтина. М., 1994. (Сер.: «Мудрость народная: жизнь человека в русском фольклоре». Вып. 3); Женская военная судьба: Фотоальбом. М., 1995; Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Л. Л. Васильчиковой. СПб., 1995; Женщины России: Статистический сборник. М., 1995.

⁵⁵ Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси; Её же. Женщины России; Её же. Частная жизнь женщины в доиндустриальной России (X - начало XIX в.). Невеста, жена, любовница. М., 1997; Цатурова М. К. Русское семейное право XVI-XVIII вв. М., 1991.

⁵⁶ Чайковская О. Г. «Как любопытный скиф...»: Русские портретистика и мемуаристка второй половины XVIII в. М., 1990; Записки и воспоминания русских женщин XVIII - первой половины XIX в. / Сост. и авт. вступ. ст. Г. Н. Моисеева. М., 1990; Дмитриев С. С., Веселая Г. А. Е. Р. Дашкова // Е. Р. Дашкова. Записки / Под общ. ред. С. С. Дмитриева. М., 1991; Анисимов Е. Слово и дело русской женщины // Своеручные записки княгини Н. Б. Долгорукой. СПб., 1992.

⁵⁷ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре XVIII - начала XIX в. СПб., 1994; Белоусов А. Ф. Институтка // Школьный быт и фольклор. Ч. 2. Девичья культура. Таллин, 1992. С. 119-160.

⁵⁸ Евгеньева Н. Любовники Екатерины. М., 1990; Савин А. Фаворит Екатерины II. Ставрополь, 1990; Оларт Е. Петр I и женщины. Киев, 1991; Валишевский К. Екатерина II. Ростов-на-Дону, 1991; Её же. Дочь Петра Великого. М., 1993.

⁵⁹ Таисия, иг. Русское православное женское монашество. XVIII-XX вв. Сергиев Посад, 1992; Трофимов А. Святые жены Руси. М., 1994.

⁶⁰ Мамсик Т. С. Из истории развития грамотности в западносибирской деревне // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII - начала XX в. Новосибирск, 1985; Миненко Н. А. Старики в русской крестьянской общине Западной Сибири // Там же; Её же. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVIII - первой половине XIX в. Новосибирск, 1989; Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX в. Л., 1988; Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991; Вельдяскина Л. И. Женщина и нравственный мир русской крестьянской общины // Социальные трансформации и положение женщин в России. Иваново, 1995. С. 189-195.

Жукова Л. А. Деятельность женских благотворительных организаций в России по оказанию помощи детям в XVIII - начале XX в. // Женщины в российском обществе. 1996. № 1. С. 43-49; Её же. По заветам Марфы и Марии // Родина. 1996. № 3. С. 9-12

⁶² Кочина П. Любовь и математика: Софья Ковалевская. М., 1985; Айвазова С. Идеиные истоки женского движения в России // Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 125-134; Жукова Л. А. Общественная и земская деятельность первых русских женщин-врачей во второй половине XIX в. // Женщины России - вчера, сегодня, завтра: Материалы докладов и выступлений на Российско-американской научно-практической конференции 1-5 июня 1993 г. М., 1994. С. 9-12

⁶³ Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988.

⁶⁴ Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). Иваново, 1994. С. 48-49; Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России (вторая половина XIX - начало XX века). Иваново, 2003.

⁶⁵ Айвазова С. Идеиные истоки женского движения в России // Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 125; Бредникова Е. Как упраздняли русский феминизм // Столица. 1991. № 14. С. 40; Рябов О.В. Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // Филологические науки. 2000. № 3. С. 5-18; Вертинская И. Истоки и смысл русского феминизма // Семья и школа. 1999. № 5/6. С. 21; Семенов А. О роли женщины в истории. // Знание - сила. 1997. № 3. С. 3-5.

⁶⁶ Ганичева А. Некоторые страницы из истории женского образования // Дошкольное воспитание. 1996. № 10; Христофорова Н.В. Женские гимназии в России // Педагогика. 1998. № 4. С. 80-86; Колпачева О.Ю. Исторические корни женского гимназического образования // Эвристическое образование: Региональная научно-практическая конференция. Ставрополь, 1998. С. 74-79; Кошелева О.Е. У истоков женского образования в России // Педагогика. 1993. № 2. С. 88.

⁶⁷ Андреева Е.А. Епархиальные женские училища в России // Педагогика. 1999. № 3. С. 86.

⁶⁸ Там же. С. 88.

⁶⁹ Афанасьев В.И., Пятов М.Л. Женское счетоводческое образование в дореволюционной России // Бухгалтерский учет. 1997. № 4. С. 73; Смурова Н.А. Из истории высшего архитектурного женского образования в России // Высшее образование в России. 1994. №2. С. 142.

⁷⁰ Бентковский И. В. Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии. Ставрополь, 1881. Вып. 9.; Кавказский календарь на 1884г., отд.3. Тифлис, 1883; Его же. Ставропольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1873г. Ставрополь, 1874; Его же. Историко-статистическое обозрение инородцев - магометан. Ставрополь, 1883 и др; Прозрителев Г. Н. 1785-1910. К 125-летию города Ставрополя. Ставрополь, 1885; Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношениях. Ч.2. Ставрополь, 1925. и др.

⁷¹ Кубанское Казачье войско 1696-1888 г. Сборник кратких сведений о войске. Изданный под редакцией Действительного члена Кубанского областного статистического комитета. Е.Д. Фелицына; Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Том. II. Типография Товарищества Печатного и Издательского дома под фирмою «Печатник». Екатеринодар, 1913; Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы. В двух частях. СПб., 1858.

⁷² Кубанское Казачье войско 1696-1888 г. С.224.

⁷³ Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы. В двух частях. СПб., 1858. С. 100.

⁷⁴ Рыбальченко А. Образцовый тип казачки // Рыбальченко А. Пмятка хоперских казаков: Поясщенная 1-му Хоперскому полку Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. С.10-11.

⁷⁵ Агаев А. Женщина по исламу и в исламе // Кавказский вестник. 1901. №3; Акимов В.Н. Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемых при Дашковском этнографическом музее.1888. Вып. 3; Акинфиев И.Я. Поездка в Осетию на Ардоне и в Сванетию // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1894. Кн. 16; Семенов Н. Туземцы Северо-восточного Кавказа. СПб., 1895; Чурсин Г.Ф. Обычаи и предрассудки карачаевцев: Отношение к женщине // Кавказ. 1903. №24,31. и др.

⁷⁶ Ананьев Г. Караногайцы их быт и образ жизни. Ставрополь, 1908; Бентковский Г. Ногайцы. Ч.1-я. Ставрополь, 1883; Его же. Историко-статистический обзор инородцев-магометан кочующих в Ставропольской губернии. Ч-1. Ставрополь, 1883; Его же. Наши кочевники и их экономическое состояние. Ставрополь, 1879 г; Дубов Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 1892г. Казань, 1898; Фарфаровский С.В Народное образование среди калмыков Большого Дербета в связи с их бытом и историей. Бм. Б. г.; Его же. Трухмены Ставропольской губернии. Казань, 1911; Его же. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. Тифлис, 1909; Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Вып. 1-4. Ставрополь, 1911; Воробьев Ф.И. Очерк Большедербетовского улуса. Ставрополь на Кавказе, 1909.

⁷⁷ Бентковский Г. В. Обзорение XXVII летней деятельности Ставропольского благотворительного общества по учебному заведению св. Александры. Вып. VIII. Ставрополь, 1877; Канайтан С. Пятидесятилетие Кубанского Мариинского женского института. 1863-1913 г. Екатеринодар, 1913; Сергиенко В.С. К двадцатилетию Ставропольской Ольгинской женской гимназии. Исторический очерк. (1861-1897). Ставрополь, 1899.

⁷⁸ Баев Г. Владикавказская осетинская женская трехклассная школа.// Терские ведомости, 1908, № 59-61; Гатуев К. Осетинский женский приют // Терек, 1913, № 4698; Хетагуров К. Маленькая история //

Собр. Соч. Т.3. М., 1974. С.48; Пятигорское двухклассное женское училище; Развитие школ в Осетии; Женское образование в Осетии; Хетагуров К. Полное собр. Соч. в пяти томах. Т.4., Владикавказ, 2000. С.182, 230, 276; Гассиев А. Школа женская - больное место здешнего общества // Кавказ, 1873. №76; Уруймагов Х. Женские школы в Осетии // Казбек. 1903. № 1694, 1695, 1696; Дзасохов Г. О женском образовании в Осетии // Казбек. 1905, 20 июля. С.2; Цаликов А. Народное образование в Терской области // Горская жизнь. 1918. № 39.

79

Историческое описание Иоанно-Марьинского монастыря в Ставрополе. Ставрополь, 1898; Крыжановский П. Н. Исторический очерк женской во имя Св. Марии Магдалины иноческой за 50 лет ее существования пустыни // Ставропольские епархиальные ведомости. Ставрополь, 1902.

80

Краснов Г. Ставрополь на Кавказе. Ставропольское книжное издательство, 1953. С.45.

⁸¹ История народов Северного Кавказа. М., 1988.

⁸² Гонтарева Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1965; Копачев И. П. Народное образование в Кабарде. Нальчик, КБАССР, 1957; Его же. Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии (XVIII - 30-е г. XX в.). Нальчик, 1964; Каймаразов Г. Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989; Кошев М.А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Баку, 1991; Зангиев Х.М. Ардонская семинария. Исторический очерк. Орджоникидзе, 1965; Тотоев М. Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1962; Черджиев Х.С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958.

⁸³ Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья. М., 1979; Смирнова Я.С. Раскрепощение женщины у народов Северного Кавказа за годы Советской власти. М., 1964; Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный, 1982 .

⁸⁴ Смирнова Я.С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX - XX). // КЭС. М., 1955. Вып. 1.; Воспитание ребенка в адыгейском ауле в прошлом и настоящем // Учен. Зап. Адыг. НИИ. Майкоп, 1968. Т.8: Этнография; Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа // КЭС. М., 1976. Вып. 6; Семья и семейный быт народов Северного Кавказа: Вторая половина XIX - XX в. М., 1983; Положение «старшей» женщины у народов Кавказа и его историческое истолкование // КЭС. М., 1984. Вып. 8.; Сергеева Г.А. Женщина Дагестана до Великой Октябрьской социалистической революции и в советский период.

Дисс. канд. ист. Наук. М., 1952; Её же. Положение женщины в дореволюционном и советском Дагестане // КЭС. М., 1969. Вып. 4; Гаджиева С.Ш. Общественное и семейное положение женщины кумычки по данным фольклора дооктябрьского периода // СЭ. 1953. № 1; Её же. Кумыки: Историко-

этнографическое исследование. М., 1961; Её же. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967; Её же Очерки семьи и брака у ногайцев XIX-XX вв. М., 1979; Её же Семья и брак у народов Дагестана в XIX - начале XX вв. М., 1985; Её же Дагестанские терекеменцы XIX - начало XX в. М., 1990.

⁸⁵ Сигорский М. Брак и брачные обычаи на Кавказе // Этнография. 1930. №3; Шиллинг Е.М. Балхар: Женские художественные промыслы аула Балхар. Пятигорск, 1936. Такоева Н.Ф. К вопросу о браке и свадебных обрядах у северных осетин в XIX - начале XX в. // КСИЭ. 1959. Вып. 32.; Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979; Кадыраджиева Х.Д. Отражение семейного быта в колыбельных песнях кумыков // Семейный быт народов Дагестана в XIX-XX в. Махачкала, 1980; Хасбулатова З.И. Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционном прошлом // Этногр. и вопр. религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981; Её же. Некоторые формы взаимопомощи связанные с хозяйственным и семейным бытом чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981; Чочиев А.Р. Очерки Истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985; Уарзиати В.С. Культура осетин: Связи с народами Кавказа. Орджоникидзе, 1990.

⁸⁶ Край наш Ставрополье. Очерки истории. Ставрополь, 1999. История городов и сел Ставрополья. Краткие очерки. Ставрополь, 2002.

⁸⁷ Беликов Г.А., Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (на рубеже XIX - XX вв.) Ч. I. Ставрополь. 1995; Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (1917-1941 гг.) Ч. II. Ставрополь, 1996; Кругов А.И. Ставропольский край в Истории России (конец XVIII - XX век). Ставрополь, 2001.

⁸⁸ Осетия и осетины. Сост. К. Челехсаты. Владикавказ - СПб., 1994.

⁸⁹ По страницам истории Кубани. Отв. Ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 1993; Екатеринодар - Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях. Краснодар., 1993; Денисов Н.Г., Лях В. И. Художественная культура Кубани. Краснодар, 2000; Трехбратов Б.А. История Кубани с древнейших времен до начала XX века. Краснодар, 2003.

⁹⁰ Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Здравоохранение Ставрополья в конце XVIII - XX вв. Ставрополь, 2002.

⁹¹ Чеснов Я.В. Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 34; Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.

Викторин В.М. Взаимодействие обычного права (адат, торе) с шариатом в этнопотестарной и этнополитической культуре северокавказских народов // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С.68.; Арсанукаева М. С. Семейно-брачные отношения у чеченцев в XIX - начале XX века // История государства и права 2003. №. 3.С.22. Думанов Х.М., Я.С. Смирнова Старые и новые трактовки

брачно-семейных обычаев народов Кавказа Этнографическое обозрение. 1999. №.4. С. 18-27; Б. М.-Г. Харсиев Имущественные отношения у народов Северного Кавказа (конец XVIII - начале XX в.) // Научная мысль Кавказа. 2002. № 3. С.81- 87; Карнаушенко Л.В. Наследственное право западных адыгов (XIX - начала XX) // Северный Кавказ: Геополитика, история, культура. Материалы всероссийской научной конференции (Ставрополь, 11-14 сентября 2001). М. - Ставрополь. 2001. С. 240-244. и др.

⁹³

Першиц А.И., Смирнова Я.С. Положение кавказской женщины по адатам, христианским канонам и шариату // Государство и право. 1997 № 9.

⁹⁴ Мускаев А. И., Першиц А. И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992.

⁹⁵ Ногмов Ш.Б. История адыгского народа. Нальчик, 1974. С. 31.; Его же. История адыгейского народа. Нальчик, 1947.

⁹⁶ Узденова И. Статус женщины в адыгском и балкарском обществах и его модификации после октябрьской революции. Новопавловск, 1994. С. 14.

⁹⁷ Свечникова Л.Г. Обычай в правовой системе (на материалах правового развития народов Северного Кавказа в XIX в.). Ставрополь, 2002.

⁹⁸ Смирнова Я.С. Трудовые роли и статусы женщины в традиционных обществах народов Кавказа // Этнографическое обозрение. 1997. № 4. С.48; Бабич И.Л. Женщина и миротворчество у кабардинцев // Женщина и свобода: Пути выбора в мире традиций и перемен: Материалы международной конференции. М., 1994; Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане. XVIII - начало XX в. Махачкала, 1995; Ралимова Б.Р. Женщина в традиционном Дагестанском обществе XIX начале XX в. (роль и место в семейной и общественной жизни). Автор. канд. дис. Махачкала, 2001.

⁹⁹ Невская Т. А., С.А. Чекменев Ставропольские крестьяне. Мин-воды, 1994.

¹⁰⁰ Магомедов А. А. Семья на Северном Кавказе. Ставрополь, 1999. С. 242.

¹⁰¹ Акоева Н. Б. Экономическая, политическая и социальная повседневность Кубанского казачества на рубеже веков (конец XIX - начала XX вв.). Армавир. 2002.

¹⁰² Бардадым В. Женский клуб в Екатеринодаре // Советская Кубань. 1991. 8 марта.; Шахова Г. Кафе «Чашка Чаю» // Советская Кубань. 1989. 24 октября; Тончу Е.А. Женщины Кубани. Серия: «Настольная книга женщины». Об-ва «Знание». СПб, 1998; Её же. Россия. Женщина. Земля. Семья. СПб., 2000.

Покотилова Т.Е. Благотворительность и первая мировая война (из истории Ставропольской губернии) // Из истории земли Ставропольской. Сб. науч. Ст. Вып. 4. Ставрополь, 1997. С.33-39; Её же. Благотворительность в России: этапы развития // Вестник Ставропольского Государственного Университета. 1996. Вып.4.; Её же. Благотворительность в социальной истории дореволюционной

России. М., 1997.; Её же. Благотворительность и самоуправление // Актуальные проблемы политической системы и самоуправления. Ставрополь, 1994.; Её же. Земства в истории российской благотворительности // Царизм и общество в начале XX века: новые подходы и задачи изучения проблемы. Материалы V международ. науч. конф. М., 1998.; Её же. Благотворительность как проявление нравственности // Вестник Ставропольского Государственного Университета. 1997. Вып.9.; Оспищева Л.Е. История Благотворительных организаций Кубани (конца XIX - начале XX вв.). Опыт изучения. Автореф. Канд. Дисс. Майкоп, 2000.; Вантеева Н.В. Общественное призрение на Ставрополье и Кубани в XIX - начале века. Автореф. Канд. Дис. Ставрополь, 2000; Коробейников Ю.В. Ставропольское общество в благотворительности рубежа XIX - начале XX веков // Ставрополь - врата Кавказа: История, экономика, культура и политика. Материалы региональной научной конференции, посвященной 225-летию г. Ставрополя. (Ставрополь, 10 сентября 2002 г.). Ставрополь, 2002. С.225-231; Любушкина Е. Ю. К вопросу об общественных организациях в губернском городе Ставрополе во второй половине XIX - начале XX вв. // Ставрополь - врата Кавказа: История, экономика, культура и политика. С.225-231.

¹⁰⁴ Судащев Н.Д. Первая женщина в России - кавалер ордена Святого великомученика и победоносца Георгия // Вестник Ставропольского государственного университета. 1995. №2. С. 29- 35; Бардадым В. Кубанские портреты. Краснодар, 1999. С 139-145.

¹⁰⁵ Чич С.Н. Государственная система общеобразовательной подготовки женской молодежи на Кубани в XIX - начале XX вв. Автореф. канд. Дис. Майкоп, 1993; Кайтукова З.М. Научно-просветительная и педагогическая деятельность Аксо Колиева и проблемы женского образования в Осетии. Владикавказ.: Изд-во СОГУ, 2000; Её же Аксо Колиев и проблемы становления женского образования на Северном Кавказе (начала XIX - 1917). Автореф. канд. дис. Владикавказ, 2000.

¹⁰⁶ Стрелов В.И. Первое женское среднее заведение Ставропольской губернии. (К 150 летию со дня открытия учебного заведения Св. Александры) // Ставропольский хронограф на 1999. Ставрополь, 1999. С. 197; Её же. Ольгинская женская гимназия (к 140 летию со дня открытия) // Ставропольский хронограф на 2000 г. Ставрополь. 2001. С.148.

¹⁰⁷ Невская В.П. Развитие школьного образования на Ставрополье в XIX - XX вв. // Вестник Ставропольского государственного педагогического университета. 1995. №1. С. 85 - 91; Горлова И. И., Манаенко А. И., Лях В. И. Культура кубанских станиц 1794-1917. Исторический очерк. Краснодар, 1993; Трехбратова С.А. Социально-экономический портрет народного образования Кубани во второй половине XIX в. // Краснодару - 200 лет. Тезис краевой научно-практической конференции. Краснодар, 1993; Лях В.И. Просвещение и культура в истории Кубанской станицы. Краснодар, 1997.

Митрополит Гедeon «История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России». Москва-Пятигорск 1992.

¹⁰⁹ Православная церковь на Кубани (конец XVIII - начало XX века). Краснодар, 2001.

¹¹⁰Беликов Г. Храмовое ожерелье // Ставрополь - врата Кавказа. Ставрополь, Ставрополь, 1997. С. 206-212.; Его же. Спасо-Преображенский женский монастырь // Ставропольские губернские ведомости. 1997. №.187. С.7; Его же. Кизлярский монастырь // Ставропольские губернские ведомости. 1997. №.146. С.4; Его же. Иоанно-Марьинский женский монастырь // Ставропольские губернские ведомости. 1997. № 155.; Его же. Святого Георгия и Казанский Агафодоров монастырь в селе Винодельном (Ипатово) // Ставропольские губернские ведомости. 1997. № 187. С. 6; Его же. Монастыри Кубани. О возникновении монастырей в Кубанской области // Ставропольские губернские ведомости 1997. № 191. С.4.; Никитиц П. Монастырь у подножия Бештау // Кавказская здравница. 1991.№ 132. С.4.; Саркисова Е. Последняя монахиня. (О монахине Горнозаводского монастыря к 90-летию) // Ставропольская правда. 2000. №71; Раздольский С.А. Монастырские обители юга России, их роль в религиозном и культурном развитии края в XIX - начале XX веков. Краснодар, 1993; Киселев А.А. Возникновение монастырей на Кубани в конце XVI - начале XX в. Краснодар, 1992.

¹¹¹ Ф. 11. Оп. 1. Д.1. ОРФ СОИГСИ (Материалы о женщинах-горянках;) Ф. 22. Оп.1. Д.14, 19 ОРФ СОИГСИ (Алборов В.А. Жизнь и творчество первой осетинской писательницы Розы Кочисовой.); Ф. 22. Оп.1 Д. 12. ОРФ СОИГСИ (Дзагуров Г.А. Об одной пьесе Кочисовой Розы); Ф. 19. Оп.1. Д. 6. ОРФ СОИГСИ (Валиева-Бегиева Саса - сказательница); Ф. 1. Оп.1. Д. 194-207. (Осетины в Америке об эмиграции 1911).

¹¹² Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. Сост. Радевич М-Спб., 1884. Денисов К. Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений. Вып. 1. 1907-1913. 2 доп. Спб., 1914.; Лаурсон А.И. Частные учебные заведения ведомства Министерства Народного просвещения. Сборник распоряжений и узаконений. Спб., 1912.; Мещерский И.И. Положение о сельскохозяйственном образовании и его применение. П.г., 1916; Положения о начальных народных училищах. Отдел первый. Цель, различные виды начальных народных училищ и ученье в оных / В кн. История педагогики в России. Хрестоматия. М., 2000; Сборник главнейших, касающихся деятельности Российского общества Красного Креста законоположений и главнейших действующих циркуляров Главного Управления названного общества. Спб.,1914; Сборник архивных документов относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области собранные Е.Д. Фелицыным. Т.1. Екатеринодар, 1904; Сборник постановлений и распоряжений по женским

гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870 - 1909 г. / Изд. Д.П. Кузьменко. Смоленск, 1904; Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Т.1. Тифлис, 1867; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения 1874-1876 гг. С-П., 1877; Фальбок Г, Чернолуцкий В. Учительские общества, классы, курсы и съезды. Систематический свод законов, распоряжений правил, инструкций и справочные сведения. Спб.: Знание, 1901.

¹¹³

Устав женских гимназий Ведомства Императрицы Марии. С-П., 1906; Положение о Мариинском женском училище Кубанского казачьего войска. СПб.: Типография Управления Иррегулярных войск, 1861; Устав Екатеринодарского первоначального женского училища войскового старшины Александра Пospолитак. Екатеринодар, 1866; Сборник правил и подробных программ для поступления во все учебные заведения мужские и женские 1899-1900 г. М., 1899.

¹¹⁴ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения 1874-1876 гг. С-П., 1877.

¹¹⁵ Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Т.1. Тифлис, 1867.и др.

¹¹⁶ Нормальный Устав общин сестер милосердия Российского общества Красного Креста. СПб.,1913.; Устав Дамского общества помощи бедным евреям в г. Ставрополе. Ставрополь-губернский, 1906; Устав Екатеринодарского первоначального женского училища войскового старшины Александра Пospолитак. Екатеринодар, 1866; Устав женского благотворительного общества Св. Александры, утвержденный 13.11.1869 г. Ставрополь, 1892; Устав монастыря русской православной церкви. Александров, 1994; Устав женских гимназий Ведомства Императрицы Марии. С-П., 1906; Положение о Мариинском женском училище Кубанского казачьего войска. СПб., 1861 и др.

¹¹⁷ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897. / Ред. Н.А. Тройницкий. СПб, 1906; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Т. 65. Кубанская область. СПб., 1905.

¹¹⁸ Сборник Статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. I. Изд-е Ставропольского губернского Статистического комитета. Ставрополь: Типография губернского правления, 1868; Обзор Ставропольской губернии по данным Ставропольского губернского статистического комитета. Ставрополь, 1906.

¹¹⁹ Статистический обзор начального образования в Ставропольской губернии за 1913-1914 уч. год. Ставрополь, 1915; Начальное народное образование в России. Под. Ред. Г. Фальбока и В. Чернолуцкого. Т. 1-4. Статистические таблицы по уездам, городским поселениям и селениям империи. СПб., 1900-1905.

¹²⁰ Список учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. (Кроме начальных) по городам и селам. Составленный к 1 января 1909 г. СПб, 1909; Статистические сведения о состоянии средних учебных заведений Кавказского учебного округа в 1905 г. Тифлис, 1906.

¹²¹

Важное место в этой группе источников занимает справочная литература, которая издавалась Ставропольским и Кубанским статистическими комитетами: Памятные книжки, Адрес-Календари, Кавказский календарь, Обзоры Ставропольской губернии (1872-1914) и т.д., характеризующие показатели количественного состава женского населения губернии, содержащие сведения о культурных, образовательных и общественных организациях.

¹²² Отчеты Пятигорского местного управления общества Красного Креста за 1912-1917. Пятигорск, 1913 - 1918; Отчеты Ставропольского при Красном Кресте дамского комитета 1914; Отчеты Ставропольского женского благотворительного общества св. Александры 1874- 1895 гг.; ЦГА РСО-А Ф. 11. Оп. 52. Д. 1569. Л.1; ЦГА РСО-А Ф. 199. Оп. 1. Д. 171; ЦГА РСО-А Ф. 199. Оп. 1. Д. 43. Л. 1-11; Отчет о деятельности Ставропольского дамского комитета о раненых и больных воинах, за 1877. Ставрополь-Кавказский, 1878.

¹²³ Казбек. 1905. 20 июля, с.2.; Кубанский край. 1914. №282.; Северокавказский край за 1913-1915 гг.; Ставропольские епархиальные ведомости за 1913-1916 гг.; Терек. 1910; Терский календарь 1914; Учительский вестник. 1911. №4.С.3; Кубанские областные ведомости. 1892-1915; Кубанский курьер. 1915. 28 сентября.; Женское образование 1878 №№ 1-10; Ног цард. 1907 № 13.; Кубанские календари 1900 - 1916.; Кавказские календари 1912- 1913 и др.

¹²⁴ <http://www.women.nw.ru>; <http://www.akmeo.rus.net/page>; <http://www.vvgeor.osetia.ru>; <http://www.gender.ru>; <http://www.mospat.ru>; <http://www.russky.com.ru>; <http://www.oa.orthodoxy.ru>.

¹²⁵ Аникеев А.А. Проблемы методологии истории. Ставрополь, 1995. С.100.

Глава 1. Социально-правовое положение женщин в России во второй половине XIX - начале XX в.

¹²⁶ Шабанова А.Н. Очерк истории женского движения. Иваново, 1996. С.1.

¹²⁷ Даль. В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т.4. С.664.

¹²⁸ Моисеева Л. П. Проблема женской эмансипации в русской литературе 30-40 гг. XIX века. // Общественные науки и современность. 2000. №.4. С.164.

¹²⁹ Бердяев И.А. Метафизика пола и любви // Русский эрос или философия любви в России. С.232.

¹³⁰ Мижухев П.Г. Женский вопрос и женское движение. СПб., 1906. С.71.

¹³¹ Шаповалов В.Ф. Россияведение. М., 2001. С.296.

¹³² Гуревич Л. Почему нужно дать женщине все права и свободу. СПб., 1906. С.5.

¹³³ Там же. С.5.

- ¹³⁴ Безобразов В.П. О правах женщины. М., 1895. С.2.
- ¹³⁵ Синайский В.И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910. С. 1.
- ¹³⁶ Там же. С.4.
- ¹³⁷ Свод законов Российской империи. Т.10.Ч.1. Ст.12.С-Петербург, 1896. С.1.
- ¹³⁸ Там же. Ст.6. С.1.
- ¹³⁹ О союзе брачном. Свод законов Российской империи. Т.10. Ч.1. СПб., 1896. Ст. 1566. С.38.
- ¹⁴⁰ Там же. Ст.37. С.15.
- ¹⁴¹ Там же. Ст. 110. С.89.
- ¹⁴² Там же. Ст. 115. С. 91.
- ¹⁴³ Там же. Ст. 100. С. 81.
- ¹⁴⁴ Там же. Ст. 45. С.
- ¹⁴⁵ Там же. Ст. 45. С
- ¹⁴⁶ Там же. Ст. 46. С. 20.
- ¹⁴⁷ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI - XVII вв. Смоленск, 2002. С.331.
- ¹⁴⁸ Синайский В.И. Указ. соч. С. 278.
- ¹⁴⁹ Там же. С.279.
- ¹⁵⁰ О союзе брачном. Свод законов Российской империи. Т.10. Ч.1. СПб., 1896. Ст. 107. С.89.
- ¹⁵¹ Свод законов Российской империи. Т.10.Ч.1. Ст.164.С-Петербург, 1896. С.95.
- ¹⁵² Свод законов Российской империи. Т.10.Ч.1. Ст.173. С. 107.
- ¹⁵³ Безобразов В.П. О правах женщины. М., 1895. С.6.
- ¹⁵⁴ О союзе брачном. Свод законов Российской империи. Т.10. Ч.1. СПб., 1896. Ст. 1583. С.67.
- ¹⁵⁵ Свод законов Российской империи. Т.10.Ч.1. Ст.103. С.88.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 88.
- ¹⁵⁷ Свод законов Российской империи. Т.10.Ч.1. Ст.2202. С.334.
- ¹⁵⁸ Шаповалов В.Ф. Россияведение. М., 2001. С.296.
- ¹⁵⁹ Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). Иваново, 1994. С.97.
- ¹⁶⁰ Россия в конце XIX века / Под общ. ред.В.И. Ковалевского, СПб., 1900. С.562.
- ¹⁶¹ Женский труд в фабрично - заводской промышленности России за последние 13 лет (1901 - 1911) // Общественный врач. 1915. №9/10. С.592,595.
- ¹⁶² Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт - Петербурге, 10 - 16 декабря 1908 г. СПб., 1909. С.451,455.

Хасбул О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). С.97. Россия в конце атова XIX века / Под общ.ред.В .И.Ковалевского. СПб., 1900. С.562,563. Там же. С.562,563.

¹⁶⁶ Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт Петербурге, 10 - 16 декабря 1908 г. СПб., 1909. С.298.

¹⁶⁷ Там же. С.226.

¹⁶⁸ Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). С. 98.

¹⁶⁹ Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870 - 1909 г. / Изд. Д.П.Кузьменко. Смоленск, 1904. С.24.

¹⁷⁰ Там же. С.27,264,265

¹⁷¹ Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М., 1986. С.320

¹⁷² Народное образование в России. М., 1910. С.34.

¹⁷³ Зинченко Н. Женское образование в России. Спб., 1901. С.23

¹⁷⁴

Латышина Д.И. История педагогики. М, 2002. С.364.

¹⁷⁵ Там же. С.364.

¹⁷⁶ Там же. С. 364.

¹⁷⁷ Там же. С.364.

¹⁷⁸ Там же. С.364.

¹⁷⁹ Там же. С. 365.

¹⁸⁰ Народное образование в России // Народная энциклопедия научных и прикладных знаний : В 10 т. М., 1910. Т.10. С.37.

¹⁸¹

Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи. М., 1905. С.93.

¹⁸² Народное образование в России. С.10.

¹⁸³ Зинченко Н. Указ. Соч. С.23

¹⁸⁴ Латышина Д.И. Указ. Соч. С.367.

¹⁸⁵ Андреева Е. А. Епархиальные женские училища в России // Педагогика. 1999. № 3. С. 88.

- ¹⁸⁶ Циркуляр по духовно-учебному ведомству. 1914. №31. С. 221.
- ¹⁸⁷ Зинченко Н. Указ. Соч. С. 34.
- ¹⁸⁸ Там же. С. 43.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 44.
- ¹⁹⁰ Хасбулатова О.А. Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). С. 99.
- ¹⁹¹ Там же. С. 99.
- ¹⁹² Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50-60 гг. XIX в. Л., 1984. С.137.
- ¹⁹³ Там же С. 137.
- ¹⁹⁴ Хасбулатова О.А. Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). С. 111.
- ¹⁹⁵ Там же. С.112.
- ¹⁹⁶ Гафизова Н.Б. Взаимодействие Российского женского движения и международных женских организаций в конце XIX - начале XX века. В кн. Женское движение в России (Вторая половина XIX - начало XX века). Иваново, 2003. С.112.
- ¹⁹⁷ Там же. С.112.
- ¹⁹⁸ Тыркова А. Сборник памяти А.П. Философовой Пг., 1915. С.407.
- ¹⁹⁹ Гафизова Н.Б. Указ соч. С.112.
- ²⁰⁰ Там же. С.113.
- ²⁰¹ ГАРФ. Ф. 516. Оп.1. Д.1. Л.78.
- ²⁰² Хасбулатова О.А. Указ. Соч. С. 112.
- ²⁰³ Там же. С. 112.
- ²⁰⁴ Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт - Петербурге, 10 - 16 декабря 1908 г. СПб., 1909. С.451 - 455.
- ²⁰⁵ Там же. С. 445.
- ²⁰⁶ Писарева Е. Памяти Анны Павловны Философовой. СПб., 1912. С 15.
- ²⁰⁷ Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт Петербурге, 10 - 16 декабря 1908 г. С.451,455.
- ²⁰⁸ Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). С. 115.
- ²⁰⁹
- ²¹⁰ Бюллетени Первого Всероссийского съезда женщин. Спб, 1908. С.3. Хасбулатова О.А. Опыт и
- ²¹¹ традиции женского движения в России (1860-1917). С. 115. Бюллетени Первого Всероссийского
- ²¹² съезда женщин. С.3.
- Там же. С.3.

- ²¹³ Юкина И. И. Первый всероссийский женский съезд // Вы и Мы. Диалог женщин. М., Эслан, 1998.6 . С 13-16.
- ²¹⁴ Хасбулатова О. А. Первый Всероссийский женский съезд и женское движение в России начала XX века. // Женщина в российском обществе. 1998. № 2. С.17.
- ²¹⁵ Там же. С.16.
- ²¹⁶ Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). С. 116.
- ²¹⁷ Хасбулатова О.А. Женское движение в России второй половины XIX - начала XX века: Исторический опыт и традиции. В кн. Женское движение в России (Вторая половина XIX - начало XX века). Иваново, 2003. С.63.
- ²¹⁸ ГАРФ. Ф.516. Оп.1. Д.1. Л. 4-19.
- ²¹⁹ ГАРФ. Ф.516. оп.1. Д.16. Лл. 1-165.
- ²²⁰ Шабанова А.Н. Очерк женского движения в России. СПб., 1912. С.27.
- ²²¹ Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт - Петербурге, 10 - 16 декабря 1908 г. С.9.
- ²²² ГАРФ. Ф. 516. Оп.1.ДЛ. Л.5.
- ²²³ Хасбулатова О.А. Женское движение в России второй половины XIX - начала XX века: Исторический опыт и традиции. В кн. Женское движение в России (Вторая половина XIX - начало XX века). Иваново, 2003. С.64.
- ²²⁴ Там же С.67.
- ²²⁵ РГАСПИ. Ф.134. Оп.1. Д.55. Л.6.
- ²²⁶ Хасбулатова О.А. Женское движение в России второй половины XIX - начала XX века: Исторический опыт и традиции. В кн. Женское движение в России (Вторая половина XIX - начало XX века). С.66.
- ²²⁷ РГАСПИ. Ф. 134. Оп.1. Д.32. Л.49.
- ²²⁸ Хасбулатова О.А. Женское движение в России второй половины XIX - начала XX века: Исторический опыт и традиции. В кн. Женское движение в России (Вторая половина XIX - начало XX века). С.67.
- ²²⁹ Там же. С.68.
- ²³⁰ Там же. С.103.
- ²³¹ Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). С. 120.
- ²³² Першиц А.И., Смирнова Я.С. Положение Кавказской женщины по адатам, христианским канонам и шариату // Государство и право. 1997. №9. С. 102.
- ²³³ Викторин В.М. Взаимодействие обычного права (адат, торе) с шариатом в этнопотестарной и этнополитической культуре северокавказских народов // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С.68.

- ²³⁴ Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974. С.244.
- ²³⁵ Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983. С.35-37.
- ²³⁶ Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001. С. 216.
- ²³⁷ Там же. С. 217.
- ²³⁸ Першиц А.И., Смирнова Я.С. Указ. Соч. С. 102.
- ²³⁹ Меретуков М.А. Семья и брак у адыгейских народов. Майкоп, 1987. С. 49.
- ²⁴⁰ Першиц А.И., Смирнова Я.С. Указ. Соч. С.103.
- ²⁴¹ Думанов Х. М. Обычное имущественное право кабардинцев. Нальчик, 1976. С.90.
- ²⁴² Там же. С.270.
- ²⁴³ Леонтович Ф. И. Адамы Кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и восточного Кавказа. Вып. 2. Нальчик, 2002. С.240.
- ²⁴⁴ Там же. С.240.
- ²⁴⁵ Свечникова Л.Г. Обычай в правовой системе (на материалах правового развития народов Северного Кавказа в XIX в.). Ставрополь, 2002. С.132.
- ²⁴⁶ Смирнова Я.С. Указ. Соч.С.48.
- ²⁴⁷ Свечникова Л.Г. Указ. Соч. С.134.
- ²⁴⁸ Там же. С. 134.
- ²⁴⁹ Леонтович Ф.И. Указ соч. С.240.
- ²⁵⁰ Там же.С.241.
- ²⁵¹ Там же. С.242.
- ²⁵² Там же. С.165.
- ²⁵³ Там же. С.165.
- ²⁵⁴ Арсанукаева М.С. Семейно-брачные отношения у чеченцев в XIX - начале XX века // История государства и права 2003. №. 3.С.22.
- ²⁵⁵ ГАКК. Ф. 774. Оп.1.Д.241. Л.6.
- ²⁵⁶ Там же. Л. 13.
- ²⁵⁷ Там же. Л. 11.
- ²⁵⁸ Там же. Л. 19 об.
- ²⁵⁹ Фарфаровский С. Народное образование среди кочующих народов Северного Кавказа в связи с современным их бытом. Б г. Б.М. С. 12.
- ²⁶⁰ Фарфаровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. Тифлис, 1909. С. 30.
- ²⁶¹ Там же. С. 30

²⁶² Бентковский Г. Историко-статистическое обозрение инородцев - магометан. Ставрополь, 1883. С. 110.

²⁶³

Фарфаровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. С. 30

²⁶⁴

Першиц А.И., Смирнова Я.С. Указ. Соч. С. 105.

²⁶⁵

Там же. С. 102

²⁶⁶

Там же. С. 105.

²⁶⁷

Там же. С. 105.

²⁶⁸

Клапрот. Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. В кн. Сукунова Х.Х., Сукуновой И.Х. Черкешенка. Майкоп, 1992. С. 53.

²⁶⁹

Бларамберг И. Историческое топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Пер. с французского И.М. Назаровой. Нальчик, 1999. С. 379.

²⁷⁰

Кох. К. Путешествие по России и в Кавказские земли. В кн. Сукунова Х.Х., Сукуновой И.Х. Черкешенка. Майкоп, 1992. С. 69.

²⁷¹

Першиц А.И., Смирнова Я.С. Указ. соч. С. 105.

²⁷²

Невская Т. А., Чекменев С. А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Минеральные воды, 1994. С.134.

²⁷³

Там же. С.134.

²⁷⁴

Там же. С.134.

²⁷⁵

Там же. С.134.

²⁷⁶

Там же. С.134.

²⁷⁷

Там же. С.136.

²⁷⁸

Дюма А. Кавказ. Краснодар, 1992. С.75

²⁷⁹

Толстой Л.Н. Казаки. М., 1981. С.159.

²⁸⁰

Щербина Ф.А. Краткий исторический очерк Кубанского казачьего войска. Воронеж, 1888. С. 244.

²⁸¹

Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринодар, 1913. С. 830.

²⁸²

Заседателева Л.Б. Терские казаки:(сер XVI - начало XX в). М., 1974. С.302. Малявкин Г.

²⁸³

Станица Червленая. Этнографическое обозрение. 1891. №.1. С.132.

²⁸⁴

Заседателева Л.Б. Указ. соч. С.302.

²⁸⁵

Акоева Н.Б. Экономическая, политическая и социальная повседневность Кубанского казачества на рубеже веков (конец XIX - начало XX в.). Канд дисс. 07.00.02 - отечественная истории. Ставрополь, 2002. С.64.

²⁸⁶

Магомедов А.А. Семья на Северном Кавказе. Ставрополь, изд-во СГУ, 1999. С.243

²⁸⁷ Там же. С.243.

Глава 2. Женское образование на Северном Кавказе во второй половине XIX - начале XX в.

²⁸⁸ Прыскина Е.А. Государственная система образования российской провинции в прошлом столетии. // Регионоведение, 1998. №.2. С. 132.

²⁸⁹ Положения о начальных народных училищах. Отдел первый. Цель, различные виды начальных народных училищ и ученье в оных./В кн. История педагогики в России. Хрестоматия. М, 2000. С. 259.

²⁹⁰ Там же. С. 260.

²⁹¹ Там же. С. 259.

²⁹² Там же. С. 259.

²⁹³ Латышина Д.И. Указ. Соч. С.294.

²⁹⁴ Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи за 1896 г. СПб, 1902. С.250.

²⁹⁵ Рождественский С.В. Исторический очерк деятельности Министерства народного просвещения 1802-1902. СПб, 1902. С. 446.

²⁹⁶ Учительский вестник. 1911. №4.С.3; Русская школа. 1914. №2. С.64-65.

²⁹⁷ Сысоева Е.К. Образовательная политика в России (60-90 гг XIX вв). // Педагогика. 1997 № 2. С.104.

²⁹⁸ Указ. Соч. С.104.

²⁹⁹ Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке. М., 1993. С.59.

³⁰⁰ Там же. С.59.

³⁰¹ Там же. С.59.

³⁰² Отчет попечителя Кавказского учебного округа за 1867 год. С. 1-2.

³⁰³ ЖМНП. 1866. Ч. 132.С.338

³⁰⁴ Гатагова Л.С. Указ. Соч.С.62.

³⁰⁵ Материалы по истории осетинского народа. С. 117.

³⁰⁶ Материалы по истории осетинского народа. С. 117.

³⁰⁷ Материалы по истории осетинского народа. С. 118.

³⁰⁸ Материалы по истории осетинского народа. С. 119.

³⁰⁹ Гатагова Л.С. Указ. Соч. С.63.

³¹⁰ Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912. С. 176.

³¹¹ Фарфаровский С. Народное образование среди кочующих народов Северного Кавказа в связи с современным их бытом. Б.Г. С. 18.

- ³¹² Аксо Колиев. Сост. Чибиров Л.А.. Владикавказ, 1999. С.4
- ³¹³ Кайтукова З.М. Аксо-Колиев и проблемы становления женского образования на Северном Кавказе (нач. XIX-1917 г). Владикавказ, 2000. Диссертация на соискание канд.пед. наук. С. 81.
- ³¹⁴ Гатуев К. Осетинский женский приют. (50-летие существования) // Терек, 1913, № 4698.
- ³¹⁵ Хетагуров К. Маленькая история. // К. Хетагуров. Собр. Соч., т.3, М., 1974. С.48.
- ³¹⁶ Гатуев К. Осетинский женский приют. (50-летие существования) // Терек, 1913, № 4698.
- ³¹⁷ Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917. Краснодар, 1997. С.261.
- ³¹⁸ ЦГА РСО-А. Ф.143. Оп.2, Д.161, Л.41.
- ³¹⁹ ЦГА РСО-А. Ф.143. Оп.2. Д. 161, Л.5 об.
- ³²⁰ Обзор Ставропольской губернии за 1878 г. Ставрополь, 1879.С.42.
- ³²¹ ЦГА РСО-А Ф. 123. ОП. 1. Д. 67. Л. 166.
- ³²² Отчет начальника Терской области за 1896. Владикавказ, 1897.
- ³²³ Ф. 306. ОП.1. Д.217. Л.49.
- ³²⁴ Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Ставропольской епархии за 1895-96 учебный год. Ставрополь, 1897. С. 1-4.
- ³²⁵ Обзор Ставропольской губернии за 1897 год. Ставрополь, 1897. С.44.
- ³²⁶ Обзор Ставропольской губернии за 1906 г. По данным Ставропольского статистического комитета. Ставрополь, 1908 г. С. 17.
- ³²⁷ Обзор Ставропольской губернии за 1910 г. Ставрополь, 1911. С.62.
- ³²⁸ Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. Ставрополь, 1915. С.62.
- ³²⁹ Отчет начальника Терской области и наказного казачьего атамана Терского казачьего войска за 1910 год. Владикавказ, 1910. С. 55.
- ³³⁰ Отчет начальника Терской области и наказного казачьего атамана Терского казачьего войска за 1910 год. Владикавказ, 1910. С. 56.
- ³³¹ Материалы по истории осетинского народа, Т. V. С. 203-209.
- ³³² ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1269. Л. 43.
- ³³³ Там же. Л. 43-44.
- ³³⁴ Горлова И.И., Лях В.И., Манаенков А.И. Культура кубанских станиц (1794-1917 гг.) Краснодар, 1993. С. 24.
- ³³⁵ Лях В. И. Просвещение и культура в истории кубанской станицы. Краснодар, 1997. С.69
- ³³⁶ Там же. С.69.
- ³³⁷ Там же. С.69.
- ³³⁸ КОВ. 1893, № 40

- ³³⁹ Отчет начальника кубанской области и наказного атамана казачьего войска о состоянии области и войска за 1895 г. Екатеринодар, 1896. С. 44.
- ³⁴⁰ Отчет начальника кубанской области и наказного атамана казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 г. Екатеринодар, 1901. С. 52.
- ³⁴¹ Отчет начальника кубанской области и наказного атамана казачьего войска о состоянии области и войска за 1910 г. Екатеринодар, 1911. С. 77.
- ³⁴² Отчет начальника кубанской области и наказного атамана казачьего войска о состоянии области и войска за 1915 г. Екатеринодар, 1916. С. 88.
- ³⁴³ Отчет начальника кубанской области и наказного атамана казачьего войска о состоянии области и войска за 1910 г. Екатеринодар, 1911. С. 78.
- ³⁴⁴ Отчет начальника кубанской области и наказного атамана казачьего войска о состоянии области и войска за 1915 г. Екатеринодар, 1916. С. 91.
- ³⁴⁵ Отчет начальника кубанской области и наказного атамана казачьего войска о состоянии области и войска за 1910 г. Екатеринодар, 1911. С. 78.
- ³⁴⁶ Тихонович В. Сеть учреждений внешкольного образования. // Народное образование в земствах. Основы организации и практика дела. Сб под. Ред. Е.А. Звягинцева, А.М. Обухова, С.О. Серополко, Н.В. Чехова. М., 1914. С.321.
- ³⁴⁷ КОВ, 1896, № 83.
- ³⁴⁸ Лях В.И. Просвещение и культура в истории кубанской станицы. Краснодар, 1997. С.75.
- ³⁴⁹ Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Ставропольской епархии за 1895-96 учебный год. Ставрополь, 1897. С. 1-4.
- ³⁵⁰ ГАСК. Ф. 101. Оп.4. Д.2015. Л.32.
- ³⁵¹ Там же. Л.32.
- ³⁵² Там же. Л. 21.
- ³⁵³ Овцын В. Развитие женского образования. Исторический очерк. Спб, 1887. С. 34.
- ³⁵⁴ Латышина Д.И. Указ. Соч. С.241.
- ³⁵⁵ Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России (1828-1856 гг). Спб., 1895. С.1, 216.
- ³⁵⁶ Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50-60 гг XIX в. Л., 1984. С. 176.
- ³⁵⁷ Стрелов В. И. Частные учебные заведения Ставропольской губернии в первой половине XIX века. // Из истории земли Ставропольской Сб.науч.ст. Вып. 4. Ставрополь, 1997. С.61.
- ³⁵⁸ Бентковский И.В. Обзорение XVII летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества св. Александры по учебному заведению. Вып."УШ Ставрополь, 1877. С. 1.
- ³⁵⁹ Там же С.1.

³⁶⁰ Там же. С. 1.

³⁶¹ Стрелов В.И. Первое женское среднее заведение Ставропольской губернии. (К 150 летию со дня открытия учебного заведения Св. Александры) // Ставропольский хронограф на 1999. Ставрополь, 1999. С. 197.

³⁶² ГАСК. Ф.15. Т. 2. Д. 2131.

³⁶³ Сергиенко В.С. Исторический очерк состояния Ставропольской Ольгинской женской гимназии 1861 - 1897. Ставрополь, 1898. С. 5.

³⁶⁴ Стрелов В. И. Ольгинская женская гимназия (к 140 летию со дня открытия) // Ставропольский хронограф на 2000 г. С.148.

³⁶⁵ ЦГА РСО-А.Ф.127. Оп. 1. Д.52.Л.1.

³⁶⁶ Там же. Л.2.

³⁶⁷ Тончу Е.А. Женщины Кубани. СПб.,1998. С.145

³⁶⁸ Список Учебных заведений ведомства МНП. Спб., 1909.

³⁶⁹ Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1908-1915 гг. Тифлис, 1915. С.60-64.

³⁷⁰ ГАСК. Ф. 76. Д. 50. Оп. 1. Л. 84.

³⁷¹ Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1901 г. Тифлис, 1902. С. 12,174.

³⁷² Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1910 г. Тифлис, 1911. С. 220,33.

³⁷³ Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1901 г. Тифлис, 1902. С. 247.

³⁷⁴ Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1910 г. Тифлис, 1911. С. 220,33.

³⁷⁵ Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана казачьего войска о состоянии области и войска за 1910 год. Екатеринодар, 1911.С.78.

³⁷⁶ Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана казачьего войска о состоянии области и войска за 1915 год. Екатеринодар, 1915.С.81.

³⁷⁷ Памятная книжка Ставропольской губернии на 1893. Ставрополь, 1893. С. 196.

³⁷⁸ ГАСК. Ф.77 . Оп.1. Д. 12. л. 1.

³⁷⁹ Там же Д. 582. Л.1.

³⁸⁰ Андреева Е.А. Епархиальные женские училища в России.// Педагогика, 1999. №3. С.86.

³⁸¹ ГАСК. Ф. 77. Оп. 1. Д.47. Л. 2.

³⁸² Там же Д. 532. св.23. Л.6-8.

³⁸³ ЦГА РСО-А.Ф.143. Оп. 2. Д.38.

- ³⁸⁴ Канукова З.Е. Старый Владикавказ. Владикавказ, 2002. С.213.
- ³⁸⁵ КОВ 1893. №68.
- ³⁸⁶ Лаурсон А.И. Частные учебные заведения ведомства Министерства Народного просвещения. Сборник распоряжений и узаконений. СПб., 1912. С. 13.
- ³⁸⁷ Латышина Д.И. Указ. Соч. С.241.
- ³⁸⁸ ГАСК. Ф.15.Оп. 2. Д.3090. Л.1.
- ³⁸⁹ Там же. Д. 2324. Л. 6.
- ³⁹⁰ Там же. Д.3090. Л.1.
- ³⁹¹ Там же. Д. 3243. Л. 15.
- ³⁹² Там же. Л. 15.
- ³⁹³ Там же. Л. 23.
- ³⁹⁴ Там же. Л. 11.
- ³⁹⁵ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.7. Д.527. Л. 1.
- ³⁹⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д.218. Л. 1 (отчет за 1898), Л.99. (отчет за 1901).
- ³⁹⁷ Там же. Д.65. Л.57.
- ³⁹⁸ Статистика Российской империи VIII. Специальные учебные заведения мужские и женские по переписи 20-го марта 1880 г. Спб, 1890. CXLVIN.
- ³⁹⁹ Отчет начальника Терской области и наказного казачьего атамана Терского казачьего войска за 1896. Владикавказ, 1897. С.60.
- ⁴⁰⁰ Отчет начальника Терской области и наказного казачьего атамана Терского казачьего войска за 1910. Владикавказ, 1910.С.55.
- ⁴⁰¹ Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана казачьего войска о состоянии области и войска за 1901 год. Екатеринодар, 1901.С.53.
- ⁴⁰² Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана казачьего войска о состоянии области и войска за 1910 год. Екатеринодар, 1910.С.81.
- ⁴⁰³ Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана казачьего войска о состоянии области и войска за 1915 год. Екатеринодар, 1915.С.81.
- ⁴⁰⁴ ГАКК. Ф. 498. Оп. 2. Д.62. Л. 1.
- ⁴⁰⁵ Там же. Л-л. 1-48.
- ⁴⁰⁶ Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1882 г. Тифлис, 1883. С.59.
- ⁴⁰⁷ ГАКК Ф.469.Оп.1.Д.100.
- ⁴⁰⁸ ГАКК Ф.495. Оп.1.Д.474. Л.30.
- ⁴⁰⁹ ЦГА РСО-А Ф. 123.Оп.1. Д.97.
- ⁴¹⁰ ГАСК. Ф. 77.Оп.1. Д.941. Л.1.

- ⁴¹¹ КОВ. 1893. 16 октября.
- ⁴¹² ЦГА РСО-А Ф.143. Оп.2. Д.412.
- ⁴¹³ Список Учебных заведений ведомства МНП. Спб., 1909.
- ⁴¹⁴ Рудольф Н. К вопросу об организации начальных училищ, специальных педагогических курсов, коммерческих и других профессиональных отделений при женских гимназиях. Тифлис, 1915. С. 19.
- ⁴¹⁵ Канукова З.В. Старый Владикавказ. Владикавказ, 2002. С.116.
- ⁴¹⁶ Гатуев К. Осетинский женский приют (50-летие существования). // Терек, 1913, № 4698. С. 3.
- ⁴¹⁷ ГАКК. Ф.560. Ф. 583. Ф.486.
- ⁴¹⁸ ГАСК Ф. 125. Оп.1. Д.7. Л.1.
- ⁴¹⁹ ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп. 1. Д.407.
- ⁴²⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д.97.
- ⁴²¹ Рудольф Н. К вопросу об организации начальных училищ, специальных педагогических курсов, коммерческих и других профессиональных отделений при женских гимназиях. Тифлис, 1915. С. 1.
- ⁴²² Там же. 1915. С. 9.
- ⁴²³ Там же. 1915. С. 10.
- ⁴²⁴ ГАСК Ф.126. Оп. 1. Д. 27. Л.94.
- ⁴²⁵ ГАСК. Ф. 126. Оп.1. Д. 86. Л.1.
- ⁴²⁶ ЦГА РСО-А. Ф.137. Оп. 1. Д. 6. Л.1.
- ⁴²⁷ ГАСК Ф. 126. Оп.1. Д.49. Л. 5-126.
- ⁴²⁸ ГАСК. Ф. 126. Оп.1. Д. 68. Л 10-17.
- ⁴²⁹ ГАСК. Ф. 126. Оп.1.Д.6.Л.22.
- ⁴³⁰ Сборник отчетов о курсах для учителей и учительниц за 1911 г. Тифлис, 1912. С.5.
- ⁴³¹ Там же. С.11.
- ⁴³² Там же. С.12.
- ⁴³³ Пятые сельскохозяйственные и общеобразовательные курсы на средства Кубанского казачьего войска для учителей и учительниц Кубанской области в г. Анапе с 1 июля по 1 августа 1911. // Сборник отчетов о курсах для учителей и учительниц за 1911 г. Тифлис, 1912. С.129.
- ⁴³⁴ ЦГА РСО-А Ф.123. Оп.1. Д.438. Л. 2 об.
- ⁴³⁵ Рудольф Н. К вопросу об организации начальных училищ, специальных педагогических курсов, коммерческих и других профессиональных отделений при женских гимназиях. Тифлис, 1915. С. 21.
- ⁴³⁶ ГАСК. Ф. 101. ОП. 1. Д. 1893. Л.65.
- ⁴³⁷ Ильинский ПА. Русская женщина в войну 1877-1878. СПб., 1879. С.272.
- ⁴³⁸ Все высшие женские учебные заведения России М., 1916. С.1-44.

- ⁴³⁹ ГАСК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 6. Л. 59.
- ⁴⁴⁰ Краткий исторический очерк образования и развития Кубанской общины сестер милосердия Российского общества Красного креста. Екатеринодар, 1915. С.4.
- ⁴⁴¹ Там же. С.4.
- ⁴⁴² Отчет Кубанского местного управления Российского общества Красного креста за 1897 г. С.23.
- ⁴⁴³ Краткий исторический очерк образования и развития Кубанской общины сестер милосердия Российского общества Красного креста. Екатеринодар, 1915. С.8.
- ⁴⁴⁴ Отчет Пятигорского местного управления Российского общества Красного креста за 1907 г. Пятигорск, 1908. С.45.
- ⁴⁴⁵ Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Здравоохранение Ставрополя а конце XVIII - начале XX в. Ставрополь, 2002. С.142.
- ⁴⁴⁶ Там же. С. 142.
- ⁴⁴⁷ ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 493.Л.6.
- ⁴⁴⁸ Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Указ. Соч. С. 142.
- ⁴⁴⁹ Там же. С.121.
- ⁴⁵⁰ Там же. С. 122.
- ⁴⁵¹ ГАСК. Ф. 311.Оп.1.Д.394. Л.1.
- ⁴⁵² ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д.394. Л. 2.
- ⁴⁵³ Веселов А.Н. Среднее профессионально-техническое образование в дореволюционной России. М., 1959.С.29.
- ⁴⁵⁴ Веселов А.Н. Указ. Соч. С.30.
- ⁴⁵⁵ Там же. С.35.
- ⁴⁵⁶ К вопросу о профессиональных женских школах (по поводу занятий подкомиссии Технического общества). // Женское образование. 1879. № 4. С.267.
- ⁴⁵⁷ Златковский М. Профессиональные женские школы в России. Школы и курсы разнообразных реальных знаний. // Женское образование. 1879. № 1-10. С.312.
- ⁴⁵⁸ Отчет правления Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей за 1899 год. Ставрополь, 1900. С. 34.
- ⁴⁵⁹ Отчет правления Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей за 1911 год. Ставрополь, 1912. С. 34.
- ⁴⁶⁰ Отчет правления Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей за 1914 год. Ставрополь, 1915. С. 34.
- ⁴⁶¹ Историческое описание Иоанно-Марьинского женского монастыря в г. Ставрополе. Ставрополь, 1898. С. 43.
- ⁴⁶² Роговский А.И. Промышленные школы Кавказа МНП. Пятигорск, 1914. С.11.

⁴⁶³ Там же. С.12.

⁴⁶⁴ Рудольф Н. К вопросу об организации начальных училищ, специальных педагогических курсов, коммерческих и других профессиональных отделений при женских гимназиях. Тифлис, 1915. С. 21.

⁴⁶⁵ Там же. С. 22.

⁴⁶⁶ Там же. С. 25.

⁴⁶⁷ Там же. С. 36.

⁴⁶⁸ Там же. С. 37.

⁴⁶⁹ Там же. С. 38.

Глава 3. Социальная активность и профессиональная деятельность женщин на Северном Кавказе во второй половине XIX - начале XX в.

⁴⁷⁰ Бентковский И.В. Обзорение XXVII летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебному заведению св. Александры. Ставрополь, 1877. С. 1.

⁴⁷¹ ГАКК. Ф. 454. Оп.7. Д.862. Л. 17.

⁴⁷² ГАКК. Ф.454. Оп.2. Д.3646. Л.12.

⁴⁷³ ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 639. Л. 7.

⁴⁷⁴ Тончу Е.А. Женщины Кубани. СПб., 1998. С.145.

⁴⁷⁵ Отчет Пятигорского Дамского кружка попечения о бедных детях за 1912 г. Пятигорск, 1913. С.1.

⁴⁷⁶ Там же. С. 2.

⁴⁷⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп.11. Д.295. Л. 43.

⁴⁷⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп.11. Д.295. Л. 46.

⁴⁷⁹ ЦГА РСО - А.Ф.199. Оп.1. Д. 43. Л.1.

⁴⁸⁰ Там же. Л.1.

⁴⁸¹ ЦГА РСО - А. Ф.199. Оп.1. Д.73. Л.7.

⁴⁸² ГАКК Ф. 454. Оп.2. Д. 3891 Л-л.1-6; Д. 3911. Л-л. 1-32; Д. 4027. Л. 73.

⁴⁸³ Отчет Екатеринодарского отделения армянского благотворительного общества на Кавказе за 1908. Екатеринодар, 1909. С.4.

⁴⁸⁴ ГАСК Ф.62. Оп.1. Д.43. Л.5,6.

⁴⁸⁵ Отчет о деятельности Ставропольского дамского комитета общества попечения о больных и раненых воинах за 1877г. Ставрополь (Кавказский), 1878. С.3.

⁴⁸⁶ Там же. С.8.

⁴⁸⁷ Там же. С.13.

⁴⁸⁸ ГАСК Ф. 62. Оп.1. Д.6. Л.70.

- ⁴⁸⁹ Отчет о деятельности Ставропольского дамского комитета общества попечения о больных и раненых воинах за 1877г. Ставрополь (Кавказский), 1878. С.24.
- ⁴⁹⁰ ГАСК. Ф. 62. Оп. 1. Д.6. Л.1.
- ⁴⁹¹ Там же. Л.59.
- ⁴⁹² ГАСК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л.17.
- ⁴⁹³ ГАСК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 8. Л.3.
- ⁴⁹⁴ Отчет Ставропольского при Красном кресте дамского комитета за время с 1 августа 1914 по 1 января 1915. Ставрополь, 1915. С.1.
- ⁴⁹⁵ Там же. С. 8.
- ⁴⁹⁶ Там же. С.5.
- ⁴⁹⁷ Отчет Кубанского Местного управления Российского общества Красного креста за 1901. Екатеринодар, 1902. С.1.
- ⁴⁹⁸ Краткий исторический очерк Кубанской общины сестер милосердия Российского общества Красного креста. Екатеринодар, 1915. С. 3.
- ⁴⁹⁹ Там же. С.3.
- ⁵⁰⁰ Там же. С. 3.
- ⁵⁰¹ Там же. С. 4.
- ⁵⁰² Там же. С. 4.
- ⁵⁰³ Там же. С. 10.
- ⁵⁰⁴ Там же. С. 11.
- ⁵⁰⁵ Отчет о деятельности лазарета № 17 при Кубанской общине сестер милосердия Красного Креста с 22 ноября 1914 по 1 января 1916. Екатеринодар, 1916. С.1.
- ⁵⁰⁶ Отчет Пятигорского Местного управления Российского общества Красного креста за 1906 г. Пятигорск, 1907. С.2.
- ⁵⁰⁷ Отчет Пятигорского дамского комитета Красного креста с 27 августа 1914 по 27 августа 1915. Пятигорск, 1915 г. С.1.
- ⁵⁰⁸ Там же. С. 1-2.
- ⁵⁰⁹ Отчет Пятигорского дамского комитета Красного креста за 1916. Пятигорск, 1917 г. С .1-2.
- ⁵¹⁰ Там же. С.1-2
- ⁵¹¹ Там же. С.1-2
- ⁵¹² Там же. С.3.
- ⁵¹³ КОВ. 1906. 11 марта.
- ⁵¹⁴ Отчет о деятельности Кубанского общества братской помощи увечным воинам за 11 год существования. С 1 января 1916 по 1 января 1917. Екатеринодар, 1917.С.18.
- ⁵¹⁵ Там же. С. 29.

- ⁵¹⁶ Там же. С. 20.
- ⁵¹⁷ КОВ. 1915. 28 октября.
- ⁵¹⁸ Отчет о деятельности Кубанского общества братской помощи увечным воинам за 11 год существования. С 1 января 1916 по 1 января 1917. Екатеринодар, С.17.
- ⁵¹⁹ Кубанский курьер. 1915. 28 сентября.
- ⁵²⁰ Шахова Г. Кафе «Чашка чаю» // Советская Кубань. 1989. 24 октября.
- ⁵²¹ ЦГА РСО - А Ф.11. Оп.52. Д.1569. Л.1.
- ⁵²² Там же. Л.2.
- ⁵²³ Там же. Л.2.
- ⁵²⁴ Там же. Л.3.
- ⁵²⁵ Терские ведомости, 1915, № 271, № 272, № 274; 1916. № 14, № 28.
- ⁵²⁶ ЦГА РСО - А. Ф. 199. Оп.1. Д.171. Л.1.
- ⁵²⁷ Там же. Л.35 об.
- ⁵²⁸ Кубанский курьер. 1912. 24 апреля, 19 мая.
- ⁵²⁹ Бардадым В. Женский клуб в Екатеринодаре // Советская Кубань. 1991. 8 марта. С.3.
- ⁵³⁰ Там же. С.3
- ⁵³¹ Отчет о деятельности Ставропольского дамского комитета Общества попечения о больных и раненых воинах за 1877 г. Ставрополь (Кавказский), 1878. С. 8.
- ⁵³² Архимандрит Георгий (Тертышников) Женское монашество в России XVII - XIX веко. //А и О №2, 1999.С.1. <http://ao.orthodoxy.ru>
- ⁵³³ Смолич И. К. Русское монашество (988-1917). Приложение к «Истории Русской Церкви». М., 1997. С.291-292.
- ⁵³⁴ Там же. С.293.
- ⁵³⁵ Архимандрит Георгий (Тертышников) Указ. Соч. С.3.
- ⁵³⁶ Смолич И.К. Русское монашество (988-1917). Приложение к «Истории Русской Церкви». М., 1997. С.293.
- ⁵³⁷ Там же. С.293.
- ⁵³⁸ Архимандрит Георгий (Тертышников) Указ. Соч. С.3.
- ⁵³⁹ Скачкова Г.К. Образование и общественная деятельность женщин Тобольской губернии второй пол. XIX - нач. XX вв. (1860-1917 гг). Тобольск, 1998. С.113.
- ⁵⁴⁰ По подсчетам автора.
- ⁵⁴¹ www.stavropol.net.
- ⁵⁴² Беликов Г. Ставрополь - врата Кавказа. Ставрополь, ставропольское книжное издательство, 1997.С.206.
- ⁵⁴³ Историческое описание Иоанно-Марьинского женского монастыря в г. Ставрополе.

Ставрополь, 1898. С.8.

⁵⁴⁴ Там же. С.16.

⁵⁴⁵ ГАСК. Ф.135. Оп.28. Д.558. Л.59.

⁵⁴⁶ Историческое описание Иоанно-Марьинского... С.20 - 42

⁵⁴⁷ ГАСК. Ф. 135. Оп.72. Д.1280. Л.159.

⁵⁴⁸ ГАСК. Ф.135. Оп.58. Д.475. Л.77.

⁵⁴⁹ ГАСК. Ф.306. Оп.1. Д.138. Л.2.

⁵⁵⁰ Историческое описание Иоанно-Марьинского. С.42.

⁵⁵¹ Там же. С.43.

⁵⁵² Шептун С. Из истории православной церкви на Кубани. Краснодар, 1995. С. 415.

⁵⁵³ Крыжановский П. Н. Исторический очерк женской во имя Св. Марии Магдалины иноческой за 50 лет ее существования пустыни. // Ставропольские епархиальные ведомости. Ставрополь, 1902.

⁵⁵⁴ Тончу Е.А. Указ. Соч. С. 123.

⁵⁵⁵ Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917. Краснодар, 1997. С.261.

⁵⁵⁶ Энциклопедический словарь по истории Кубани. С.261.

⁵⁵⁷ Там же. С.261.

⁵⁵⁸ ГАСК. Ф. 135. Оп.23. Д.659. Л. 2.

⁵⁵⁹ ГАСК. Ф. 719. Оп.1. Д.1. Л.1.

⁵⁶⁰ ГАСК. Ф. 135. Оп. 39. Д.157.

⁵⁶¹ Беликов Г. Спасо-Преображенский женский монастырь. // Ставропольские губернские ведомости. 1997. №.187. С.7.

⁵⁶² ГАСК. Ф. 135. Оп. 39. Д.157. Л. 8.

⁵⁶³ Кавказские Епархиальные ведомости. 1881. №24.

⁵⁶⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 39. Д.157. Л.14-16.

⁵⁶⁵ Там же Л. 17.

⁹⁷ ГАСК. Ф. 135. Оп.53. Д.409. Л.1.

⁵⁶⁶ ГАСК. Ф.135. Оп.72. Д.1288. Л.261.

⁵⁶⁷ Беликов Г. Спасо-Преображенский женский монастырь // Ставропольские губернские ведомости. 1997. №.177. С.7.

⁵⁶⁸ ГАСК Ф. 135. Оп. 48. Д.307. Л.47.

⁵⁶⁹ Беликов Г. Спасо-Преображенский женский монастырь. // Ставропольские губернские ведомости. 1997. №.177. С.7.

⁵⁷⁰ ГАСК. Ф. 135. Оп. 48. Д.307. Л.74.

- ⁵⁷¹ Беликов Г. Спасо-Преображенский женский монастырь. // Ставропольские губернские ведомости. 1997. №. 187. С. 7.
- ⁵⁷² ГАСК. Ф. 135. Оп. 75. Д. 1032. Л. 7.
- ⁵⁷³ ГАСК. Ф. 135. Оп. 71. Д. 1032. Л. 1.
- ⁵⁷⁴ ГАСК. Ф. 135. Оп. 75. Д. 251. Л. 1.
- ⁵⁷⁵ ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 161; Л. 41.; Оп. 62, Д. 297, Л. л. 57, 58.
- ⁵⁷⁶ ЦГА РСО-А Ф. 143. Оп. 2. Д. 161. Л. 5 об.
- ⁵⁷⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 161. Л. 9.
- ⁵⁷⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 161. Л. л. 27, 52.
- ⁵⁷⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 161. Л. л. 23-25.
- ⁵⁸⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп. 2. Л. 76.
- ⁵⁸¹ ЦГА РСО-А. Ф. 143. Оп. 2. Д. 161. Л. л. 106, 107, 109.
- ⁵⁸² ЦГА РСО-А Ф. 143. Оп. 2. Д. 161. Л. 146 об.
- ⁵⁸³ Там же. Л. 147.
- ⁵⁸⁴ Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. СПб., 1915. С. 130.
- ⁵⁸⁵ Отчет о состоянии Владикавказской епархии за 1907 г. Владикавказ, 1908. С. 34.
- ⁵⁸⁶ Там же. С. 37.
- ⁵⁸⁷ Там же. С. 38.
- ⁵⁸⁸ Там же С. 40.
- ⁵⁸⁹ Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. Спб., 1884. С. 184.
- ⁵⁹⁰ Сиповский В. Д. Избранные педагогические сочинения. С-П., 1911. С. 99.
- ⁵⁹¹ Обзор Ставропольской губернии за 1878 г. Ставрополь, 1878. С. 10.
- ⁵⁹² Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1901 год. Тифлис, 1902. С. 536.
- ⁵⁹³ Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1901 год. Тифлис, 1902. С. 536.
- ⁵⁹⁴ Там же. С. 539.
- ⁵⁹⁵ Обзор Ставропольской губернии за 1910 . Ставрополь, 1911. С. 62.
- ⁵⁹⁶ ГАСК. Ф. 101. Оп. 4. Д. 3481. Л. 12.
- ⁵⁹⁷ Там же. Л. 15.
- ⁵⁹⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 128. Оп. 1. Д. 180.
- ⁵⁹⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1.
- ⁶⁰⁰ Отчет начальника Терской области и наказного казачьего атамана Терского казачьего войска за 1896 год. Владикавказ, 1897. С. 66

⁶⁰¹ Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1910 год. Екатеринодар, 1911. С.78-79.

⁶⁰² Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области за 1915. Екатеринодар, 1916. С. 85-88.

⁶⁰³ Данилов А.Г. Интеллигенция юга России в конце XIX - начале XX века. Ростов-на Дону, 2000. С. 94.

⁶⁰⁴ Там же. С.94.

⁶⁰⁵ Вагнер Е.Д. Доклад делегата Общества взаимопомощи учащихся и учивших в народных училищах Кубанской области. Екатеринодар, 1903. С. 1-2.

⁶⁰⁶ Отчет о состоянии и деятельности общества взаимного вспомощевания учащим и учившим в церковных школах Ставропольской епархии. II год существования с 1 января 1913 г. Ставрополь, 1915. С. 3.

⁶⁰⁷ Там же. С.4.

⁶⁰⁸ Там же. С.4.

⁶⁰⁹ ЦГА РСО-А. Ф 124. 1. Д. 174.Л.1.

. Оп.

⁶¹⁰ ЦГА РСО-А. Ф 128. 1. Д.511.Л.1.

. Оп.

⁶¹¹ ЦГА РСО-А. Ф 128. 1. Д.569.Л.1.

. Оп.

⁶¹² ЦГА РСО-А. Ф 123. 1. Д.425.Л.65.

. Оп.

⁶¹³ ЦГА РСО-А. Ф 123. 1. Д.413.Л.13.

. Оп.

⁶¹⁴ ЦГА РСО-А. Ф 123. 1. Д.407.Л.29; Д. 406. Л.10.

ГАСК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 8. Л. 38.

⁶¹⁷ Жидкова М. Свою личную драму она обобщила и выступила на защиту женщины вообще (первые русские феминисты и женский вопрос) С. 479. // www.gender.ru.

⁶¹⁸ Там же. С. 425

⁶¹⁹ ГАСК. Ф. 101. Оп. 1. Д. 4898. Л.3.

⁶²⁰ Там же. Л.3.

⁶²¹ Обзор Ставропольской губернии за 1897. С.44.

⁶²² Обзор Ставропольской губернии за 1914. Ставрополь, 1915. С.63.

⁶²³ Там же. С.76.

⁶²⁴ Там же. С. 77.

⁶²⁵ Отчет начальника Терской области и наказного казачьего атамана Терского казачьего войска за 1910 год. Владикавказ, 1910. С.66.

⁶²⁶ Кубанский календарь на 1914 год. Екатеринодар, 1913. С. 142.

- ⁶²⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Под ред. Н.А. Тройницкого. Спб, 1905. С. XX.
- ⁶²⁸ ГАКК Ф. 454. Оп.1. Д. 5944, 6155, 5936, 6274, 6260.
- ⁶²⁹ Тончу Е. Общественные организации и общественное движение на Кубани // Настольная книга женщины Кубани / Общество «Знание» России. СПб, 1998. С.382.
- ⁶³⁰ Хоруев Ю.В. История в печатной строке: Справочник периодических изданий на тереке (1863-1917гг.). Владикавказ, 2003. С. 32, 47, 49, 65, 59-61, 66.
- ⁶³¹ Иры Номдыз Чызг. Кочысаты Розаейыл фыст уацтае, земзаев гае, нывтае, ае наеуый аермае джытае. Ред. Уанеты Владимир. РАУАГЪДАД, «Ирыстон», Цхинвал, 1990 С. 4.
- ⁶³² Гагиева М.А. Женщины гор. Орджоникидзе, 1973. С. 28.
- ⁶³³ ОРФ СОИГСИ. Ф. 22. Оп.1. Д.14, 19. Л. 1.
- ⁶³⁴ ОРФ СОИГСИ 22. Оп.1 Д. 12.
- ⁶³⁵ ОРФ СОИГСИ. Ф. 22. Оп.1. Д.14, 19. Л. 6.
- ⁶³⁶ ОРФ СОИГСИ. Ф. 22. Оп.1. Д.14, 19. Л. 8.
- ⁶³⁷ Кочисова Р. К девушкам Осетии. // Ног цард, 1907 № 13.
- ⁶³⁸ Осетия и осетины / Сост. К. Челехсаты. Владикавказ, 1994. С. 191.
- ⁶³⁹ ОРФ СОИГСИ.. Ф. 22. Оп.1. Д.14, 19. Л. 8.об.
- ⁶⁴⁰ Там же.

Заключение

- ⁶⁴⁰ Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870 - 1909 г. / Изд. Д.П.Кузьменко. Смоленск, 1904. С.24.

Список источников и литературы I.

Архивные материалы Государственный архив Российской Федерации

(ГАРФ)

Ф. 516 Союз равноправия женщин

Российский государственный исторический архив социально-политической истории (РГИАСПИ) Ф. 134

Личный фонд А.М. Колонтай

Государственный архив Ставропольского края

(ГАСК)

Ф.15 Дирекция народных училищ

Ф. 62 Ставропольское местное управление Российского общества Красного креста

Ф. 76 Ольгинская женская гимназия Ф. 77 Ставропольское
Епархиальное женское училище Ф. 96 Ставропольская
Городская Управа (1837-1920) Ф. 101 Канцелярия
Ставропольского губернатора Ф. 125 Ставропольская 3-я
женская гимназия Ф. 126 Ставропольский учительский
институт Ф. 135 Духовная консистория
Ф. 249. Главный пристав магометанских народов кочующих в Ставропольской
губернии.
Ф. 306 Ставропольский училищный совет.
Ф. 309 Ставропольская женская гимназия св. Александры
Ф. 311. Ставропольская губернская земская управа
Ф. 788. Попечительный Совет Ставропольской гимназии Св. Александры. г.
Ставрополь н/К.

Государственный архив Краснодарского края

(ГАКК)

Ф. 249 Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска
Ф. 427 Коллекция документов по истории просвещения в Черноморском и
Кубанском Казачьем войске 1806-1919 гг.
Ф. 454 Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского
казачьего войска.
Ф. 449 Кубанское областное правление Военного Министерства 1870-1919 гг.
Ф. 470 Дирекция народных училищ Кубанской области.
Ф. 495 1-я Екатеринодарская городская женская гимназия.
Ф. 485 2-я Екатеринодарская городская женская гимназия.
Ф. 560 3-я Екатеринодарская городская женская гимназия
Ф. 486 5-я Екатеринодарская женская гимназия
Ф. 469 Войсковая женская гимназия Кубанского казачьего войска 1864 - 1920. Ф. 498
Екатеринодарская городская управа
Ф. 584 Канцелярия помощника начальника Кубанского областного жандармского
управления

Ф. 719 Покровская женская община

Ф. 662 Акушерские курсы при Екатеринодарской городской больнице.

Ф.774 Канцелярия помощника Начальника Кубанской области по управлению горцами.

**Центральный государственный архив
Республики Северная Осетия – Алания
(ЦГА РСО–А)**

Ф. 8. Картографические документы

Ф. 11. Терское областное правление.

Ф. 12 Канцелярия начальника Терской области

Ф. 17. Терское областное по городским делам присутствие

Ф. 123 Дирекция Народных училищ Терской области

Ф. 124 Дирекция народных училищ Терской области Ф. 127

Владикавказская Ольгинская женская гимназия Ф. 128

Владикавказская 2-я женская гимназия Ф. 137

Владикавказский учительский институт Ф. 143

Вдаикавказская духовная консистория

Ф. 147 Владикавказское окружное отделение епархиального училищного совета

Ф. 263 Владикавказская второклассная женская школа

Ф. 199 Терское областное присутствие об обществах и союзах

**Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института
гуманитарных и**

социальных исследований (ОРФ

**СОИГСИ) Ф.1. История Осетии (до 1917) Ф. 11. Материалы о
женщинах-горянках**

Ф. 22. Оп.1. Д.14, 19. Алборов В.А. Жизнь и творчество первой осетинской
писательницы Розы Кочисовой. Ф. 22. Оп.1 Д. 12. Дзагуров Г.А. Об
одной пьесе Кочисовой Розы. Ф. 19. Оп.1. Д. 6. Валиева-Бегиева Саса -
сказательница. Ф. 1. Оп.1. Д. 194-207. Осетины в Америке об эмиграции
1911.

**Североосетинский государственный объединенный музей
истории,
архитектуры и литературы**

Фотофонд

II. Нормативно-правовые акты

1. Денисов К. Всеобщее обучение. Сборник законов и правительственных распоряжений. Вып. 1. 1907-1913. 2 доп. Спб., 1914.
Лаурсон А.И. Частные учебные заведения ведомства Министерства Народного просвещения. Сборник распоряжений и узаконений. Спб., 1912.
3. Мещерский И. И. Положение о сельскохозяйственном образовании и его применение. П.г., 1916.
- Нормальный Устав общин сестер милосердия Российского общества Красного Креста. Спб.: Гос. Типография, 1913.
5. О союзе брачном. Свод законов Российской империи. Т.10. Ч.1. Спб., 1896.
6. Положения о начальных народных училищах. Отдел первый. Цель, различные виды начальных народных училищ и ученье в оных./В кн. История педагогики в России. Хрестоматия. М.: Издательский центр «Академия», 2000.
Радевич М. Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения. Спб, 1884.
Роговин Л.М. Законы об обществах, союзах и собраниях. Спб., 1912.
9. Сборник главнейших, касающихся деятельности Российского общества Красного Креста законоположений и главнейших действующих циркуляров Главного Управления названного общества. Спб.: Государственная типография, 1914.
10. Сборник архивных документов относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области собранные Е.Д. Фелицыным. Т.1. Екатеринодар, 1904.

11. Сборник постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения за 1870 - 1909 г. / Изд. Д. П. Кузьменко. Смоленск, 1904.
12. Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Т.1. Тифлис, 1867.
13. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения 1874-1876 гг. С-П., 1877.
14. Свод законов Российской империи. Т.10.Ч.1.С-Петербург, 1896.
15. Устав общества вспомоществования недостаточным ученицам Ставропольских женских гимназий Ольгинской и Св.Александры. Ставрополь: Типография Т. Тимофеева, 1891.
16. Устав Дамского общества помощи бедным евреям в г. Ставрополе. Ставрополь-губернский: Типография М. Вайнблат, 1906.
17. Устав Екатеринодарского первоначального женского училища войскового старшины Александра Посполитаки. Екатеринодар, 1866.
18. Устав женского благотворительного общества Св. Александры, утвержденный 13.11.1869 г. Ставрополь, 1892.
19. Устав монастыря русской православной церкви. Александров, 1994.
20. Устав общества вспомоществования недостаточным ученицам 3-й Ставропольской женской гимназии. Ставрополь: Типография-литография Т. Тимофеева, 1910.
21. Устав общества для содействия распространению народного образования. Б.м., Б.г.
22. Устав женских гимназий Ведомства Императрицы Марии. С-П., 1906.
23. Положение о Мариинском женском училище Кубанского казачьего войска. СПб.: Типография Управления Иррегулярных войск, 1861.
24. Устав Екатеринодарского первоначального женского училища войскового старшины Александра Посполитаки. Екатеринодар, 1866.

25. Фальбок Г, Чернолуцкий В. Учительские общества, классы, курсы и съезды. Систематический свод законов, распоряжений правил, инструкций и справочные сведения. Спб.: Знание, 1901.

III . Опубликованные статистические и справочно-информационные

материалы

1. Альбицкий В. Высшие учебные заведения России. Справочная книга. Спб., 1884.
2. Анцыферов С.И. Справочная книга по низшему образованию. Год 5. (Сведения за 1908). Ч-2. Вып. 2. Спб.: Знание, 1913.
3. Бюллетени Первого Всероссийского женского съезда: 10 т. Спб, 1908.
4. Все высшие женские учебные заведения. О правах окончивших курс. М., 1916.
5. Даль. В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т.4.
6. Елисеев В. Программы и правила испытаний при поступлении учениц в женские гимназии. Одесса: Тип. Распопова, 1908.
7. Краткий исторический очерк Кубанской общины сестер милосердия Российского общества красного креста. Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1915.
8. Маврицкий В. А. Сборник правил и подробных программ для поступления во все учебные заведения мужские и женские 1899-1900. М., 1899.
9. Марголин Д. Программы и правила высших начальных училищ с приложением закона о высшем начальном училище 25 июня 1912 г. и программ и правил для испытаний на звание учителя и учительницы. Изд. 2-е. Киев: Тип. Самоненко, 1914.
10. Машновский А. Правила и полные программы для испытаний на звание учителя и учительницы высшего начального училища. Спб, 1917.
11. Начальное народное образование в России. Под. Ред. Г. Фальбока и В. Чернолуцкого. Т. 1-4. Статистические таблицы по уездам, городским поселениям и селениям империи. Спб., 1900-1905.

- [illegible]

27. Обзор Ставропольской губернии за 1895 год по данным Ставропольского губернского статистического комитета. Ставрополь, 1896.
- 28.** Обзор Ставропольской губернии за 1896 год по данным Ставропольского губернского статистического комитета. Ставрополь, 1897.
29. Обзор Ставропольской губернии за 1897 год по данным Ставропольского губернского статистического комитета. Ставрополь, 1898.
- 30.** Обзор Ставропольской губернии за 1899 год по данным Ставропольского губернского статистического комитета. Ставрополь, 1900.
31. Обзор Ставропольской губернии за 1905 год по данным Ставропольского губернского статистического комитета. Ставрополь, 1906.
- 32.** Обзор Ставропольской губернии за 1907 год по данным Ставропольского губернского статистического комитета. Ставрополь, 1908.
33. Обзор Ставропольской губернии за 1912 год по данным Ставропольского губернского статистического комитета. Ставрополь, 1913.
- 34.** Обзор Ставропольской губернии за 1914 год по данным Ставропольского губернского статистического комитета. Ставрополь, 1915.
35. Обозрение XXУН-летней деятельности Ставропольского женского благотворительного общества по учебному заведению Св.Александры, составленное членом-секретарем Ставропольского губернского статистического комитета И. В. Бентковским. Изд. ставропольского губернского статистического комитета. Ставрополь, 1877.
36. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: «Русский язык», 1987.
37. Отчет правления Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защите детей за 1911 г. Ставрополь, 1912.
38. Отчет правления Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защите детей за 1912 г. Ставрополь, 1913.
39. Отчет Ставропольского при Красном Кресте Дамского комитета за время с 1.08.1914 по 1.08.1915. Ставрополь-губернский: Тип. губернского правления, 1915.
40. Отчет о деятельности Ставропольского Дамского Комитета общества попечения о раненых и больных воинах, состоящего под августейшим покровительством ее

- императорского величества государыни императрицы за 1877. Ставрополь: Тип. губернского правления, 1878.
41. Отчет директоров и инспекторов народных училищ Кавказского учебного округа при осмотре учебных заведений в 1903-1904 г. Тифлис, 1904.
42. Отчет Екатеринодарского отделения армянского благотворительного общества на Кавказе за 1908. Екатеринодар: Тип. В.А. Кибанова, 1909.
43. Отчет за 1888/89 г. о состоянии Ставропольской женской гимназии Св. Александры. Ставрополь: Тип. губернского правления, 1891.
44. Отчет за 1890/91 о состоянии Ставропольской женской гимназии Св. Александры. Ставрополь: Тип. губернского правления, 1893.
45. Отчет комитета общества вспомощевания недостаточным ученицам Ставропольской женской гимназии. Ставрополь: Тип. Тимофеева, 1893.
46. Отчет Комитета общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе за 1896/97 уч.год. Ставрополь, 1898.
47. Отчет Комитета общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе за 1895/96 гг. Ставрополь-Кавказский, Тип. губернского правления 1897.
48. Отчет Комитета общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе за 1897/98 уч.год. Ставрополь: Типолиитография Тимофеева, 1899.
49. Отчет Кубанского Местного Управления Российского общества Красного Креста за 1897 г. Екатеринодар: Типография кубанского областного правления, 1898.
50. Отчет Кубанского Местного управления Российского общества Красного креста за 1901. Екатеринодар: Типография кубанского областного правления, 1902.
51. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1895. Екатеринодар: Типография кубанского областного правления, 1896.
52. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900. Екатеринодар: Типография кубанского областного правления, 1901.

53. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1910. Екатеринодар: Типография кубанского областного правления, 1911.
54. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1912. Екатеринодар: Типография кубанского областного правления, 1913
55. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1915. Екатеринодар: Типография кубанского областного правления, 1916.
56. Отчет начальника Терской области и наказного атамана за 1896. Владикавказ: Типография областного правления, 1897.
57. Отчет начальника Терской области и наказного атамана за 1910. Владикавказ: Типография областного правления, 1910.
58. Отчет о деятельности Кубанского общества братской помощи увечным воинам за 11 год существования. С 1 января 1916 по 1 января 1917. Екатеринодар: Типография областного правления, 1917.
59. Отчет о деятельности лазарета № 17 при Кубанской общине сестер милосердия Красного Креста с 22 ноября 1914 по 1 января 1916. Екатеринодар: Типография областного правления, 1916.
60. Отчет о деятельности Ставропольского дамского комитета о раненых и больных воинах за 1877. Ставрополь-Кавказский: Типография губернского правления, 1878.
61. Отчет о состоянии и деятельности народных училищ Ставропольской губернии за 1873. Ставрополь-Кавказский: Типография губернского правления, 1874.
62. Отчет о состоянии и деятельности общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в церковных школах Ставропольской епархии с 1.01.1913-31.12.1913. Ставрополь: Типография «Товарищество», 1915.
63. Отчет о состоянии Ставропольской женской гимназии Св. Александры за 1887. Ставрополь: Типография губернского правления, 1888.
64. Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского учебного округа за 1908-1915 гг. Тифлис, 1915.

65. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Ставропольской епархии за 1895/96 уч. год. Ставрополь: Типография «Товарищество», 1897.
66. Отчет общества вспомоществования недостаточным ученицам ставропольской 3-й женской гимназии (городской) за 1905-1908 гг. Ставрополь: Типо-литография Тимофеева, 1909.
67. Отчет попечительства Кубанского войскового приюта для девиц Ведомства Учреждений Императрицы Марии в г. Екатеринодаре за 1913 год. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1914.
68. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1882. Тифлис, 1883.
69. Отчет правления Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защите детей за 1902 г. Ставрополь, 1903.
70. Отчет правления Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защите детей за 1904 г. Ставрополь, 1905.
71. Отчет правления Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защите детей за 1910 г. Ставрополь, 1911.
72. Отчет правления Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защите детей за 1901 год. Ставрополь, 1902.
73. Отчет Пятигорского дамского комитета Красного креста за 1914-1915. Пятигорск: Тип. Кибардина, 1915.
74. Отчет Пятигорского Дамского комитета Красного креста за 1916 г. Пятигорск: Тип. Кибардина, 1917.
75. Отчет Пятигорского Дамского кружка попечения о бедных детях за 1912 г. Пятигорск: Тип. Кибардина, 1913.
76. Отчет Пятигорского местного управления общества Красного креста за 1912. Пятигорск: Тип. Кибардина, 1913.
77. Отчет Пятигорского Местного управления Российского общества Красного креста за 1906 г. Пятигорск, Типолитография А.П. Нагорова 1907.

78. Отчет Совета женского благотворительного общества по училищу Святой Александры за 1874/5 академический год, читанный в день торжественного акта 5 сентября 1875 г. Б.м., Б.г.
79. Отчет состоящего под августейшим покровительством ее императорского величества государыни императрицы Ставропольского женского благотворительного общества Св. Александры за 1892 и 1893 гг. Ставрополь: Типография губернского правления, 1894.
80. Отчет Ставропольского женского благотворительного общества Св. Александры о состоянии Ставропольской женской гимназии Св. Александры за 1883/4 уч.год. Б.м.Б.г.
81. Отчет Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защите детей за 1914 г. Ставрополь, 1915.
82. Отчет Ставропольского при Красном кресте дамского комитета за время с 1 августа 1914 по 1 января 1915. Ставрополь, 1915.
83. Памятная книжка Ставропольской губернии на 1893. Ставрополь, 1893.
84. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Изд-е центрального статистического комитета министерства внутренних дел под. Ред. Н.А. Тройницкого. СПб, 1906.
85. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Т. 65. Кубанская область. СПб., 1905.
86. Пятые сельскохозяйственные и общеобразовательные курсы на средства Кубанского казачьего войска для учителей и учительниц Кубанской области в г. Анапе с 1 июля по 1 августа 1911. // Сборник отчетов о курсах для учителей и учительниц за 1911 г. Тифлис, Типография Кавказского учебного округа, 1912.
87. Роговский А.И. Промышленные школы Кавказа. МНП - 2-я сводная выставка ученических изделий Кавказского учебного округа в г. Пятигорске, П.Б., 1914.
88. Сборник отчетов о курсах для учителей и учительниц за 1911 г. Тифлис, 1912.
89. Сборник правил и подробных программ для поступления во все учебные заведения мужские и женские 1899-1900 г. М., 1899.

90. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения 1874-1876 гг. С-П., 1877.
91. Сборник статистических сведений о состоянии среднего и низшего профессионального образования в России. Ч.1. СПб., 1910.
92. Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. I. Изд-е. Ставропольского губернского Статистического комитета. Ставрополь: Типография губернского правления, 1868.
93. Список технических и промышленных училищ сельскохозяйственных ремесленных и всякого рода профессиональных классов и отделений, учебных мастерских и классов ручного труда. Тифлис, 1915.
94. Список учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения (кроме начальных по городам и селениям. Составленный к 1 января 1909. СПб, 1909.
95. Статистические сведения о состоянии средних учебных заведений Кавказского учебного округа в 1905 г. Тифлис, 1906.
96. Список церковно-приходских школ и школ грамоты Ставропольской епархии за 1894/95 уч. Год. Ставрополь, 1895.
97. Справочник по женскому сельскохозяйственному образованию. СПб., 1912.
98. Ставропольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 г. Ставрополь, 1874.
99. Статистические сведения о состоянии средних учебных заведений Кавказского учебного округа в 1905 г. Тифлис, 1906.
100. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи за 1896 г. СПб, 1902.
101. Статистический обзор начального образования в Ставропольской губернии за 1913-14 уч. год. Ставрополь, 1915.
102. Статистический обзор начального образования в Ставропольской губернии за 1913-1914 уч. год. Ставрополь, 1915.

103. Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Ставрополь: Типография М.Н. Корицкого, 1897.
104. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917. Краснодар: «Эдви», 1997.
105. Юницкий Г. Справочник по организации низшего промышленного образования в России. М., 1912.

IV. Периодические издания

1. Вестник Европы. 1914. № 2.
2. Вестник благотворительности. 1901. №1.
3. Горская жизнь. 1918. № 39.
4. Дело. 1873. № 2
5. Женское дело. 1899. Кн. 4. С. 152-161.
6. Женское образование 1878 №№ 1-10; 1879. № 1-10.
7. Женский вестник. 1867. № 9.
8. Знание. 1874. № 1.
9. Исторический вестник. 1894. № 1
10. Кавказ. 1903. №24,31.
11. Кавказские Епархиальные ведомости. 1881. №24
12. Кавказские Епархиальные ведомости. 1881. №24.
13. Кавказский календарь на 1913 г. Тифлис, 1912.
14. Кавказский календарь на 1914 г. Тифлис, 1913.
15. Кавказский вестник. 1901. №3.
16. Казбек. 1903. № 1694, 1695, 1696; 1905. 20 июля, с.2.
17. Кубанские областные ведомости. 1892-1915.
18. Кубанский календарь на 1900г. Екатеринодар, 1899.
19. Кубанский календарь на 1903г. Екатеринодар, 1902.
20. Кубанский край. 1914. № 282.
21. Кубанский календарь на 1915 г. Екатеринодар, 1916.
22. Кубанский курьер. 1915. 28 сентября; 1912. 24 апреля, 19 мая.

23. Ног цард. 1907 № 13.
24. Народное образование. 1906. Т.2. Кн. 9. С.161-188.
25. Общественный врач. 1915. №9/10.
26. Право. 1913 №51.
27. Русская школа. 1914. №2. С.64-65.
28. Северокавказский край за 1913-1915 гг.
29. Союз женщин. 1907. № 5.
30. Ставропольские епархиальные ведомости за 1902, 1913-1916 гг. Терек.
31. Терек, 1913, № 4698.
32. Терские ведомости, 1908, № 59-61.
33. Терский календарь. 1914.
34. Учительский вестник. 1911. №4. С.3
35. Этнографическое обозрение. 1891. №.1.

V. Монографии и научные статьи

1. Абрамов Ф.Ф. Земство, народное образование и просвещение // Вопросы истории. 1998. №8. С. 44.
2. Авдеев А. Закон Божий в дореволюционной гимназии // Знание - сила. 1993. № 4. С.120.
3. Агаев А. Женщина по исламу и в исламе // Кавказский вестник. 1901. №3.
4. Айвазова С. Идеиные истоки женского движения в России // Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 125-134.
5. Акимов В.Н. Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемых при Дашковском этнографическом музее. 1888. Вып. 3.
6. Акинфиев И.Я. Поездка в Осетию на Ардоне и в Сванетию // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. 1894. Кн. 16.

7. Акоева Н.Б. Экономическая, политическая и социальная повседневность Кубанского казачества на рубеже веков (конец XIX - начало XX в.). Канд дисс. 07.00.02 - Отечественная истории. Ставрополь, 2002.
8. Алибегов И.Г. Народное образование на Кавказе. Тифлис: Электронпеч. Грузин. Изд-ва Б. Валекская, 1903.
9. Алешенцев И. История гимназического образования в России (XVIII - XIX). СПб.: Богдановой, 1912.
10. Алчевская Христина Даниловна. Полувекковой юбилей (1862-1912) М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1912.
11. Ананьев Г. Караногайцы их быт и образ жизни. Ставрополь: Типография Тимофеева, 1908.
12. Андреева Е.А. Епархиальные женские училища в России // Педагогика. 1999. № 3.
13. Аникеев А.А. Проблемы методологии истории. Курс лекций. Ставрополь: СГПУ, 1995, 1995.
14. Анисимов Е. Слово и дело русской женщины /В кн. Своеручные записки княгини Н. Б. Долгорукой. СПб.: Изд.-во О.Н. Поповой, 1992.
15. Аргутинская Л. Татьяна Соломаха. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1957.
16. Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. Л.: Работник просвещения, 1929
17. Арсанукаева М.С. Семейно-брачные отношения у чеченцев в XIX -начале XX века // История государства и права 2003. №. 3.С.22.
18. Афанасьев В.И., Пятов М.Л. Женское счетоводческое образование в дореволюционной России. // Бухгалтерский учет. 1997. № 4. С 73.
19. Афанасьев В.И., Пятов М.Л. Женское счетоводческое образование в дореволюционной России. // Бухгалтерский учет. 1997. № 4. С 73.
20. Ахриев Ч.Э. Об ингушских женщинах. //Ахриев Ч. Избранное. Назрань: ЗАО «Полиграфический комбинат», 2000. С. 177.

21. Бабич И.Л. Женщина и миротворчество у кабардинцев // Женщина и свобода: Пути выбора в мире традиций и перемен: Материалы международной конференции. М., 1994.
22. Бабишин С. Д. О грамотности женщин в городах Киевской Руси // Вопросы истории СССР. Харьков, 1980. Вып. 25. С. 136-142.
23. Баев Г. Владикавказская осетинская женская трехклассная школа. // Терские ведомости, 1908, № 59-61.
24. Бардадым В. Женский клуб в Екатеринодаре // Советская Кубань 1991. 8 марта.
25. Бардадым В. Кавалерист - девица // Казачье братство 1994. 23 сентября. 26.
- Баязитов И. Тайна «дедушки» Анастасии (Из воспоминаний А.А. Семеновой - Лобашевой о праздновании нового года в Екатеринодарском епархиальном женском училище в 1915 г.) // Советская Кубань 1990. 11 апреля. 27. Барчунова Т. В., Мешанин Ю. М. К вопросу об идеалах рациональности и так называемом женском стиле мышления в науке // Вечные философские проблемы. Новосибирск, 1991. С. 155-171. 28. Бебель А. Женщина настоящего, прошедшего и будущего времени. Б.М, Б.г.
29. Безобразов П.В. О правах женщины. М.: Тип.Пирожкова, 1895.
30. Беликов Г. Иоанно-Марьинский женский монастырь // Ставропольские губернские ведомости. 1997. № 155. 31. Беликов Г. Монастыри Кубани. О возникновении монастырей в Кубанской области // Ставропольские губернские ведомости 1997. № 191. С.4.
32. Беликов Г. Святого Георгия и Казанский Агафодоров монастырь в селе Винодельном (Ипатово) // Ставропольские губернские ведомости. 1997. № 187. С. 6.
33. Беликов Г. Кизлярский монастырь // Ставропольские губернские ведомости. 1997. №.146. С.4.

34. Беликов Г. Спасо-Преображенский женский монастырь // Ставропольские губернские ведомости. 1997. №.187. С.7.
35. Беликов Г.А., Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (на рубеже XIX - XX вв.) Ч. I. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1995.
36. Белоусов А. Ф. Институтка // Школьный быт и фольклор. Ч. 2. Девичья культура. Таллин, 1992. С. 119-160.
37. Беляев И. Д. О наследстве без завещания по древним русским законам. М.: Наука, 1958.
38. Беляева М.В. Формы работы и направления деятельности Ставропольского Красного Креста (1869-1917) // Ставрополь - врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Материалы Региональной научной конференции, посвященной 225-летию г. Ставрополя. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
39. Беляева М.В. Формы работы и направления деятельности Ставропольского Красного Креста (1869-1917). // Ставрополь - врата Кавказа: история, экономика, культура и политика: Мат. Региональной науч. конф. посвященной 225-летию г. Ставрополя. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
40. Бентковский И.В. Обзорение XXVII летней деятельности Ставропольского благотворительного общества по учебному заведению св. Александры. Вып. VIII. Ставрополь, 1877.
41. Бентковский Г. Ногайцы. Ч.1-я. Ставрополь: Типография Тимофеева, 1883.
42. Бентковский Г. Историко-статистический обзор инородцев-магометан кочующих в Ставропольской губернии. Ч-1. Ставрополь: Тип. Тимофеева, 1883.
43. Бентковский Г. Наши кочевники и их экономическое состояние. Ставрополь: Тип. Тимофеева, 1879 г.
44. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви /В кн. Русский эрос или философия любви в России. М.: Наука, 1991. С. 232.
45. Бережков М. Н. Елена Ивановна, великая княгиня литовская и польская // Труды IX Археологического съезда в Вильне. М., 1897. Т. II. С. 1-44.

46. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX -начала XX в. Л.: Знание, 1988.
47. Благовидов Ф.В. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра II. Казань, Тип. Импер. Унив., 1891.
48. Благосветлов Г. Е. Для чего нам нужны женщины. СПб. Знание, 1869.
49. Благосветлов Г. Е. Женский труд и вознаграждение за него. В кн. Благосветлов Г. Е. Сочинения. СПб. Знание, 1882.
50. Бларамберг И. Историческое топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Пер. с французского И.М. Назаровой. Нальчик: Изд. Центр «Эль-Фа», 1999.
51. Богат А. Работница и крестьянка в Красной Армии. М. - Л., 1928.
52. Богословская Л. П. «Что делать?» Чернышевского и женские артели 60-х гг. XIX в. // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1974. 53. Бокль Г.Т. Влияние женщины на успехи знания. СПб.: Знание, 1864. 54. Браун Л. Женский вопрос. Его историческое развитие и его экономическая сторона. М.: Госиздат, 1922. 55. Браун Л. Женский вопрос. Его историческое развитие и его экономическое значение. М.: Польза, 1903. 56. Браун Л. Женский труд в программе будущего. Одесса: Демос, 1905. 57. Браун - Грижицкая Л. Положение женщины в настоящем и будущем социальном строе. Одесса: Демос, 1905. 58. Бредникова Е. Как упраздняли русский феминизм // Столица. 1991. № 14. 59. Бураков Ю.Н. Утоли мои печали: (о деятельности общин сестер милосердия в России XIX века) // Наука и религия. 1991. №10. 60. Быстрянский В. Революция и женщина. Пг.: Госиздат, 1920. 61. Вагнер Е.Д. Доклад делегата Общества взаимопомощи учащихся и учивших в народных училищах Кубанской области. Екатеринодар, 1903. С. 1-2.
62. Валишевский К. Дочь Петра Великого. М.: ВААП-ИНФОРМ, 1993.
63. Валишевский К. Екатерина П. М.: ВААП-ИНФОРМ, 1993.

64. Вантеева Н.В. Общественное призрение на Ставрополье и Кубани в XIX - начале XX века. Автореф. Канд. Дис. Ставрополь, 2000.
65. Васецкий Н. Женщины российской короны. М.: Наука, 1994.
66. Василевич В. Московский съезд представителей учительских обществ взаимопомощи. 28 декабря 1902 г. 6 января 1903 г. М., 1905.
67. Вахтеров В.П. Внешкольное образование народа. М.: Польза, 1896.
68. Введение в гендерные исследования / Под ред. И.В. Костиковой. М.: Наука, 2000.
69. Великая октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. М.: Изд-во политическая литература, 1977.
70. Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный: Чечено-Ингушское кн. Изд., 1982.
71. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья. М.: Наука, 1979.
72. Велъдяскина Л. И. Женщина и нравственный мир русской крестьянской общины /В кн. Социальные трансформации и положение женщин в России. Иваново: Изд.-во «Иваново», 1995.
73. Вертинская И. Истоки и смысл русского феминизма // Семья и школа. 1999. № 5/6. С. 21.
74. Веселов А.Н. Среднее профессионально-техническое образование в дореволюционной России. М.: Трудрецервиздат, 1959.
75. Веселовский Б. История земства за сорок лет. Т.1. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909.
76. Весельницкая Е. Женщины в мужском мире. СПб.: Знание, 1993.
77. Вессель Н.Х. Наша средняя общеобразовательная школа. СПб., Типолитография В. В. Комарова, 1903.
78. Ветров И. С. Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны. М.: Наука, 1964.

79. Викторин В.М. Взаимодействие обычного права (адат, торе) с шариатом в этнопотестарной и этнополитической культуре северокавказских народов // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2. С.68.
80. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 7. Пг. - Киев, 1915.
81. Волжанский С.Н. Народное образование в России (посвящается земству). СПб.: Типо-литография В.В. Комарова, 1872.
82. Воробьев Ф.И. Очерк Большедербетовского улуса. Ставрополь на Кавказе: Тип. Тимофеева, 1909.
83. Всеобщее образование в России. Сборник под ред. Д. Шаховского. Вып. I. М., 1902.
84. Всероссийский съезд по образованию женщин. 1-й. Петроград. Труды. Т.2. Пг., 1915.
85. Второе совещание по внешкольному образованию при Ставропольской губернской земской управе. Ставрополь: Тип. земского городского правления, 1917.
86. Г.-Ю. Клапрот. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807/1808 гг. /В кн. Сукунова Х.Х., Сукуновой И.Х. Черкешенка. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1992. С. 53.
87. Габоева Л.Р. Из истории женского образования в Осетии // Эхо Кавказа. 1994. № 2. С. 38.
88. Гагиева М.А. Женщины гор. Орджоникидзе: Изд-во «Ир», 1973.
89. Гаджиева С.Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала: Дагнаучпедиздат, 1967.
90. Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане. XVIII - начало XX в. Махачкала, 1995. 91. Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы XIX - начало XX в. М.: Наука, 1990.
92. Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1961.

93. Гаджиева С.Ш. Общественное и семейное положение женщины кумычки по данным фольклора дооктябрьского периода // СЭ. 1953. № 1.
94. Гаджиева С.Ш. Очерки семьи и брака у ногайцев XIX-XX вв. М.: Наука, 1979.
95. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX - начале XX вв. М.: Наука, 1985.
96. Гаджиева С.Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, Дагнауспедиздат, 1967.
97. Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России 2-й половины XIX века. Л.-М., Учпедгиз, 1954.
98. Ганичева А. Некоторые страницы из истории женского образования // Дошкольное воспитание. 1996. № 10.
99. Гассиев А. Школа женская - больное место здешнего общества // Кавказ, 1873. №76.
100. Гатагова Л.С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.:РИЦ «Россия молодая», 1993.
101. Гатуев К. Осетинский женский приют // Терек, 1913, № 4698.
102. Герои Октября. Краснодар: Советская Кубань, 1967.
103. Георгий Архимандрит (Тертышников) Женское монашество в России XVII - XIX веко. //А и О №2, 1999.С.1. [http:// ao.orthodoxy.ru](http://ao.orthodoxy.ru)
104. Гнедич В.Г. Значение высшего женского сельскохозяйственного образования в деле воспитания молодого поколения. Спб: Типолитография В.В. Комарова 1902.
105. Гонтарева Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, Чечено-Ингушское кн. Изд., 1965.
106. Горлова И.И., Манаенко А.И., Лях В.И. Культура кубанских станиц 1794-1917. Исторический очерк. Краснодар: Советская Кубань, 1993.
107. Горский С. Жены Ивана Грозного. М.: Книгоиздательство «Дело», 1912.
108. Горшкова Е.А. Воспитательные дома и приюты в Российской империи // Педагогика, 1995. №.1.С.117.

109. Гоцберг А.Г. Замужняя женщина как неравная личность в современном гражданском праве // Право. 1913 №51.
110. Григорьев В.В. Исторический очерк русской школы. М.: Тов-во тип. А.И. Мамонтова, 1900.
111. Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Мысль, 1991.
112. Гуревич Л. Почему нужно дать женщине все права и свободу. СПб., 1906.
113. Гуревич Л.Я. Вопрос о равноправии женщин в крестьянской среде // Союз женщин 1907. №. 1.
114. Данилов А. Г. Интеллигенция юга России в конце XIX - начале XX века. Ростов-на Дону. Изд-во Ростовского государственного университета, 2000.
115. Дебольский Н. Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII века. СПб., 1903.
116. Девичество. Хороводы, посиделки, святки, гадания, любовные песни, частушки, заговоры / Сост. Л. А. Астафьева, В. А. Бахтина. (Сер.: «Мудрость народная: жизнь человека в русском фольклоре». Вып. 3). М.: Наука, 1994.
117. Демков М.И. Очерки по истории русской педагогики. М., 1915.
118. Денисов Н.Г., В.И. Лях. Художественная культура Кубани. Краснодар: «Экоинвест», 2000.
119. Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. Вып. 1. М., 1933.
120. Дзасохов Г. О женском образовании в Осетии // Казбек. 1905, 20 июля. С.2.
121. Дикий Э.Л., Зимняя И.А. Милосердие: проблема психологии? (по материалам работы в поезде «Милосердие») // Психологический журнал. 1991. Т.7 №2.
122. Дионесов С. М. В. А. Кашеварова-Руднева. Первая русская женщина -доктор медицины. М., 1965.
123. Дитрих М. Русская женщина великокняжеского времени. СПб., 1904.

124. Дмитриев С. С., Веселая Г. А. Е. Р. Дашкова /В кн. Е. Р. Дашкова. Записки . Под общ. ред. С. С. Дмитриева. М.:Наука, 1991.
125. Доклады губернской земской управы четвертому очередному земскому собранию сессии 1916 г. по народному образованию. Ставрополь, 1917.
126. Долгова Н. Роль женщины в сельском хозяйстве. Спб, 1902.
127. Домоховский А.О. О правах женщины в России // Библиотека для чтения. 1862. №7.
128. Дубинский Н. Женщина в жизни великих и знаменитых людей. М.: Мысль, 1994.
129. Дубов Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 1892 г. Казань, 1898.
130. Думанов Х.М., Смирнова Я.С. Старые и новые трактовки брачно-семейных обычаев народов Кавказа // Этнографическое обозрение. 1999. №.4. С. 18-27
131. Думанов Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев. Нальчик: Кабардино-балкарское кн. Изд., 1976.
132. Дюма А. Кавказ. Краснодар: Советская Кубань, 1992.
133. Дюринг Е. Высшее женское образование и университеты. Спб.: Знание 1902.
134. Евгеньева Н. Любовники Екатерины. М., 1990.
135. Екатеринодар - Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях. Краснодар: Краснодарское кн. Изд-во, 1993.
136. Ельницкий К. Преподавание педагогики // Народное образование. 1906. Т.2. Кн. 9. С.161 188.
137. Ерман Л.К. Интеллигенция в первой русской революции. М.: Наука, 1966.
138. Есаян М. Кубанской казачке - первый орден страны // Дамские слабости 1996 № 5. С 2.
139. Ефименко А. Я Народные юридические воззрения на брак // Знание. 1874. № 1.

140. Ефименко А. Я. Крестьянская женщина // Дело. 1873. № 2.
141. Ефремова Н. П. Шестидесятницы // Вопросы истории. 1978. № 9.
142. Женская военная судьба: Фотоальбом. М.: Наука, 1995.
143. Женская гимназия М.Н. Строгоновой в 1898 - 99 уч.г. Спб., 1990.
144. Женская психология /Составитель Н. А. Литвинцева. М., 1994.
145. Женская судьба в России: Документы и воспоминания / Под ред. Б. С. Илизарова. М., 1994.
146. Женский труд в фабрично - заводской промышленности России за последние 13 лет (1901 - 1911) // Общественный врач. 1915. №9/10.
147. Женщина. Гендер. Культура. М., 1999.
148. Женщины и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Материалы международной конференции 1993 г. / Отв. Ред. В.А. Тишков. М., 1994.
149. Женщины России: Статистический сборник. М.: Наука, 1995.
150. Жид П. Гражданское положение женщины с древнейших времен. М.: Книжное дело, 1902.
151. Жидкова М. Свою личную драму она обобщила и выступила на защиту женщины вообще (первые русские феминисты и женский вопрос) С. 479. [//www.gender.ru](http://www.gender.ru).
152. Жизненные сценарии женщин и сексуальность. Екатеринбург: Кн. Изд-во, 1991.
153. Жукова Л. А. Деятельность женских благотворительных организаций в России по оказанию помощи детям в XVIII — начале XX в. // Женщины в российском обществе. 1996. № 1. С. 43-49.
154. Жукова Л. А. Общественная и земская деятельность первых русских женщин-врачей во второй половине XIX в. // Женщины России - вчера, сегодня, завтра: Материалы докладов и выступлений на Российско-американской научно-практической конференции 1-5 июня 1993 г. М., 1994.
155. Жукова Л. А. По заветам Марфы и Марии // Родина. 1996. № 3. С. 9-12.

156. Жукова Ю. Об инструменте для написания «Женской истории» // Феминистская теория и практика: Восток-Запад. Материалы международной научно-практической конференции ПЦГИ. СПб. 1996. С. 295-303.
157. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. В кн. Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. Смоленск: Русич, 2002. С.279-559.
158. Забелин И. Е. Женщина по понятиям старинных книжников // Опыты изучения русских древностей и истории. М.: Изд-е книгопродавца М. Березина, 1872. Ч. 1. С. 129-178.
159. Зангиев Х.М. Ардонская семинария. Исторический очерк. Орджоникидзе: Ир, 1965.
160. Записки и воспоминания русских женщин XVIII - первой половины XIX в. / Сост. и авт. вступ. ст. Г. Н. Моисеева. М.: Современник, 1990.
161. Заседателева Л.Б. Терские казаки: (сер XVI - начало XX в). М.: Изд-во Московского ун-та, 1974.
162. Звягинцев Е. Попечительства при народных школах. Зачем и как их устраивать. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1909.
163. Звягинцев Е.А. Пособия казны на народное образование // Народное образование в земствах. Основы организации и практика дела. Сб. под ред. Е.А. Звягинцева, А.М. Обухова, С.О. Серополко, Н.В. Чехова. М., Типография П.П. Рябушинского, 1914.
164. Зинченко Н. Женское образование в России. Спб., 1901.
165. Златковский М. Профессиональные женские школы в России. Школы и курсы разнообразных реальных знаний // Женское образование. 1879. № 1-10. С.312.
166. Золотарев Л.А. Семья и женский труд. М.: Изд-е книгопродавца М. Березина, 1899.
167. Зубов И.О. Ставропольская психиатрическая больница имени императора Александра III. Ставрополь: Тип. Тимофеева, 1910.
168. Зырянов Ф.Л. Пламенные революционеры. Краснодар: Советская

- Кубань, 1990.
169. Иванов Л. Л. Замечательные женщины (с древнейших времен до наших дней). Волгоград: Кн. Изд-во, 1991.
 170. Иллюстрированный календарь Российского Общества Красного Креста на 1898 год. СПб.: Изд. Мин-ва нар. Просв 1898.
 171. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Наука, 1993.
 172. Ильинский П.А. Русская женщина в войну 1877-1878. С-Перербург: Типолитография Г.И. Шмидта, 1879.
 173. Императорское Воспитательное общество благородных девиц. Исторический очерк. 1764-1914. Т.1. СПб.: Типолитография Г.И. Шмидта, 1914.
 174. Исаев А. Безработица среди женщин и борьба с нею. М., 1926.
 175. Историческое описание Иоанно-Марьинского женского монастыря в г. Ставрополе. Ставрополь: Тип. Тимофеева, 1898.
 176. История городов и сел Ставрополя. Краткие очерки. Ставрополь: Ставропольское кн. Изд-во, 2002.
 177. История народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1988.
 178. Исчезнувшая Россия. Воспоминания княгини Л. Л. Васильчиковой. СПб., 1995.
 179. Кадыраджиева Х.Д. Отражение семейного быта в колыбельных песнях кумыков / В кн. Семейный быт народов Дагестана в XIX-XX в. Махачкала, 1980.
 180. Каймаразов Г.Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Дагнаучпедиздат, 1989.
 181. Кайтукова З.М. Научно-просветительная и педагогическая деятельность Аксо Колиева и проблемы женского образования в Осетии. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2000.
 182. Канайтан С. Пятидесятилетие Кубанского Мариинского женского института. 1863-1913 г. Екатеринодар, Тип. Кубанского областного правления. 1913.
 183. Канукова З.В. Гендерные аспекты в культуре полиэтнического города (Владикавказ в XIX - начале XX веков) // Гендер: язык, культура, коммуникации. Материалы I международной конференции. Ноябрь, 1999.

М., 1999.

184. Карамзин Н. М. Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода. СПб., 1802.
185. Карнаушенко Л.В. Наследственное право западных адыгов (XIX -начала XX) // Северный Кавказ: Геополитика, история, культура. Материалы всероссийской научной конференции (Ставрополь, 11-14 сентября 2001). М. - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. С. 240-244.
186. Карнович Е.П. О развитии женского труда в Петербурге. СПб., Типолитография Г.И. Шмидта. 1865.
187. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1996.
188. Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001.
189. Карпов Ю.Ю. Кавказская женщина: мировоззренческие предпосылки. // Этнографическое обозрение. 2000 № 4.
190. Карпович Е. П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. Л., 1990.
191. Катков М.И. О женском образовании. М. Изд. Мин-ва нар. Просв, 1897.
192. Кечерджи-Шаповалова М. В. Женское движение в России и за границей. СПб.: Типолитография Г.И. Шмидта, 1902.
193. Кеттлер И. Что такое женская эмансипация? Одесса: Буревестник, 1895.
194. Киселев А.А. Возникновение монастырей на Кубани в конце XVI -начале XX в. Краснодар: Советская Кубань, 1992.
195. Кисилев А.А. Возникновение монастырей на Кубани в к XVI - начале XX в. Краснодар: Советская Кубань, 1992.
196. Кияшко И.И. Черноморская Марии-Магдаленская женская пустынь // Кубанский сборник. Екатеринодар: Тип. Куб. обл. правления, 1910. Т. 15. С. 231-236.
197. Клименкова Т. А. Переход от «женских исследований» к гендерному подходу. Возникновение научного сообщества // Материалы конференции «Гендерные

- исследования в России: проблемы взаимодействия и перспективы развития» / МЦГИ. М., 1996. С. 16-22.
198. Ковалева И. Н. Женский вопрос в России 50-60-х гг. XIX в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторические науки. М., 1981.
199. Ковнатор Р. А. Женский вопрос в свете ленинизма // Коммунистка. 1925. № 1.
200. Колпачева О.Ю. Исторические корни женского гимназического образования. // Эвристическое образование: Региональная научно-практическая конференция. Ставрополь, 1998. С. 74-79.
201. Кон И. С. Введение в сексологию. М.: Наука, 1988.
202. Коновалов В. Образ женщины в русской демократической литературе // Уч. зап. Моск. пед. ин-та. М.: Изд-во Моск. Пед. Ин-та, 1967. № 256.
203. Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы (Гимназии и реальные училища с конца XIX в до Февральской революции 1917 года). М.: Изд-во Моск. Пед. Ин-та, 1956.
204. Копачев И.П. Народное образование в Кабарде. Нальчик, КБА СССР, Кабард. - Балк. Кн. Изд-во, 1957.
205. Копачев И.П. Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии (XVIII-30-е гг. XXв.). Нальчик, Кабард. - Балк. Кн. Изд-во, 1964.
206. Коробейников Ю.В. Ставропольское общество в благотворительности рубежа XIX - начале XX веков // Ставрополь - врата Кавказа: История, экономика, культура и политика. Мат. региональной науч. конф., посвященной 225-летию г. Ставрополя. (Ставрополь, 10 сентября 2002 г.). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С.225-231.
207. Котляревский Н. Очерки из истории общественного настроения 60-х годов: женский вопрос в его первой постановке // Вестник Европы. 1914. № 2.
208. Кох. К. Путешествие по России и в Кавказские земли. В кн. Сукунова Х.Х., Сукуновой И.Х. Черкешенка. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1992.
209. Кочина П. Любовь и математика: Софья Ковалевская. М.: Наука, 1985.

210. Кошев М.А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX - начале XX в. Баку: Кн Изд-во, 1991.
211. Кошелева О.Е. У истоков женского образования в России // Педагогика. 1993. № 2. С.88.
212. Край наш Ставрополье. Очерки истории. Ставрополь, Шат-гора, 1999.
213. Краснов Г. Ставрополь на Кавказе. Ставрополь: Ставропольское кн. Изд-тво, 1953.
214. Краткий исторический очерк образования и развития Кубанской общины сестер милосердия Российского общества Красного креста. Екатеринодар: Тип. Куб. обл. правления, 1915.
215. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Политическая литература, 1966.
216. Кругов А.И. Ставропольский край в истории России (1917-1941 гг.) Ч. II. Ставрополь: Ставропольское кн. Изд-во, 1996.
217. Кругов А.И. Ставропольский край в Истории России (конец XVIII - XX век). Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2001.
218. Крулехт М., Онищенко Э. Она стояла у истоков отечественного дошкольного воспитания // Дошкольное воспитание. 1993. №5. С.52.
219. Крупская Н. К. Женщина страны Советов - равноправный гражданин: Сборник статей, 1917-1937 гг. М.:Госиздат, 1938.
220. Крыжановский П.Н. Исторический очерк женской во имя Св. Марии Магдалины иноческой за 50 лет ея существования пустыни. // Ставропольские епархиальные ведомости. 1902. № 156.
221. Кубанское Казачье войско 1696-1888 г. Сборник кратких сведений о войске. Изданный под редакцией Действительного члена Кубанского областного статистического комитета. Е.Д. Фелицына. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1888.
222. Кузьменко Д.П. Народное образование в России в царствование Дома Романовых (1613 - 1913) // Трехсотлетие царствования Дома Романовых: Россия в её прошлом и настоящем (1613 - 1913). М., 1914.

223. Кулиш Ж. В. Племянница декабриста Мария Константиновна Цебрикова // Наука и религия. 1984. № 3. С. 32-35.
224. Курская А. Участие женотделов в проведении кампании по ликвидации неграмотности // Коммунистка. М., 1923. № 8. С. 10-11.
225. Кутергин В. Ф. Женщины древнего мира на троне и в семье: художественно-исторические портреты. Саранск, 1994.
226. Кушнир В. Женщины-миссионерки. СПб.: Знание, 1994.
227. Лабуиз Э. Народное образование. Спб.: Ламанский, 1867.
228. Латкин В.Ф. и Осадчий И.П. Дорогой борьбы. Краснодар: Советская Кубань, 1990.
229. Латышева М. Женщины-террористки. М.: Яуза, 2003.
230. Латышина Д.И. История педагогики. М: Гардарики, 2002.
231. Лебединский П.М. Современное положение замужней женщины. Тифлис: Тип. Иванова, 1896.
232. Легувье Э. История нравственного положения женщины. М., 1862.
233. Ленин В.И Гонители земства и Аннибалы либерализма // Ленин В.И. ПСС. Т.5.
234. Ленин В.И К вопросу о политике Министерства народного просвещения // Ленин В.И. ПСС. Т. 23.
235. Ленин В.И Нищета народных учителей // Ленин В.И. ПСС. Т. 24.
236. Ленин В.И Речь на II Всероссийском съезде учителей -интернационалистов 18 января 1919 г.// Ленин В.И. ПСС. Т.37.
237. Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. «О задачах женского рабочего движения в Советской республике». М.: Изд-во политической литературы, 1987.
238. Ленин В.И. Речь на II Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне 12 июня 1920 г. // Ленин В.И. ПСС. Т. 41.
239. Леонтович Ф.И. Адамы Кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и восточного Кавказа. Вып. 1, 2. Нальчик: изд. центр

«Эль-Фа», 2002.

240. Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России (1086 - 1796). Спб., 1890.
241. Лихачева Е.И. Материалы для истории женского образования в России (1828- 1856 гг). СПб., 1895.
242. Лозинская Л. Я. Во главе двух академий. М.: Наука, 1978.
243. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.:Наука, 1991.
244. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре XVIII — начала XIX в. СПб., 1994.
245. Лунинский Э. Княжна Тараканова. М.: Мысль, 1991.
246. Любушкина Е.Ю. К вопросу об общественных организациях в губернском городе Ставрополе во второй половине XIX - начале XX вв. // Ставрополь - врата Кавказа: История, экономика, культура и политика. Материалы региональной научной конференции, посвященной 225 -летию г. Ставрополя (Ставрополь, 10 сентября 2002 г.) Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С.225-231.
247. Лях В.И. Просвещение и культура в истории Кубанской станицы. Краснодар: Советская Кубань, 1997.
248. Магомедов А.А. Семья на Северном Кавказе. Ставрополь, изд-во СГУ, 1999.
249. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1979.
250. Малиновский Н.А. Народный учитель в революционном движении. М., 1926.
251. Малявкин Г. Станица Червленая // Этнографическое обозрение. 1891. №.1.
252. Мамсик Т. С. Из истории развития грамотности в западносибирской деревне // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1985.
253. Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе: Госиздат Сев-Осет АССР, 1942.

254. Медынцева А.Л. Грамотность женщин на Руси XI—XIII вв. по данным эпиграфики // Слово о полку Игореве и его время. Л., 1985.
255. Меньшикова Е.А. Чему и как учили в народной начальной школе. // Начальная школа. 1993. №3. С.197.
256. Меретуков М.А. Семья и брак у адыгейских народов. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1987.
257. Мижуев П.Г. Женский вопрос и женское движение. Спб.: Картавов, 1906.
258. Милль Д.С. Избирательные права женщины. М.:Сытин, 1905.
259. Милль Д.С. О подчинении женщины. СПб.: Тип. Губинского, 1896.
260. Милль Д.С. Подчиненность женщины СПб.: Тип. Звонарева, 1870.
261. Миловидова Э. Женский вопрос и женское движение. Хрестоматия. М.; Л., 1929.
262. Минаенко Н. А. Взаимоотношения супругов в русских крестьянских семьях Западной Сибири XVIII - первой половины XIX в. // Советская этнография. 1978. № 2.
263. Минаенко Н. А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVIII - первой половине XIX в. Новосибирск, 1989.
264. Минаенко Н. А. Старики в русской крестьянской общине Западной Сибири // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII — начала XX в. Новосибирск, 1985.
265. Минаенко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979.
266. Миропольский С. Очерк истории церковно-приходской школы от первого их возникновения на Руси до настоящего времени. Вып.1. Спб., 1894.
267. Митрополит Геден «История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России». Москва-Пятигорск 1992.
268. Михайлов М.Л. Женщины их воспитание и значение в семье и обществе. Спб, Картавов, 1903.

269. Михневич В. Русская женщина XVIII столетия. Исторические этюды.
Киев, 1895.
270. Моздалевский Л.Н. Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год.
Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис,
1880.
271. Моисеева Л.П. Проблема женской эмансипации в русской литературе
30-40-х годов XIX века. // Общественные науки и современность. 2000. №
4.
272. Мордовцев Д.Л. Русские женщины. М.: Современник, 1993.
273. Мордовцев Д. Русские женщины нового времени. СПб.: Тип. Черкасова,
1874.
274. Морсье А. Права женщины. Вопросы социального воспитания. СПб.: Тип.
Пирожкова, 1904.
275. Мусабеков Ю. С. Ю. В. Лермонтова. М.: Мысль, 1967.
276. Мускаев А.И., Першиц А.И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев.
Нальчик: Кабардино-балкар. Кн. Изд-во. 1992.
277. Мягкова К. О положении народных учителей. СПб.: Картавов, 1905.
278. Намитоков А.Ч. Черкешенка. М., 1928.
279. Народное образование в земствах. Основы организации и практики дела. М.,
1914.
280. Народное образование в России // Народная энциклопедия научных и
прикладных знаний: В 10 т. М., 1910. Т.10.
281. Невская В.П. Развитие школьного образования на Ставрополье в XIX -начале XX
в.// Вестник Ставропольского педагогического института. Социально-
гуманитарные науки. 1995. Вып. 1. С.85.
282. Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства,
культуры и быта. Минеральные воды: ТОО «КИНТ», 1994.
283. Никитина Т. Женщины в русском освободительном движении 60—70-х гг. XIX
века. Авто-реф. дис.... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1971.

284. Никитиц П. Монастырь у подножия Бештау // Кавказская здравница. 1991. № 132. С.4.
285. Никольский Н.М. История русской церкви. М.: Мысль, 1983.
286. Никольский С. Памяти героини долга сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой. Ставрополь, 1916.
287. Ногмов Ш.Б. История адыгского народа. Нальчик: Кабардино-балкар. Кн. Изд-во, 1974.
288. Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Здравоохранение Ставрополя а конце XVIII - начале XX в. Ставрополь: ГУП Ставропольская краевая типография, 2002.
289. Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Первая мировая война и проблема раненых // Первая мировая война: проблемы истории. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (3-4 ноября 1994 г.). Ставрополь: СГПУ, 1994.
290. Овцын В. Развитие женского образования (исторический очерк). СПб., 1888.
291. Оларт Е. Петр I и женщины. Киев, 1991.
292. Омаров С.М. Женское образование в Дагестане. Махачкала, Дагучпедгиз, 1960.
293. Ониани В. Большевистская партия и интеллигенция в первой русской революции. Тбилиси: Кн. Изд-во, 1970.
294. Орлова Е. Высшее женское образование в России // Вестник высшей школы. 1999. №.3. С.36.
295. Осетия и осетины /Сост. К. Челехсаты. Владикавказ: «ИР», 1994.
296. Основание Российского Общества Красного Креста и развитие его деятельности в период 1807-1875 г. Т.1. Киев, 1881.
297. Оспищева Л.Е. Благотворительность кубанцев в период I мировой войны // Первая мировая война: проблемы истории. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (3-4 ноября 1994 г.). Ставрополь: СГПУ, 1994.
298. Оспищева Л.Е. История Благотворительных организаций Кубани (конца XIX - начале XX вв.). Опыт изучения. Автореф. Канд. Дисс. Майкоп,

- 2000.
299. Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988.
300. Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М.: Мысль, 1986.
301. Панченко А. М. Боярыня Морозова - символ и личность / В кн. Повесть о боярыне Морозовой. М.: Мысль, 1991.
302. Панкхэрст Э. Моя жизнь. Записки суфражистки. Пг.: Тип. Попова, 1915.
303. Парижский международный конгресс учреждений и деятельности женщин // Вестник благотворительности. 1901. № 1.
304. Першиц А.И., Смирнова Я.С. Положение кавказской женщины по адатам, христианским канонам и шариату // Государство и право. 1997 № 9. С. 102.
305. Петражицкий Л.И. О женском равноправии. Пг.: Тип. Попова, 1915.
- 306.** Петрова Н.Б. Из дневника народной учительницы. Дети- сироты. М., 1915.
307. Платонов И. Браки и многоженство в Древней Руси // Сын Отечества. 1831. Т. XIX. № 15.
308. По страницам истории Кубани. Отв. Ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар: Советская Кубань, 1993.
309. Покотилова Т.Е. Благотворительность в России: этапы развития // Вестник Ставропольского Государственного Университета. 1996. Вып.4.
310. Покотилова Т.Е. Благотворительность в социальной истории дореволюционной России. М., 1997.
311. Покотилова Т.Е. Благотворительность и первая мировая война (из истории Ставропольской губернии) // Из истории земли Ставропольской. Сб. науч. Ст. Вып. 4. Ставрополь, 1997. С.33-39.
312. Покотилова Т.Е. Благотворительность и самоуправление // Актуальные проблемы политической системы и самоуправления. Ставрополь, 1994.

313. Покотилова Т.Е. Благотворительность как проявление нравственности // Вестник Ставропольского Государственного Университета. 1997. Вып.9.
314. Покотилова Т.Е. Земства в истории российской благотворительности // Царизм и общество в начале XX века: новые подходы и задачи изучения проблемы. Материалы V международ. науч. конф. М., 1998.
315. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы. В двух частях. СПб., 1858. (репринт). Краснодар: Советская Кубань, 1998.
316. Православная церковь на Кубани (конец XVIII - начало XX века). Краснодар: Краснод. Кн. Изд-во, 2001.
317. Прозрителев Г.Н. 1785-1910. К 125-летию города Ставрополя. Ставрополь: Тип. Тимофеева, 1885.
318. Прыскина Е. Государственная система общего образования российской провинции. // Регионология. 1998. № 5. С. 132.
319. Пукс П. Постановка и решение женского вопроса в русской литературе середины XIX в. // Уч. зап. Рязанск. пед. ин-та. 1967. Т. 39.
320. Пушкарева Н. Л. Женщины в русской истории: зарубежная историография XIX—XX вв. // Пушкарева Н. Л. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996 (Серия «Российский этнограф»).
321. Пушкарева Н. Л. Социально-правовое положение женщин в Русском государстве X-XV вв.: вопросы преступления и наказания // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 121-126.
322. Пушкарева Н., Левина Е. Женщина в средневековом Новгороде XI-XV вв. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. М., 1983. № 3. С. 78-89.
323. Пушкарева Н.Л. Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты / Под ред. Ю.Л. Бессмертной. М., 1993.
324. Пушкарева Н.Л. Как заставить заговорить пол? // Этнографическое

обозрение. 2000. №2. С.32.

325. Пушкарёва Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // Вопросы истории. 1998. №6. С.80-84.
326. Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.
327. Пушкарёва Н. Л. История женщин и гендерный подход к анализу прошлого в контексте проблем социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998.
328. Пушкарёва Н. Л. Мир чувств русской дворянки к XVIII- начала XIX в: сексуальная сфера. // В кн. Человек в мире чувств очерки по истории частной жизни Европы и некоторых стран Азии до начала нового времени. Отв. Ред. Ю.А. Бессмертный. М.: Изд-во РГГУ, 2000.
329. Пушкарёва Н.Л. Русская женщина в семье и обществе X-XX в. // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 1-15.
330. Пушкарёва Н.Л. Русская женщина в семье и обществе X-XX в. // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 1-15.
331. Пушкарёва Н.Л. Русская женщина: история и современность 1800-2000. М., 2002.
332. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X - начало XIX в.). М., 1997.
333. Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Дифференциация материнских и отцовских ролей в семье народов Кавказа: традиции и современность // Женщины и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. М, 1994. С. 185-198.
334. Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978.
335. Развитие школ в Осетии; Женское образование в Осетии // Хетагуров К. Полное собр. Соч. в пяти томах. Т.4., Владикавказ: СОИГСИ, 2000. С.182, 230, 276.

336. Раздольский С. А. Монастырские обители юга России, их роль в религиозном и культурном развитии края в XIX - начале XX веков. Краснодар: Советская Кубань, 1993.
337. Раздольский С.А. Миссионерская деятельность православной церкви на Северном Кавказе в XIX- нач. XX веков. Автореф. Дис. канд. ист. наук (07.00.02). Краснодар, 1996.
338. Рамих В. А. Материнство как социокультурный феномен. Ростов-на-Дону, 1995.
339. Рашин А.Г. Грамотность и народное образование в России в конце XIX начале XX в. // Исторические записки. 1951. № 37.
340. Рейнгард Н. В. О личных и имущественных правах женщин по русскому закону. Казань, 1885.
341. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина Европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., РОССПЭН, 2002.
342. Ривс В. Женское избирательное право. Киев, 1905.
343. Рис Н. Гендерные стереотипы в российском обществе // Этнографическое обозрение 1994, №5. С.44.
344. Робинович М.Г. Бытовой аспект семейной драмы Грозного // Советская этнография. 1981. № 6. С. 137-140.
- ^{345.} Роговский А. И. Промышленные школы Кавказа МНП. Пятигорск, 1914.
- ^{346.} Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802-1902). СПб., Изд. Мин-ва нар. Просв., 1902.
347. Розанов В.В. Женское образовательное движение 60-х годов // Религия и культура. Т. 1.М.: Наука, 1989. С. 129-141.
348. Розанов С . П . Евпраксия- Адельгейда Всеволодовна // Известия АН СССР. VII сер. 1929. № 8.
349. Романова Е.В. Высшие женские курсы В.А. Полторацкой (1906-1919) // Высшее образование в России 1993. №3.С.197.
350. Россия в конце XIX века / Под общ. ред. В.И.Ковалевского, СПб., 1900.

351. Рудольф Н. К вопросу об организации начальных училищ, специальных педагогических курсов, коммерческих и других профессиональных отделений при женских гимназиях. Тифлис: Тип. Кавказского учебного округа, 1915.
352. Русанов И.Ю. Революция и женский вопрос. М., 1917.
353. Рыбко С.Н. Церковно-приходские школы в системе народного образования на Кубани в начале XIX - XX вв. // Православный голос Кубани. 2002 №9 (142).
354. Рыбко С. Н. Церковные школы в системе народного образования на Кубани // Дикаревские чтения. Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1999. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2000.
355. Рычков А. Начало библиотечного образования в России // Книжное дело. 1993. №3. С.52.
356. Рябов О.В. Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // Филологические науки. 2000. № 3. С. 5-18.
357. Рязанова А. Женский труд. М., 1923.
358. Савин А. Фаворит Екатерины II. Ставрополь: Ставроп. Кн. Изд-во, 1990.
359. Саркисова Е. Последняя монахиня. (О монахине Горнозаводского монастыря к 90-летию) // Ставропольская правда. 2000. №71.
360. Свечникова Л.Г. Обычай в правовой системе (на материалах правового развития народов Северного Кавказа в XIX в.). Ставрополь, 2002.
361. Семевский М. И. Очерки и рассказы из русской истории XVII в.: Царица Катерина Алексеевна. Анна и Виллим Монс. 1692-1724. М.: Мысль, 1994.
362. Семенов А. О роли женщины в истории // Знание - сила. 1997. № 3. С. 3.
363. Сергеева Г.А. Женщина Дагестана до Великой Октябрьской социалистической революции и в советский период. Дисс. канд. ист. Наук. М., 1952.
364. Сергиенко В.С. К двадцатилетию Ставропольской Ольгинской женской гимназии. Исторический очерк. (1861-1897). Ставрополь: Тип. Тимофеева, 1899.

365. Сигорский М. Брак и брачные обычаи на Кавказе // Этнография. 1930. №3.
366. Синайский В.И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, Типография К. Маттисен, 1910.
367. Сиповский В.Д. Избранные педагогические сочинения. СПб.: Знание, 1911.
368. Скворцов А.Е. Подготовка кадров по физическому воспитанию в России (XIX) для учебных заведений и спортивно-гимнастического движения. // Теория и практика физ. Культуры. 1993. №3. С.14.
369. Смирнова Я.С. Положение «старшей» женщины у народов Кавказа и его историческое истолкование // Кавказский этнографический сборник. М., 1984. Вып. 8.
370. Смирнова Я. С. Воспитание ребенка в адыгейском ауле в прошлом и настоящем // Учен. Зап. Адыг. НИИ. Майкоп, 1968. Т.8: Этнография.
371. Смирнова Я.С. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа // Кавказский этнографический сборник. М., 1976. Вып. 6.
372. Смирнова Я. С. Положение «старшей» женщины у народов Кавказа и его историческое истолкование // Кавказский этнографический сборник. М., 1984. Вып. 8.
373. Смирнова Я. С. Раскрепощение женщины у народов Северного Кавказа за годы Советской власти. М.: Наука, 1964.
374. Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX - XX) // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Вып. 1.
375. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1983.
376. Смирнова Я. С. Трудовые роли и статусы женщины в традиционных обществах народов Кавказа // Этнографическое обозрение. 1997. № 4. С.48.

377. Смолич И.К. Русское монашество (988-1917). Приложение к «Истории Русской Церкви». М., 1997.
378. Смурова Н.А. Из истории высшего архитектурного женского образования в России // Высшее образование в России. 1994. № 2. С. 142.
379. Смятских А. Развитие среднего педагогического образования в России (XVIII - 20 г. XXв.). // Дошкольное воспитание. 1994. №5. С.73.
380. Совещание по внешкольному образованию при Ставропольской губернской земской управе. 20-25 сентября. 1915 г. Ставрополь, 1916.
381. Соколовский Н. Современный быт русской женщины и судебная реформа // Женский вестник. 1867. № 9. С. 57-83.
382. Соловьев В.С. Смысл любви // Избранное. М., 1990. С. 165-190.
383. Стасов В. В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899.
384. Степун Ф.А. Встречи. М., 1998. С. 55.
385. Столярова Л. Студенческая жизнь русской женщины // Вестник высшей школы. 1999. №.4. С.35.
386. Стрелов В. И. Ольгинская женская гимназия (к 140 летию со дня открытия) // Ставропольский хронограф на 2000 г. С.148.
387. Стрелов В. И. Первое женское среднее заведение Ставропольской губернии. (К 150 летию со дня открытия учебного заведения Св. Александры) // Ставропольский хронограф на 1999. Ставрополь, 1999. С. 197.
388. Строганова Е. Н. Из истории женского движения 1870-1880-х годов (Е. П. Свешникова) // Женщины. История. Общество. Сборник научных трудов / ТвГУ. Вып. 1. Тверь, 1999 С. 96-107.
389. Стюнин В.Я. Образование русской женщины // Собр. Соч. М.: Наука, 1954.
390. Судацов Н.Д. Первая женщина в России - кавалер ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия // Вестник Ставропольского государственного университета. 1995. №.2. С. 29- 35.

391. Судаевцов Н.Д. Ставропольская интеллигенция и земство // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Мат. межрегиональной науч. Конф. (10-11 апреля 1998): В 2-х ч. Ч. 1.
Ставрополь: СГУ, 1998.
392. Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х. Черкешенка. Майкоп. РИПО «Адыгея», 1992.
393. Сучков И. В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX - XX в. // Отечественная история. 1995. №.1. С.62.
394. Сущинский П. Н. Женщина-врач в России: очерк десятилетия Женских врачебных курсов. 1872-1882 гг. СПб., 1883.
395. Сысоева Е.К. Образовательная политика в России (60-90 гг XIX вв). // Педагогика. 1997 № 2. С.104.
396. Таисия, иг. Русское православное женское монашество. XVIII—XX вв. Сергиев Посад, 1992.
397. Такоева Н.Ф. К вопросу о браке и свадебных обрядах у северных осетин в XIX - начале XX в.// Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М, 1959. Вып. 32.
398. Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах. М., 1939. (о Марфе Борецкой).
399. Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848 Т. 1-2.
400. Тимирязев В. Французская королева Анна // Исторический вестник. 1894. № 1 (Т. 55). С. 198-209.
401. Тихонович В. Сеть учреждений внешкольного образования // Народное образование в земствах. Основы организации и практика дела. Сб под. Ред. Е.А. Звягинцева, А.М. Обухова, С.О. Серополко, Н.В. Чехова. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1914.
402. Тишкин Г. А. Чернышевский и раскрепощение женщины // Чернышевский Н. Г. Эстетика. Литература. Критика. Л.: Изд-во ленинградского ун-та, 1979. С. 349-358.
403. Тишкин Г.А. Женский вопрос в России в 50-60 гг XIX в. Л.: Изд-во ленинградского ун-та, 1984.

404. Толстой Л.Н. Казаки. М.: Художественная литература, 1981. С.159.
405. Тончу Е.А. Женщины Кубани. Серия: «Настольная книга женщины». СПб.: «Знание», 1998.
406. Тончу Е.А. Россия. Женщина. Земля. Семья. СПб.: «Знание», 2000.
407. Тотоев М. Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии. Орджоникидзе: Сев.-Осет. Кн. Изд., 1962.
408. Тотоев М.С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе, Сев.-Осет. Кн. Изд., 1957.
409. Трехбратов Б.А. История Кубани с древнейших времен до начала XX века. Краснодар: Кубан. Кн. Изд-во, 2003.
410. Трехбратова С.А. Социально-экономический портрет народного образования Кубани во второй половине XIX в. // Краснодару- 200 лет. Тез. краевой науч. - практич. конф. Краснодар, 1993.
411. Трофимов А. Святые жены Руси. М.: Мысль, 1994.
412. Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в Санкт - Петербурге, 10 - 16 декабря 1908 г. СПб., 1909.
413. Тыркова А. Сборник памяти А.П. Философовой Пг., 1915.
414. Тюрберт С. А. Два направления в социализме и женском движении // Союз женщин. 1907. № 5. С. 4-10.
415. Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Тула, 1990.
416. Уарзиати В.С. Культура осетин: Связи с народами Кавказа. Орджоникидзе: Сев.-Осет. Кн. Изд., 1990.
417. Уварова Т. Е. Женщина в обществе и культуре: этноисторические традиции и современность (зарубежные концепции 70-80-х гг.). М.: Мысль, 1987.
418. Узденова И. Статус женщины в адыгском и балкарском обществе и его модификации после октябрьской революции. Новопавловск, 1994.
419. Ульяновский А. Женщины в процессе 50-ти. СПб., 1906.

420. Уруймагов Х. Женские школы в Осетии // Казбек. 1903. № 1694, 1695, 1696.
421. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Собр. Соч. Т.1. С. 5672.
422. Фальбок Г., Чернолуцкий В. Министерские училища (одноклассные и двухклассные). Спб: Изд-во Мин-ва нар. Просв., 1903.
423. Фарафонтова Т. Общество попечения о молодых девицах в Санкт-Петербурге // Женское дело. 1899. Кн. 4. С. 152-161.
424. Фарфаровский С. Народное образование среди кочующих народов Северного Кавказа в связи с современным их бытом. Ставрополь: Изд-во Ставропольского статистического комитета, 1903.
425. Фарфаровский С.В. Народное образование среди калмыков Большого Дербета в связи с их бытом и историей. Бм. Б.г.
426. Фарфаровский С.В Трухмены Ставропольской губернии. Казань, 1911.
427. Фарфаровский С.В Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. Тифлис: Типография Козловского, 1909.
428. Федосова Э. П. Бестужевские курсы - первый женский университет в России (1878-1918). М.: Наука, 1980.
429. Федина А. Любимая дочь атамана Кухаренко // Дамские слабости 1996 № 1213.
430. Хабаров Г. Генеральская дочка // Совершенно секретно 2002. № 2. С. 36.
431. Хасбулатова З.И. Некоторые формы взаимопомощи связанные с хозяйственным и семейным бытом чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный: Чечено-Ингушское кн. Изд-во, 1981.
432. Хасбулатова З.И. Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционном прошлом. В кн. Этногр. и вопр. религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный: Чечено-Ингушское кн. Изд-во, 1981.
433. Хасбулатова О. А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917). Иваново, Изд-во «Иваново», 1994.

434. Хасбулатова О.А., Гафизова Н.Б. Женское движение в России (вторая половина XIX - начало XX века). Иваново: Изд-во «Иваново», 2003.
435. Хасбулатова О.А., Правкина И.А. Традиции женского движения в России: история и современность // Женщина в российском обществе. 1997. № 1.
436. Хасбулатова О.А., Кейфман Т.Б. Интеллигенция и женское движение в России // Женщина в российском обществе. 2000. № 2.
437. Харсиев Б.М.-Г. Имущественные отношения у народов Северного Кавказа (конец XVIII - начале XX в.) // Научная мысль Кавказа. 2002. № 3. С.81- 87.
438. Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи. М., 1905.
439. Хетагуров К. Маленькая история // Собр. Соч., Т.3, М.: Художественная литература, 1974, С.48.
440. Хетагуров К. Пятигорское двухклассное женское училище // Собр. Соч. Т.3. М., 1974. С.48.
441. Хоретлев А.О. Влияние России на просвещение в Адыгее (XIX в. -начало XX в.) Майкоп, Адыг. Кн. Изд., 1957.
442. Хоруев Ю.В. История в печатной строке: Справочник периодических изданий на Тереке (1863-1917 гг.); Сев.-Осет. Гос. Ун-т. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2003.
443. Христофорова Н.В. Женские гимназии в России // Педагогика. 1998. № 4. С. 80-86.
444. Цаликов А. Народное образование в Терской области // Горская жизнь. 1918. № 39.
445. Цатурова М. К. Русское семейное право XVI-XVIII вв. М.: Наука, 1991.
446. Цветков И.Л. К истории учительского движения в России // Учитель и революция: Сб. статей и материалов. М., 1925.
447. Цедербаум С. Женщина в русском революционном движении 1870-1905. Л., 1927.
448. Чарнолуцкий В. Основные вопросы организации внешкольного образования в России. СПб.: Знание, 1903.

449. Черджиев Х.С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе, Сев.-Осет. Кн. Изд., 1958.
450. Черепнин Н.П. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Т.1. Спб.: Знание, 1914.
451. Чернов Г.И. Страницы прошлого. (Из истории дореволюционной школы Владимирской губернии). Владимир: Кн. Изд-во, 1970.
452. Чеснов Я.В. Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 34.
453. Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX в. М., 1912.
454. Чочиев А.Р. Очерки Истории социальной культуры осетин. Цхинвали: кн. Изд-во, 1985.
455. Что такое женская эмансипация. Одесса, 1895.
456. Чудинов А.Н. История русской женщины в последовательном развитии ее литературных типов. Воронеж: Тип. Исаева, 1872.
457. Чурсин Г.Ф. Обычаи и предрассудки карачаевцев: Отношение к женщине // Кавказ. 1903. №24,31.
458. Шабанова А. Н. Очерк женского движения в России. СПб., 1912.
459. Шаповалов В.Ф. Россиеведение. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.
460. Шахова Г. Кафе «Чашка чаю». // Советская Кубань. 1989. 24 октября.
461. Шашков С.С. История русской женщины. СПб., 1879.
462. Шашков С.С. Очерк истории русской женщины. Спб, 1872.
463. Шептун С. Из истории православной церкви на Кубани. Краснодар: Советская Кубань, 1995.
464. Шмид Г.К. История средних учебных заведений в России. 1836-1912. СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1878.
465. Штвейн А.А. Из записок сельской учительницы. СПб.: Знание, 1895.
466. Шульгин В. О состоянии женщин в России до Петра Великого. Киев, 1850.
467. Щапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. №

10. С. 216-219.

468. Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Вып. 1-4.

Ставрополь, 1911.

469. Щепкина Е. Из истории женской личности в России. СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1914.

470. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринодар: Типография Товарищества печатного и издательского дела под фирмою «Печатник», 1913.

471. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Том. II. Екатеринодар: Тип. «Печатник», 1913.

472. Щербина Ф.А. Краткий исторический очерк Кубанского казачьего войска. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1888.

473. Эймонтова Р.Г. Просвещение в России первой половины XIX века // Вопросы истории. 1986. №10.

474. Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской. М.: Наука, 1987.

475. Янин В. Л. Я послал тебе бересту... М.: Наука, 1975.

VI. Авторефераты диссертаций и диссертации

1. Кайтукова З.М. Аксо Колиев и проблемы становления женского образования на Северном Кавказе (начала XIX - 1917). Автореф. дис. канд. ист. наук (07.00.02). Владикавказ, 2000.
2. Кондрашкина Л. Е. Участие женщин в деятельности медицинских общественных организаций и учреждений России в XVIII - XIX вв. Автореф. дис. канд. ист. наук (07.00.02), Санкт-Петербург, 2002.
3. Мартыненко Н.Г. Женское движение в России во второй половине XIX -начале XX в. Автореф. дис. канд. ист. наук (07.00.02). Воронеж, 2002.
4. Никитина Т. Женщины в русском освободительном движении 60-70-х гг. XIX века. Авто-реф. дис.... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1971.

5. Пашенцева С.В. Деятельность женских благотворительных обществ России в конце XIX - начале XX века. Автореф. дис. канд. ист. наук (07.00.02). М., 1999.
6. Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX -начала XX века (роль и место в семейной и общественной жизни): Автореферат дисс. док. ист. наук. Махачкала, 2001.
7. Сабаничева Л.Х. Гендерные отношения в традиционной культуре кабардинцев (вторая половина XVI - 60-е XIX века). Автореф. канд. дис. (07.00.07). Нальчик, 2003.
8. Сергеева Г.А. Женщина Дагестана до Великой Октябрьской социалистической революции и в советский период. Дисс. канд. ист. наук. М., 1952.
9. Скачкова Г.К. Образование и общественная деятельность женщин Тобольской губернии второй пол. XIX - нач. XX вв. (1860-1917 гг). Автореф. канд. дисс. (07.00.02). Тобольск, 1998.
10. Ткаченко Д.С. Национально-просветительная политика Российской империи на Ставрополье, Дону и Кубани в 1900-1917 г.г. Автореф. дис. канд. ист. наук (07.00.02). Ставрополь, 1997.
11. Хасбулатова О.А. Социально-исторический опыт и традиции женского движения в России (1860-1917 годы). (07.00.01) Автореферат дисс. док. ист. наук. М., 1995.
12. Чич С. Н. Государственная система общеобразовательной подготовки женской молодежи на Кубани в XIX - начале XX вв. Автореф. канд. дис. (07.00.02). Майкоп, 1993.